

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ»

На правах рукописи

САПОЖНИКОВА ОЛЕСЯ АНДРЕЕВНА

ДИНАМИКА МЕНТАЛЬНОСТИ МОНГОЛЬСКОГО НАРОДА
В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

24.00.01 – Теория и история культуры
(культурология)

Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии

Научный руководитель:
доктор философских наук,
профессор Воеводина Л.Н.

Москва – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Теоретико-методологические и историко-культурные основания исследования ментальности народа	17
1.1. Ментальность народа как предмет культурологического исследования	17
1.2. Историко-культурные процессы становления ментальности монгольского народа	34
Глава II. Национально-культурная специфика ментальности монгольского народа в современных социокультурных условиях	62
2.1. Современные этносоциокультурные процессы в Монголии и их влияние на динамику ментальности народа	62
2.2. Ментальность монгольского народа в условиях межкультурного взаимодействия Россия-Монголия	86
Заключение	117
Список литературы	125

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Современное расширение межкультурных коммуникаций и активное взаимодействие различных народов стимулируют необходимость понимания национально-культурных особенностей, культурных ценностей и приоритетов представителей других культур.

Исследование многоаспектной проблемы ментальности, специфики этнокультурного сознания монголов необходимо и актуально в современных условиях глобализации. Нестабильность, продолжающиеся и вновь возникающие международные конфликты все с большей очевидностью демонстрируют необходимость учитывать социально-культурный фактор, культурное разнообразие народов и особенности их ментальности.

Современная геополитическая ситуация, в которой сегодня оказалась Россия, продуцирует выстраивание политического и межкультурного диалога с азиатскими странами. В этой связи представляется чрезвычайно важным исследование динамики ментальности народа Монголии, находящегося в непосредственном соседстве и взаимодействии с Россией.

Развитие современного общества подтверждает равную значимость политических, экономических и социальных факторов, тем не менее деятельность социальных групп и отдельных индивидов во многом определяется духовными детерминантами. Поэтому так важно исследование особенностей народов, их ментальности и национального характера на современном этапе развития культурологического знания. Исследование ментальных особенностей народов существенно расширяет целостное представление о нациях и отношениях между ними. Поэтому использование категории менталитета и учет динамики ментальности монгольского народа в контексте российско-монгольских культурных связей послужат приращению культурологического знания.

Систематизация знаний о монгольской культуре требует дополнительных исследований и культурологического анализа трансформационных процессов в

монгольском обществе, с учетом специфики географических условий, образа жизни и характера хозяйствования монголов, их традиционной культуры.

В данном диссертационном исследовании представлен комплексный анализ ключевых проблем становления и развития монгольской ментальности как особой системы, сформировавшейся в определенных социально-исторических условиях. Объективно исследуемая картина становления традиционной монгольской культуры, ее развитие позволяют оценить сохранность, а, следовательно, актуальность ее отдельных элементов в современном этносоциокультурном пространстве, а также проследить динамику ментальности монгольского народа в контексте российско-монгольских культурных связей с целью прогнозирования ближайших перспектив развития рассматриваемой сферы.

Радикальные перемены в жизни современного монгольского народа, появление новых вызовов и социальных рисков диктуют необходимость формирования новых подходов в осмыслении и изучении социокультурных процессов монгольского общества.

Трансформация социально-структурных процессов современного монгольского общества показывает всю сложность происходящих общественных процессов и вместе с тем демонстрирует, что население Монголии являет собой сложный этносоциокультурный феномен, исследование которого крайне необходимо для культурологии и других сфер современного социально-гуманитарного знания на основе современных научных подходов.

Важным обстоятельством динамики ментальности монгольского народа следует определить советско-монгольские отношения. Советский Союз всегда препятствовал попыткам Китая вернуть Монголию в свой состав, проводил в этом направлении гибкую и весьма успешную политику. Главным итогом советско-монгольских отношений является получение Монгольской народной республикой независимости и статуса равноправного члена мирового сообщества. Современный позитивный образ России, как показывает исследование, связан у монголов с ассоциацией гаранта независимости и безопасности монгольского государства. Многие черты монгольской ментальности и поведенческие модели

формировались в XX веке, когда монгольский и советский народ были близки, поэтому монголы демонстрируют близость к россиянам.

Россия заинтересована в независимой Монголии, ориентированной на Россию. В настоящее время в азиатском регионе сталкиваются интересы России, США, Китая, Японии, Южной Кореи, поэтому для нашей страны важна активизация контактов с Улан-Батором, в связи с чем существенно возрастает роль социокультурного фактора.

Многомерная сложность происходящих процессов в Монголии конца XX - начала XXI вв. и трансформация международных отношений способствовали взаимодействию Монголии с различными странами и проникновению других культур: китайской, американской, японской и др., что требует интерпретации процессов и событий с культурологической точки зрения и что также актуализирует исследование динамики ментальности монгольского народа в контексте российско-монгольских культурных связей.

Актуальность исследования заключается и в том, что работ по истории и теории культуры монгольского народа немного, несмотря на то, что отечественное монголоведение проделало длительный путь от случайного набора обрывочных фактов до особой научной дисциплины, которая не уступает другим разделам мирового востоковедения.

В связи с этим нам представляется актуальным проведение культурологического анализа динамики ментальности монгольского народа в контексте российско-монгольских культурных связей.

Степень научной разработанности темы исследования.

Ментальность как предмет исследования имеет богатую историю в различных сферах знания: ее понимание и содержание интересовало многих ученых философов, психологов, историков, культурологов, антропологов и др. Первые представления о различиях мировоззрений, нравов и обычаев у народов известны уже в античности – в трудах Геродота, Гиппократ, Плиния Старшего, Страбона, Тацита.

Новый существенный этап в исследовании ментальности представляют труды античных философов, предположивших, что энергия эманации связана с

ментальностью человека: по Гераклиту, Логос производит из себя мир и душу человека; Платон представил в мифологической форме учение о Благе; существенно развил учение об эманации Аристотель – энергия движет всем миром и душой человека.

Следует выделить философские исследования классиков европейской мысли: О. Бауэра, Дж. Вико, Г.В.Ф. Гегеля, К. Гельвеция, И. Канта, Ш. Монтескье, И. Фихте, Д. Юма, которые составляют философскую основу исследования менталитета, национального характера.

Отдельную группу представляют работы антропологов и социологов, среди которых: А. Бастиан, М. Вебер, О. Конт, Г. Морган, Г. Спенсер, Э. Тайлор, Дж. Фрэнгер, исследовавшие различные аспекты общественного сознания и этнического разнообразия, заложившие теоретико-методологическую основу анализа культуры как важнейшего фактора эволюции общества.

Известно, что понятие «ментальность» одним из первых ввел в научный оборот философ, психолог и социальный антрополог Л. Леви-Брюль. Но также общеизвестно, например, что Марсель Мосс употреблял данное понятие с 1906 года.

Развитие проблематики ментальности находим в этнографических исследованиях разных народов и культур (Ф. Боас, Б. Малиновский и др.)

Основываясь на историческом подходе, изучали роль субъективного в историческом процессе, относя сюда и менталитет как специфическую мировоззренческую модель, определяющую общественное развитие: М. Блок, Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф, Ж. Дюби, Ф. Лебрен, М. Ферро, Л. Февр, П. Шоню и др.

Ментальный подход в нашей отечественной историографии обычно связывают с представителями московской школы культурно-исторической психологии: Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым, А.Р. Лурией, а также с семиотическими исследованиями Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского.

Для авторского понимания проблемы менталитета, ментальности и национального характера имели значение работы А.С. Ахиезера, Н.А. Бердяева, Н.Я. Данилевского, В.И. Жукова, З.И. Левина, А.Н. Леонтьева, Н.О. Лосского, П.А. Сорокина, Г.Г. Шпета и др. – которые исследовали и обосновывали понятия

ментальности, коллективного бессознательного, социального характера, - без понимания которых невозможно было бы данное исследование.

В отдельную группу следует объединить работы западных и отечественных культурологов, в которых раскрывается сущность культуры, причины появления и развития, особенности трансляции и трансформации. Следует назвать авторов, работы которых помогают философски осмыслить современные этносоциокультурные процессы: П.Дж. Бьюкенен, А. Вебер, К. Маннгейм, М. Мид, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон, К. Хорни.

Среди отечественных ученых менталитет исследовали в рамках этнонационального подхода К.А. Абульханова-Славская, Г.Д. Гачев, С.В. Лурье, Я.В. Чеснов и др.

Проблемы этнических процессов, национального сознания и самосознания, коллективного сознания, национальной культуры и специфики ментальности и мифологической картины мира, а также методология культурологического знания освещались в трудах таких российских исследователей как: Р.Г. Абдулатипов, А.А. Аронов, О.Н. Астафьева, Л.Н. Воеводина, С.Н. Гавров, Г.В. Гриненко, Б.С. Ерасов, Л.Г. Ионин, А.В. Костина, Т.Ф. Кузнецова, Н.С. Кулешова, Э.С. Маркарян, В.М. Межуев, Ф.М. Мухаметшин, Н.И. Неженец, Э.А. Орлова, А.А. Пелипенко, В. А. Ремизов, Н.В. Синявина, Т.Н. Суминова, В.А. Тихонова, А.Я. Флиер, В.М. Чижиков, М.М. Шibaева и др.

Большое значение для данного диссертационного исследования имели работы следующих авторов: Т.А. Гореловой, Ламажаа Ч.К., Вал. Лукова, Вл. Лукова. Стоит отдельно отметить тезаурусный подход, который помогает структурировать полученный материал исследования.

Проблемы межкультурного взаимодействия представлены в исследованиях следующих ученых: С.Н. Артановского, С.А. Арутюнова, В.С. Библера, Н.Я. Данилевского, Н.К. Иконниковой, Б. Малиновского, О. Шпенглера и др.

Изучением специфики этнических и национальных культур занимались такие исследователи, как Г.А. Аванесова, А.Я. Гуревич, Л.Г. Ионин, С.В. Лурье, Э.А. Орлова, А.Я. Флиер.

Большую роль для данного исследования играют и комплексные труды монголоведов: Б.Я. Владимирцова, П.А. Кафарова, О.М. Ковалевского, А.М. Позднеева, А.В. Попова, Я.И. Шмидта и других.

Рассматриваемая проблематика также представлена в следующих диссертационных исследованиях: О.В. Зверев «Менталитет как выражение специфики этнической картины мира (на примере традиционной культуры чувашей)», З.Н. Рахматуллина «Особенности формирования и основные черты менталитета башкирского народа», Н. Баярсайхан «Монгольская культура в цивилизационно-историческом контексте» и др.

Современное научное сообщество отмечает актуализацию проблем, связанных с историческим, общественно-политическим развитием государств азиатского региона, в том числе и Монголии, а также актуализацию вопросов экономической, политической и культурной сфер. Однако следует отметить, что все же проведено недостаточно исследований, в рамках культурологии, недостаточно изучена специфика ментальности монголов, а также межкультурное взаимодействие России и Монголии.

Оценивая степень изученности темы, следует отметить, что научная проблема, заявленная в диссертационном исследовании, предметом изучения не являлась, что и обусловило выбор темы и постановку цели исследования.

Объектом исследования выступает ментальность монгольского народа как социокультурный феномен.

Предмет исследования: динамика ментальности монгольского народа в контексте российско-монгольских культурных связей.

Цель данного исследования заключается в выявлении генезиса, специфики и факторов динамики ментальности монгольского народа в контексте российско-монгольских культурных связей.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **исследовательских задач:**

- раскрыть ментальность монгольского народа как предмет культурологического исследования и определить факторы формирования ментальности монгольского народа;

- определить историко-культурные процессы становления ментальности монгольского народа и обозначить основы традиционной монгольской культуры;
- выявить специфику современных этносоциокультурных процессов в Монголии и отразить их влияние на динамику ментальности монгольского народа;
- раскрыть ментальность монгольского народа в условиях российско-монгольского культурного взаимодействия.

Теоретико-методологическими основаниями исследования являются базовые положения культурологии, социальной философии, социологии культуры, этнологии о роли ментальности в обществе, разработанные отечественными и зарубежными исследователями, а также научные подходы к изучению культуры, которые сформировались в структурном функционализме (Э. Дюркгейм, Б. Малиновский, Т. Парсонс, Г. Спенсер) и классическом эволюционизме (Н.Я. Данилевский, О. Конт, Э. Тайлор).

При исследовании ментальности методологически значимыми для данной диссертации были подходы, разработанные: С.В. Лурье, А.А. Пелипенко, А.Я. Флиером.

При разработке проблем межкультурного взаимодействия актуальными представлялись теории, предложенные Г.А. Аванесовой и С.А. Арутюновым.

Подходы, изложенные в фундаментальных трудах отечественных монголоведов также имели большое значение для данного исследования: Л.К. Герасимович, А.С. Железнякова, Л.Н. Жуковской, И.В. Кульганек, Г.И. Михайлова, Л.Г. Скородумовой, А.Д. Цендиной, К.Н. Яцковской.

Общеметодологическое значение для данной работы имеют теории и подходы ученых, исследовавших проблематику ментальности, национального характера. Среди них следует назвать: К.Г. Юнга, Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского, В.И. Жукова, А.С. Ахиезера, З.И. Левина, обосновавших менталитет, национальный характер, социальный характер, архетип, коллективное бессознательное.

Отдельную группу представляет комплекс культурологических методологий, посвященный анализу сущности культуры, ее генезису, динамике, причинам формирования ее особенностей и специфики. Среди наиболее

значимых западных теоретиков следует назвать А. Вебера, К. Маннгейма, К. Хорни, М. Мид, П.Дж. Бьюкенена, Ф. Фукуямы, С. Хантингтона, заложивших фундаментальную основу философского осмысления современных этносоциокультурных процессов. Общеметодологическую базу культурологического знания также разрабатывают Т.Ф. Кузнецова, В.М. Межуев, А.Я. Флиер, А.Л. Маршак, Э.А. Орлова и другие авторы.

Следует отметить, что исследований монголоведов западных стран, посвященных данной теме, немного, следует назвать, например, работу Р. Рупена «Монголы XX века» и др.

Для нашего исследования значимы подходы таких монгольских ученых, как: С. Лувсанвандан, Д. Цэнд, Д. Цэрэнсодном, Ц. Хасбаатар, Д. Цэдэв, Ш. Гаадамба, Ц. Мөнх, С. Энхбаяр.

Методы исследования. В данном исследовании применялись такие методы, как: эволюционный для изучения динамики монгольского общества, компаративный для сравнения ментальности русских и монголов, их ценностей и др., системно-структурный для определения сущности, структуры и содержания понятий «ментальность», «национальный характер», «этническая ментальность», «национальная ментальность», герменевтический для анализа имеющихся источников, а также историко-культурный метод. В диссертации также использовались методы индукции, дедукции, анализа и синтеза.

Источниковедческая база исследования включает:

1. Летописи. Источники по средневековой монгольской истории такие, как «Сокровенное сказание монголов», «Сборник летописей» Рашида ад-Дина, «Сказание о дурбэн-ойратах» и др.
2. Законодательные акты Монгольской народной республики и межгосударственные соглашения, в которых отражена официальная позиция Монголии в решении национальных вопросов.
3. Договора, соглашения о культурном взаимодействии СССР и МНР.
4. Основные договорно-правовые акты, подписанные Россией и Монголией.
5. Статистические материалы.
6. Периодическая печать: сборник статей, изданных в сибирских газетах

начала XX в. А.В. Бурдуковым, публикации русскоязычных газет «Монголия сегодня» и «Новости Монголии».

7. Публицистика и политические сочинения: официальные выступления экс-президента Монголии Ц. Элбэгдоржа и интервью с ним, а также другие похожие материалы.
8. Научные публикации исследователей конца XIX – начала XX века: работы Н.Я. Бичурина (о. Иакинфа), Г.Н. Потанина, А.М. Позднеева, Б.Я. Владимирцова, И.М. Майского и отчет Московской торговой экспедиции в Монголию.
9. Материалы общего архивного фонда Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии (ИМБТ СО РАН ЦВРК): партийные агитационные публикации, материалы антирелигиозной пропаганды, газеты. (Фонд 1, опись 1).

В диссертации также используются национальная и международные статистики.

Научная новизна исследования состоит прежде всего в комплексном подходе к исследованию заявленной темы и существенно дополняет отечественное монголоведение культурологическим анализом специфики динамики ментальности монгольского народа в контексте российско-монгольских культурных связей.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

- рассмотрена ментальность монгольского народа как предмет культурологического исследования, которая представляет собой систему, отражающую специфическую манеру восприятия и оценки реальности, а также представлены факторы (географический, геополитический, религиозный и др.), повлиявшие на формирование ментальности монгольского народа;
- проанализированы историко-культурные процессы становления ментальности монгольского народа (потеря независимости страной, распространение буддизма и др.) в рамках формирования традиционной культуры монгольского народа и проведен анализ картины мира монголов как специфического выражения

этнической ментальности, особенностей их мировоззренческой системы и мировосприятия, которые формируют модель социального поведения монголов;

- изучены современные этносоциокультурные процессы в Монголии (в частности, революции XX века), которые оказывают существенное влияние на динамику ментальности монгольского народа в условиях социокультурной трансформации, что отражается в ценностных ориентациях, стиле мышления и национальном характере монголов;

- выявлена ментальность монгольского народа в условиях межкультурного российско-монгольского взаимодействия, которая отражается в характере построения отношений между двумя странами, и предложена авторская периодизация постсоциалистического российско-монгольского культурного взаимодействия: 1990-е - 2000-е гг. – период начала рыночных отношений в обеих странах, отсутствия взаимодействия; с начала 2000-х годов по настоящее время – период возрождения культурно-информационного взаимодействия.

В результате перевода автором документов, материалов, исследований ранее не переведенных монгольских ученых, в научный оборот впервые введен новый фактический материал по культуре Монголии.

Теоретическая значимость исследования заключается в рассмотрении указанной проблематики в новом ракурсе: анализ динамики ментальности монгольского народа осуществлен через призму российско-монгольского культурного диалога. Автор диссертации перевел с монгольского языка на русский язык ряд документов и исследований, благодаря чему, в научный оборот были введены новые фактические данные, что способствует расширению знаний об истории культуры Монголии, раскрывает новые аспекты при анализе традиционной и современной культуры монгольского народа, его ментальности как основы духовного единства и самоидентификации. Предложен комплексный подход к разработке динамики ментальности монгольского народа в условиях глобализации с учетом специфики культурного взаимодействия России и Монголии.

Полученные результаты послужат основой для дальнейшего изучения монгольской культуры и могут быть применены в качестве концептуальной

основы при построении дипломатических и межкультурных моделей взаимодействия России и Монголии.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что полученные результаты, теоретические и практические выводы могут быть использованы: в управленческой деятельности, образовании, регионоведении; при разработке различных программ социокультурных коммуникаций с представителями монгольского этноса; представленный в работе материал может быть использован широким кругом экспертов и аналитиков по данному региону. Полученные в рамках исследования теоретические результаты могут также использоваться для подготовки курсов по истории и теории монгольской культуры и литературы, истории ментальности, по обрядам и мифам народов мира.

Соответствие паспорту научной специальности.

Диссертационное исследование, посвященное исследованию ментальности и ее эволюции, соответствует пункту 1.2. «Теоретические концепции культуры», пункту 1.12 «Механизмы взаимодействия ценностей и норм в культуре», пункту 1.13 «Факторы развития культуры», пункту 1.18 «Культура и общество», пункту 1.28 «Культурные контакты и взаимодействие культур народов мира» паспорта научной специальности 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Ментальность монгольского народа представляет собой отражение социокультурного бытия народа, она сочетает в себе психоэтнокультурные, коммуникационные и поведенческие особенности и является важнейшим идентификационным критерием и характеристикой нации. Исследование динамики ментальности монгольского народа на любых исторических этапах развития имеет особую значимость для понимания и учета национально-культурной специфики, а также помогает понять сложную систему образов традиционной и современной культур.

2. Анализ историко-культурных процессов в Монголии позволяет утверждать, что основная функция ментальности заключается в сохранении и передаче картины мира народа, в частности, монгольского, которая обусловлена языком,

традициями, мифологическими и религиозными представлениями, всей общественно-исторической практикой данного народа, и представляет систему мировосприятия и мировоззрения. Историческое развитие Монголии, кочевой образ жизни, климат, вид хозяйствования, ценности, шаманизм и буддизм – это тот «накопленный багаж», во многом определивший характер и ход развития культурной революции XX века и процесс становления культуры нового типа, а также процесс превращения кочевника в современного горожанина.

3. Роль современных этносоциокультурных процессов в Монголии состоит в ликвидации размытости, в консолидации национального самосознания монголов. XX век для монгольского народа – момент смены кочевого образа жизни на оседлый, время появления различных социокультурных институтов и художественных практик (системы образования, медицины, кино, театра и пр.). Считая структурными элементами ментальности особенности мировоззрения народа, его общественного сознания, особый духовный мир, то совершенно очевидно, что произошедшие события XX века, повлекшие за собой столь значительные социокультурные перемены, коренным образом повлияли на ментальность монгольского народа, способствуя ее динамическому развитию: монголы из кочевников, действующих и думающих в рамках буддийской идеологии, превратились в современных граждан своей страны. То есть произошел переход от традиционного типа культуры к смешанному. В это же время в Монголии формируется и социализм. Происходит динамическое развитие особенностей ментальности, вырабатываются и формируются отличные от буддизма ценностные ориентации, стиль мышления и национальный характер монголов.

4. Динамика ментальности монгольского народа как социокультурный феномен может быть рассмотрена комплексно и в тесной связи с современными социокультурными и трансформационными процессами в условиях культурного взаимодействия России и Монголии. Рассматриваемый современный этап глобализации в развитии монгольского общества является условием трансформации, фактором динамики ментальности современного монгольского народа, а проведенное исследование позволяет констатировать в динамике

ментальности монгольского народа в условиях российско-монгольских культурных связей два разнонаправленных социокультурных процесса: один направлен на размывание национальной идентичности и трансформацию ментальности, второй – на укрепление ментальности, национальных особенностей и национальную консолидацию. Реализуемая модель культурного взаимодействия России и Монголии, основанная на взаимовыгодном культурном сотрудничестве с сохранением национальной специфики каждой из культур, имеет в своей основе демократические принципы, способствует возрождению национальных культурных традиций и соблюдению права каждой культуры на свою самобытность, права каждого народа на сохранение и динамику ментальности.

Апробация результатов исследования.

- 1) По теме диссертационного исследования опубликованы 32 статьи, в том числе 6 в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.
- 2) Основные положения диссертационного исследования представлены в качестве докладов на научных конференциях: XXV Международная научно-практическая конференция «Eurasiascience» (Москва, 15 ноября 2019 года), Международная научно-практическая конференция «Современное общество, образование и наука» (Тамбов, 29 декабря 2018 года); V Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы современных гуманитарных наук», (Екатеринбург, 11 марта 2018 года); Международная научно-практическая конференция «Наука и образование в XXI веке» (Тамбов, 28 февраля 2018 года; Ломоносовские чтения, МГУ имени М.В.Ломоносова (Москва, апрель 2016 года); Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2016» (Москва, апрель 2016); 3-я Международная конференция «Восточные чтения. Религии. Культуры. Литературы (памяти Н.И.Никулина)» (Москва, 2016 год); XXVIII Международная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Азия и Африка в меняющемся мире», (Санкт-Петербург, 2015 год); Ломоносовские чтения, МГУ имени М.В.Ломоносова (Москва, 2015 год); XXII Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2015» (Москва, 2015 год);

Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2014» (Москва, 2014 год).

3) Результаты диссертационного исследования внедрены в учебный процесс кафедры филологии стран Юго-Восточной Азии, Кореи и Монголии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

4) Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры культурологии Московского государственного института культуры 4 октября 2018 г. (протокол № 3).

Структура работы включает Введение, две главы и Заключение, Список литературы.

Глава 1. Теоретико-методологические основания исследования ментальности народа

1.1. Ментальность народа как предмет культурологического исследования

История жизни монгольского народа полна значительными событиями, под влиянием которых менялось монгольское общество, его культурные нормы и ценности, мышление, другими словами, менялась ментальность. Поэтому возникает необходимость исследовать вопрос национальной специфики монгольского народа. Для того, чтобы дать ее характеристику нужно определить операциональное значение термина «ментальность».

Ментальность – это понятие, которое широко применяется в социально-гуманитарном знании. Понятие определяется с позиций оперирующих наук, каждая из которых выделяет наиболее значимое для нее наполнение. Таким образом, ментальность представляет собой сложную систему, состоящую из многих элементов, которые находятся во взаимосвязи.

Ментальность является одним из основных критериев при сопоставительном анализе наций и важной категорией современного культурологического знания, поскольку представляет собой значимые характеристики любого народа.

Известно, что комплекс устойчивых традиций, образцов поведения, установок ценностей имеет национальную специфику в разных странах. Ментальность помогает раскрыть всю сложность, многозначность и многоуровневость природы самого человека, а также коллективного сознания и поведения. В силу сложности и многомерности содержания это понятие многозначно. Как и многие другие современные научные понятия, оно имеет истоки толкования в латинском языке. Так, например, *mens, mentis* – рассудок, образ мыслей, ум человека, мышление и т.д. Ментальность (от латинского) – тип мышления, духовность человека. Слово *mentalis* появилось в философии XIV

века, *mentality* – в XVII веке¹. Вначале термин «ментальность, менталитет» обозначал некую примитивность, поэтому у Л.Леви-Брюля в «Примитивном менталитете» данное понятие имело отношение к сознанию дикаря². В произведении «В поисках утраченного времени» XX века писателя М.Пруста также есть термин «менталитет», который автор использовал при описании хаотичного и стереотипного сознания³. Со временем, уже к концу XX века, «менталитет» стал популярным термином.

Ментальность не связана с политическими отношениями, экономикой, социальным миром и общественными правилами. Ее используют для обозначения «непонятного» в культуре другого народа. Ментальность обладает собственной структурой, представляется, что она глубже мышления, и является готовностью народа реагировать, воспринимать и поступать так, а не иначе, его предрасположенностью к определенным формам сознания, своеобразной сферой возможностей. Часто ментальность рассматривают как область представлений группы, ее «самопонимание». В ментальности содержатся основы мышления и поведения, бессознательные ориентиры движения.

Этот термин не имеет точного определения, что дает возможность толковать его по-разному. Например, известный французский историк Ле Гофф⁴ считал, что нужно смириться с разнообразным содержанием ментальности, ведь это символизирует его богатство. Многие ученые поддерживают историка, считая, что множество трактовок понятия является его достоинством.

Со временем пришло понимание, что историю народа нельзя верно представить без ментальности. Одними из первых об этом заговорили историки, изучавшие средние века: в 30-е годы XX века знаменитая школа «Анналов», ученые которой сосредоточили внимание не на известных исторических событиях, а на ментальности человека средневековья. Школа «Анналов» в своей научной работе использовали реконструкцию исторических фактов, в основе которой – стремление понять смысл события и скрытые мотивы человеческого

---

¹ Новая философская энциклопедия// https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia (дата обращения 10.08.19).

² Там же.

³ Новая философская энциклопедия// https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia (дата обращения 10.08.19).

⁴ Ле Гофф. Ментальность, мир эмоций и формы поведения (X-XII вв)// <https://studfiles.net/preview/5596457/page:35/> (дата обращения 12.08.19).

поступка. Это стремление привело ученых к изучению мировоззрения людей, что в дальнейшем привело историков к ментальности. Они думали, что ум средневекового человека устроен по-другому, поэтому так важно изучать ментальность, которую представители школы видели как установку сознания, включающую в себя базовые понятия.

Историки школы «Анналов» занимались изучением социальной истории, они исследовали коллективные верования, интересы и чувства. Их интересовала коллективная психология, устойчивые формы мышления и неосознаваемое. Историки изучали картину мира средневекового человека, которая складывалась в процессе практики. Для этого они искали в различных текстах то, что не было высказано прямо, и то, что у авторов этих текстов сказать не получилось. «Восстановление» ментальности – непростая задача для ученого. А.Я.Гуревич считал, что любой историк вынужден быть историком ментальностей⁵.

Так, М. Блок, Л. Леви-Брюль, Л. Февр и др. отнесли термин «ментальность» к области автоматической формы сознания и поведения людей. Последовавшие затем исследования расширили проблематику ментальности, ввели в научный оборот ментальные структуры (М. Блок, Л. Леви-Брюль, Л. Февр, М. Фуко, М. Шелер и др.). Особенности ментальных структур исследовали отечественные ученые А.С. Ахиезер, Т.В. Гребениченко, И.А. Громов, П.С. Гуревич, в культурологическом и лингвокультурологическом аспекте – М.А. Арефьев, К.К. Васильева, В.П. Воробьев, А.Я. Гуревич, В.В. Колесов, Д.С. Лихачев, А.А. Пелипенко, О.Г. Почепцов, Ю.С., А.Я. Флиер, В.П. Фурманова, Л.И. Харченкова, И.Г. Яковенко.

Учеными из разных стран были предприняты попытки дополнить понятие «ментальность». Теория ментальности раскрывается в трудах известного российского историка А.Я. Гуревича⁶, который представил концепцию ментальности как комплекс установок и представлений, свойственных определенной картине мира у людей, принадлежащих к одной культуре, что

---

⁵ Гуревич А.Я. Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. Вып. 1., М., 1989, с.75-89// <http://ec-dejavu.ru/m/Mentalites.html> (дата обращения 3.09.2018).

⁶ Гуревич А.Я. Изучение ментальностей: социальная история и поиски исторического синтеза / А.Я. Гуревич // Сов. этнография. – М.: Наука, № 6, 1988. – С. 16.

позволяет им осознавать, идентифицировать себя и воспринимать социальное окружение других определенным образом. Следует отметить, что А.Я. Гуревич раскрыл корни ментальности и дал ее определение в тесной связи с историческим процессом, считая, что ментальности представляют социальную, социокультурную картину мира. Также он утверждал, что ментальность формируется на основе обыденного уровне сознания⁷. Таким образом, ментальность человека создает особую картину мира, влияющую на самого человека.

А.А.Пелипенко под ментальностью понимал совокупность познавательных механизмов, которые отвечают за закрепление смысловых элементов в традиции, что влияет на реализацию интенций группы⁸. Под менталитетом данный исследователь понимал системно организованную и воспроизводимую совокупность социально-когнитивных установок.

И.В.Кондаков⁹ считает, что несмотря на разнообразие толкований «менталитета» и «ментальности», оба термина отражают поведение, а именно, его устойчивые формы, чувства и эмоции, которые важны для определенной культуры, т.е. они символизируют своеобразие культуры на всех уровнях.

Ментальность любого народа формируется благодаря условиям, в которых проходит его жизнь. Среди этих условий есть те, которые создают данную ментальность, поддерживают ее, а в ряде случаев видоизменяют.

Ментальность – это мировоззрение, феномен, который определяет особенности самосознания и образ жизни, одновременно поддерживает национально-этническую преемственность и возможности ее передачи из поколения в поколение.

Под ментальностью можно понимать отраженную в сознании народа систему жизненных установок, которые формируются и определяются характером деятельности всего жизненного процесса, создавая определенный психологический базис принципов, что находит отражение в ментальности.

---

⁷ Гуревич А.Я. Изучение ментальностей / А.Я. Гуревич // Сов. этнография. – М.: Наука, № 6, 1988. – С. 17.

⁸ Пелипенко А.А. Ландшафт российской ментальности А.А. Пелипенко //Российская ментальность: теоретические проблемы. Материалы научной конференции 15-16 мая. – М., 2003. – с.3-7.

⁹ Кондаков И.В. Русская культура: Краткий очерк истории и теории. Учебное пособие / И.В. Кондаков. — М.: Книжный дом "Университет" (КДУ), 1998. — 360 с.

Ментальность определяет поведение, регулирует действия и их последовательность. В роли регулятора актуализируется и становится социальной направленностью с присутствием воли. Ментальность и ее сущность нельзя представить вне практической деятельности.

Каждый народ обладает собственной ментальностью, уникальной способностью воспринимать реальность и создавать свою неповторимую картину мира, которая является результатом восприятия и видения окружающей человека действительности. В основе картины мира лежит осмысление отношений человека с Космосом, с Богом, с властью, со временем и пространством, со смертью и бессмертием, понимание добра, зла, счастья, справедливости, эстетического совершенства и т.д. Эти ценностные отношения являются базовым содержанием культурной картины мира и придают ей черты самобытности, которые позволяют отличать одну картину от другой.

В связи с этим стоит упомянуть концепцию Г.Д.Гачева, которые конструирует картины мира различных народов с помощью образов. Он считает, что рационалистический взгляд или, другими словами, подход, признающий лишь однозначные оценки, недопустим. Свой метод ученый объясняет при помощи «мыслеобразов» и разграничивает два вида мышления: абстрактно-ассоциативное и мышление, вытекающие из наблюдения за конкретным историческим процессом. Народ, по его мнению, представляет собой диалог природы и культуры¹⁰.

Г.Д.Гачев отделяет общечеловеческие черты, тем самым обнаруживает особенности и признаки определенного народа¹¹. Согласно его концепции, так как любое существо – это триединство тела, души и духа, то и национальная целостность состоит из единства Космоса (природа), Психеи (характер) и Логоса (мышления). Для понимания национальной логики, необходимо сравнивать один народ с другим, а для трактовки сложных понятий «национального характера» и «национального духа» можно использовать объективные основания, например, тип культуры.

---

¹⁰ Гачев Г.Д. Космо-Психо-Логос / Г.Д. Гачев. – М.: Академический проект, 2007. – С.10.

¹¹ Гачев Г.Д. Неминуемое. Ускоренное развитие литературы / Г.Д.Гачев. – М.: Художественная литература, 1989. – 430 с.

Этнические характеристики и ментальность человека, по мнению исследователей¹², основаны на природно-климатической среде, общности языка, культуры и коммуникации, при доминирующем воздействии совместной деятельности людей. Так, основой этнического сознания и самосознания считают социокультурное бытие этносов, в процессе которого формируются черты культуры, которые в свою очередь передаются из поколения в поколение и поддерживаются массовым сознанием этноса. Иорданский В.Б. утверждает, что уникальное содержание этнического самосознания отличает его позитивность и оригинальность¹³.

В рамках психологии В. Г. Крысько¹⁴ рассматривает ментальность как совокупность устойчивых психологических черт в определенных исторических условиях, что создает основу определенной модели поведения.

Исследователь И. А. Стернин¹⁵ в рамках когнитивной лингвистики определяет ментальность как специфический способ восприятия и понимания действительности каждой личностью и этнической группой людей. Ментальность связана с ценностями человека, она выступает в виде совокупности оценочных суждений.

Лингвокультурная общность всякий раз являет свою специфику, которая находит отражение в национальных и культурных концептах, прежде всего в лексике языка, что хранит историческую информацию.

Исследователь Г. Д. Томахин¹⁶ считает, что лексика напрямую связана с национально-культурной семантикой, например, слова, обозначающие реалии, совпадающая в разных языках эмоциональная и оценочная лексика, которая вызывает разные ассоциации, и безэквивалентная лексика, не имеющая аналогов в других языках.

---

¹² Кондаков И.В. Русская культура: Краткий очерк истории и теории. Учебное пособие / И.В. Кондаков. – М.: Книжный дом "Университет" (КДУ), 1998. — 360 с.

¹³ Иорданский В. Б. Противоречивая природа национализма / В.Б. Иорданский //Полис. Политические исследования. – М.: № 6, 2011. – с. 160-169.

¹⁴ Крысько В.Г. Этническая психология / В.Г. Крысько. – М.: Академия, 2008. – 320 с.

¹⁵ Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001. – 191 с.

¹⁶ Томахин Г. Д. Реалии — американизмы / Г.Д. Томахин / Пособие по страноведению: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. — М.: Высшая школа, 1988. - 239 с.

В исторических, географических, бытовых явлениях сосредотачиваются смысловые оттенки, отличающие языковые общности. Поэтому примерами различий обычно становятся метафоры, наделенные качествами, которые непонятны представителям иной языковой общности. В качестве распространенного примера выступает лиса, которая в русской культуре – хитрый, лживый зверь, а в китайской культуре, наоборот, это зверь, который помогает людям.

Также можно отметить, что лексика как часть языковой системы выступает одновременно частью системы знаний человека о мире, репрезентируя тем самым национальный менталитет.

Наряду с понятием «ментальность» используется понятие «менталитет». Для многих ученых оба понятия выступают в качестве синонимов. Стоит отметить, что термины «менталитет» и «ментальность» возникли в науке для передачи новых сторон известных явлений и объектов, что говорит не о замещении других научных понятий, а о процессе их универсализации в сфере гуманитарных знаний.

Например, по мнению академика Б. С. Гершунского ¹⁷, по причине несущественных содержательных отличий между данными понятиями, следует также рассматривать их как синонимы. Но все же четкое разделение этих понятий необходимо для более точных исследований ментальной области.

На наш взгляд, разграничивая существующие понятия (и феномены) ментальности и менталитета, их можно определить следующим образом:

- ментальность – это исходный слой психической деятельности, образуемый чувствами и умонастроениями, сферой бессознательных предпочтений;

- менталитет – это устойчивая совокупность влечений, складывающихся на уровне коллективного сознания вокруг традиционно признаваемых образцов и стандартов. Если ментальность – это повседневные и разрозненные устремления, то менталитет – устойчивая перспектива.

Переход от ментальности к менталитету – это переход из сферы

---

¹⁷Гершунский Б.С. Россия и США на пороге третьего тысячелетия. Опыт экспериментального исследования российского и американского менталитетов / Б.С. Гершунский. – М.: Флинт, 1999. – 599 с.

несознательного в сферу осознаваемого. Ментальность – это уровень эмоциональных реакций, оценочный пласт, а менталитет – совокупность норм и ценностей.

Таким образом, термин «ментальность» используется как понятие, производное от другого термина «менталитет».

Многие ученые предпринимали попытки обобщить все имеющиеся определения менталитета и ментальности. Одним из первых был Р. А. Додонов¹⁸, который собрал большое количество дефиниций данных понятий. Он не только представил свою коллекцию, но и классифицировал собранный материал на основе работы А. Кребера и К. Клакхона «Культура. Критический обзор концепций и определений»¹⁹.

В современных словарях иностранных слов многие авторы предпринимают попытки разделить два термина. Например, в словарях можно найти такую разницу между «менталитетом» и «ментальностью»: первое слово используется для обозначения склада ума, а второе – для обозначения интеллектуального мира²⁰.

Основные определения ментальности и менталитета с точки зрения различных групповых аспектов можно представить следующим образом: *описательные определения*, которые рассматривают «ментальность», «менталитет» в качестве сознательного и бессознательного на коллективном и индивидуальном уровнях; ментальность как способность индивида или группы воспринимать окружающий мир только своеобразным образом, что также влияет на модель поведения²¹; под менталитетом можно понимать способность общности людей мыслить и действовать определенным образом²².

Трактовка в рамках психологии раскрывает ментальность через такие понятия, как архетипы, мыслительные образцы, мотивы, «убеждения», идеалы, стереотипы, присущие данной социальной группе в определенную эпоху.

---

¹⁸ Додонов Р.А. Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования / Р.А. Додонов. – Запорожье: Тандем-У, 1998. – 191 с.

¹⁹ Культурология : Дайджест // РАН. ИНИОН /Редкол.: И.Л. Галинская (гл. ред. и сост.). – М., 2000. – 218 с.

²⁰ Философский словарь // https://gufo.me/dict/philosophy_dict?page=5&letter=%D0%BC (дата обращения 12.08.2019)

²¹ Визгин В.П. Современная западная философия / В.П. Визгин. – М.: ИФ РАН, 1998. – 72 с.

²² Пушкарёв Л.Н. Что такое менталитет? / Л.Н. Пушкарёв // Отечественная история. – Тверь: №3, 1995. – с. 160-166.

Ментальность отражает особенности или специфику психической жизни людей конкретной культуры²³.

Нормативные определения, в которых делается акцент на социальной функции ментальности, которая помогает человеку ориентироваться в окружающем его мире. Таким образом, ментальность часто определяют как систему образов группы, а элементы этой системы видят в тесной взаимосвязи с функцией регулирования поведения индивидов²⁴.

Структурные определения, в которых отражается структура ментальности, признаков ее системности и организации: ментальность – система со своеобразной структурой, которая определяет действия, мысли и эмоции людей²⁵; это подвижная система, элементы которой взаимозависимы, составляют основу представлений о мире и определяют модель поведения²⁶.

Генетические определения, описывающие происхождение феномена ментальности, его эволюцию: ментальность – это родовая память, в основе которой синтез природной и социальной программ²⁷; менталитет – познавательный код и чувство²⁸.

Исторические определения, в которых подчеркивается воздействие исторического времени на сознательное и бессознательное на личностном и групповом уровнях²⁹.

Но некоторые ученые, наоборот, обращают внимание именно на дифференциацию менталитета и ментальности. Так, исследователь Л. Н. Пушкарев, считает, что различие в значении терминов «ментальность» и «менталитет» заключается в том, что менталитет обладает общечеловеческим значением, а ментальность, как правило, относится к разным явлениям

---

²³ Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ / И.Г. Дубов // Вопросы психологии. – М.: №5, 1993. – с. 24

²⁴ Огурцов А.П. Национальный менталитет и история России / А.П. Огурцов // Вопросы философии. – М.: №1, 1994. – с.52

²⁵ История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – М., 1996. – с. 52

²⁶ Дюби Ж. История ментальностей/ Ж. Дюби //История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – М., 1996. – С.18-21.

²⁷ Бех В.П. Содержание социального мира / В.П. Бех //Новая парадигма. – М.: №4, 1996. – с. 4.

²⁸ Додонов Р.А. Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования / Р.А. Додонов. – Запорожье: Тандем-У, 1998. – с. 68.

²⁹ Зубкова Е.Ю., Куприянов А.И. Российская ментальность: методы и проблемы изучения / Е.Ю. Зубкова, А.И. Куприянов. – М.: Институт российской истории РАН, 1999. – с. 4.

социального мира и к разным временам, например, существует средневековая ментальность или русская ментальность. Данные понятия близки, но все-таки различны³⁰.

Такого же мнения придерживается и Н. С. Южалина, полагая, что ментальность является производным от менталитета, а потому является более специфическим понятием³¹.

Похожий взгляд на «менталитет» и «ментальность» у А. Ф. Грязнова, который считает, что первое слово ближе к сознанию, а второе – к сознательности. В пример он приводит такие существующие явления, как менталитет Древней Руси, ментальность русского народа³².

Интересна работа И. Дрепа, А.Н. Дмитриева, А.Э. Дмитриевой, в которой ментальность представлена как сумма психологических установок, отвечающих за мышление и поведение человека. Отсюда можно сказать, что ментальность – начало, основа сознательного и бессознательного, а формирование ментальности зависит от традиций, культуры и социальных институтов. В свою очередь менталитет следует определять как реальный способ жизнедеятельности, актуальный способ мышления определенного социума.

Эти два понятия находятся во взаимозависимости и во взаимодействии, однако некоторые ученые считают ментальность более древним духовным образованием, на основе которого появляется менталитет и его различные виды³³.

Ментальность и менталитет современного населения России рассматриваются в работе С. В. Гриневой. Автор утверждает, что менталитет – это возможность сознания воспринимать и познавать окружающий мир в рамках существующей культурной эпохи, т. е. это своеобразный мыслительный инструментарий, соответствующий определенному историческому времени и унаследованному опыту³⁴.

---

³⁰ Пушкарев Л.Н. Что такое менталитет? / Л.Н. Пушкарев // Отечественная история. – Тверь: №3, 1995. – с.163.

³¹ Южалина Н.С. Ментальность: сущность и структура явления / Н.С. Южалина. - Челябинск, 2002. – с. 11.

³² Грязнов А.Ф. Аналитическая философия / А.Ф. Грязнов. - М.: Высшая школа, 2006. – с. 12.

³³ Дрепа Г.Н., Дмитриев А.Н., Дмитриева Э.Я. Ментальность и менталитет российского общества: к анализу механизмов рефлексивного взаимодействия / Г.Н. Дрепа, А.Н. Дмитриев, Э.Я. Дмитриева // Российское сознание: материалы II международной конференции по ист.психологии российского сознания – Самара: СамГПУ, 1997. – с. 92.

³⁴ Гринева С.В. Менталитет и ментальность современной России: Монография / С.В. Гринева – Невинномысск: Сев.-Каз.гос.техн.ун-т: Невинномысский технол.ин-т, 2003. – с. 22.

Работа Е. В. Мочаловой и И. В. Загородновой³⁵ позволяет определить социально-философскую и историко-культурную основу российского менталитета, вычленив дифференцированность рассматриваемых понятий на основе выявления иррациональности в мышлении человека. Поэтому, по их мнению, менталитет выступает в более широком формате, чем ментальность.

Таким образом, понятие «ментальность» является составной частью понятия «менталитет», но не его тождеством. Ментальность всегда отражает специфику различных этапов исторического, социально-политического развития³⁶. Поэтому, по мнению авторов, данные понятия характеризуют основные представления социума об окружающем мире на сознательном и подсознательном, на личностном и общественном уровнях, одновременно дополняя друг друга³⁷.

Например, в исследовании В. М. Соколова не представлено разделение понятий «ментальность» и «менталитет», которые употребляются как синонимы. Менталитет характеризуется в качестве общих, коллективных черт любого народа. К таким характеристикам следует отнести особую систему восприятия окружающего мира в его реальном проявлении, устоявшиеся нормы и модели поведения, что способствует формированию определенного психотипа и его особенностей³⁸.

Рассмотренный спектр точек зрения исследователей показывает, что основой дифференцированности понятий служат следующие показатели: устойчивость, стабильность или изменчивость; общее или частное. На наш взгляд, ментальность рассматривается как конкретное проявление ментальных черт, что доказывает больший объем понятия менталитета. Ментальность народа представляет определенную медленно изменяющуюся структуру, систему традиционных культурных норм, предпочтений, которые существуют в коллективном сознании и выступают основой формирования коллективных

---

³⁵ Мочалова Е.В., Загороднова И.В. Российский менталитет в социально-философском и историко-культурном осмыслении / Е.В. Мочалова, И.В. Загороднова. – Саранск, 2008. – 144 с.

³⁶ Мочалова Е.В., Загороднова И.В. Российский менталитет в социально-философском и историко-культурном осмыслении / Е.В. Мочалова, И.В. Загороднова. – Саранск, 2008. – с. 6.

³⁷ Там же. – с. 16.

³⁸ Соколов В.М. Российская ментальность и исторические пути отечества / В.М. Соколов. – М.: РАГС, 2007. – с.12.

установок. Стоит отметить, что исключается воздействие на менталитет на личностном и общественном уровнях, это возможно лишь при наличии совокупности многих факторов, которые могут оказать влияние на ментальность³⁹.

Изучение менталитета и ментальности в современной гуманитарной сфере продолжается. Возможно, совместными усилиями специалистов из различных областей знания будут найдены более точные и определенные содержания данных понятий «менталитет» и «ментальность».

М.М.Шибеева видит ментальность как проблемное поле, теоретическим освоением которого занимаются специалисты разных сфер⁴⁰. Также данный исследователь отмечает важность изучения ментальности в фокусе самобытности субъекта ценностей и норм.

Рассуждая далее, важно правильно соотнести понятия этнос и нация, которые используются не только в культурологии, но и в других научных отраслях. Так, в Древней Греции «этносом» определяли любое сообщество людей⁴¹. Со временем наполнение определения было сужено, оно стало относиться только к негреческим представителям. Далее термин использовался для обозначения нехристианских, неевропейских народов, т.е. «этничность» стала синонимом чужой культуры. Позже понятие стало использоваться для обозначения национальных меньшинств. В теоретических рамках «этнос» или «этническая общность» – устойчивое сообщество людей с общими территориями и языком.

Так, Л.Н.Гумилев дает несколько определений «этноса», считая, что для данного термина нет постоянных и реальных признаков, и лишь признание индивида о том, что он отличается от других, может быть значимо⁴². Также он утверждает, что люди не существуют вне этноса, говоря о том, что человек может

---

³⁹ Шнейдер Л.Б., Вольцев С.В. Социально-психологические особенности национального менталитета / Л.Б. Шнейдер, С.В. Вольцев. – М.: МПСИ, МОДЭК, 2009. – 208 с.

⁴⁰Шибеева М.М. Эвристический потенциал полемики о понятии и явлении российской ментальности / М.М. Шибеева//Российская ментальность: теоретические проблемы. Материалы научной конференции 15-16 мая. – М., 2003. – с.26-33.

⁴¹ Новейший философский словарь// <https://gufo.me/dict/philosophy/%D0%AD%D0%A2%D0%9D%D0%9E%D0%A1> (дата обращения 15.07.2019).

⁴² Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – М.: Айрис-Пресс, 2005. – с. 4.

забыть родной язык или не знать своего происхождения, но без коллектива жить не сможет⁴³.

Представляется необходимым в данном исследовании учесть точку зрения К.-Г. Юнга⁴⁴, который считал, что в основе сознания этносов лежит коллективное бессознательное, равное прирожденным инстинктам и первобытным формам постижения мира. Коллективное бессознательное это и есть социальные представления, основанные на мифологическом мышлении. К данной форме добавляются и архетипы, равные природному, биологическому в психике.

Основными атрибутивными признаками этноса выступают общая территория, язык, уклад хозяйствования, традиции и обычаи. Функционируя, мы осваиваем культурные нормы и стандарты, которые выступают этнокультурными маркерами, и обосновывают нашу устойчивость как представителей конкретного этноса, а под воздействием индивидуально-личностного самосознания каждого субъекта, его собственных усилий формируется менталитет и национальный характер.

Деятельность этноса осуществляется через внутриэтнические и внеэтнические взаимодействия, поэтому сущностные характеристики каждого этноса определяются через совокупность данных взаимодействий на разных уровнях.

Подводя итог, этносом может называться совокупность людей, обладающая общностью происхождения, территорией, языком.

Толкование «нации» также многозначно. Если в древности данным термином «нация» обозначались группы людей с общностью происхождения, затем наблюдается взаимопереплетение «этноса» и «нации». Так, например, Гумилев считал, что «народ, народность, нация, племя, родовой союз - все эти понятия обозначаются в этнологии термином «этнос»⁴⁵. Данную позицию разделяют многие ученые. Исследователь В.Г.Крысько связывает это

---

⁴³ Там же. – с. 62.

⁴⁴ Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного / К.Г. Юнг. – М., 2010. – 155 с.

⁴⁵ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – М.: Айрис-Пресс, 2005. – 560 с.

определении с национальной психикой и тесными экономическими связями⁴⁶. Ученый Э. Геллнер считает, что этнос и нация – это названия общества, границы которого совпадают с границами бытования культурных феноменов, а члены самого общества обладают этнонимами и национальными чувствами⁴⁷. Э.Смит также считает данные понятия синонимами⁴⁸.

Следует отметить широту употребления данного понятия в различных сферах знания. Оно активно используется в культурологии, социологии, психологии и политологии. Например, политическое содержание «нации» подтверждено документами ООН, в которых подчеркивается связь нации и суверенность государства.

Начиная с XIX века, под национальностью стали понимать гражданскую принадлежность к конкретному государству. В этой связи уместно понимание нации в политическом аспекте. Большинство современных государств являют собой полиэтнические образования, в которых могут не совпадают национальная и этническая принадлежности. Так, монголы живут в России, Америке, Англии, Монголии, сохраняя при этом свою этничность.

Современное наполнение понятия «нация» включает этническую общность с общим историческим происхождением, общей территорией, общим языком, обычаями, традициями, культурой, что находит отражение в менталитете и национальном самосознании, свойственно только данной этнической общности. Перечисленные признаки являются определяющими. При определенных условиях исторического развития ментальные черты могут изменяться.

Понятие «национальность» также не имеет общепризнанного определения, к которому есть два подхода: первый – как синониму гражданской принадлежности человека (т.е. выступает в политическом смысле). Второй подход характеризует этническую принадлежность. Однако на практике строгое разделение принадлежности не всегда возможно, политическая и этническая национальность не всегда совпадают. Например, этнические французы Франции

---

⁴⁶ Крысько В.Г. Этническая психология / В.Г. Крысько. – М.: Академия, 2008. – с. 74.

⁴⁷ Геллнер Э. История первобытного общества. Общие вопросы. История антропосоциогенеза. – М., 1983. – с. 69.

⁴⁸ Тадтаев Х.Б. Этнос. Нация. Раса. Национально-культурные особенности детерминации процесса познания / Х.Б. Тадтаев. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2001 – с.40.

являются гражданами этой страны, а этнические алжирцы также являются гражданами Франции – т.е. их этническая и политическая национальности не совпадают. В Советском союзе нация в гражданском смысле была представлена совокупностью всех граждан СССР, которые являлись представителями наций и народностей.

Исследователи также выделяют такие виды ментальности, как этническая и национальная. Этническая ментальность отражает адаптацию этнического сообщества к существованию в определенном природном и социальном окружении и закрепление эмоциональных и поведенческих реакций.

В этой связи интересно мнение известного этнолога С.В. Лурье⁴⁹, которая акцентировала внимание на стихийности и бессознательности отдельных этнических процессов, на которые не могут влиять желания членов этноса, объясняя подобную этническую устойчивость концепцией «центрального ядра» культуры. Оно представляет собой совокупность важнейших культурных ценностей этноса, и позволяет данному этносу при контактах с другими этносами сохранять свою самобытность, этническую идентификацию.

Этническая ментальность служит выражением исторического, социально-политического и культурного опыта каждого этноса. Культура демонстрирует способ существования этнической общности, способ организации его деятельности и выражает специфику, отличие данного этноса от других. Главная функциональная задача этнической культуры заключается в адаптации к природной среде и социальному окружению, в воспроизводстве культурных традиций, ценностей и формировании определенных моделей поведения. Важно, что являясь продуктом длительного исторического развития, этническое сознание обладает способностью отражать насущное, актуальное, конкретное бытие народа, быстро схватывать то, что находится на поверхности и создавать соответствующий социально-психологический настрой у людей. Иначе говоря, в обыденном этническом сознании есть то, что стабильно и консервативно, что является гарантом устойчивости – это обычаи и традиции, нормы поведения, передающиеся из поколения в поколение, в системе ценностей прошлых

---

⁴⁹ Лурье С.В. Историческая этнология / С.В. Лурье. – М.: Аспект-Пресс, 1997. – 448 с.

поколений, в исторической памяти членов этнической группы. Этническую ментальность можно представить в виде системы архетипических представлений, через которые осуществляется восприятие действительности.

Национальная ментальность транслирует психологическое и социальное состояние нации, народа и отражает результаты постоянного взаимодействия географических, социальных, экономических условий на развитие нации, народа.

Национальная ментальность несет в себе базовые ценности и нормы, повлиявшие на формирование и развитие истории нации, определяет формы и способы деятельности этого сообщества, влияет на все сферы жизни.

В литературе, освещающей национальное сознание, часто обходят вопрос национального самосознания, что создает неопределенность в его толковании - «это само собой разумеется» или национальное самосознание существует только на психологическом уровне. Безусловно, в национальном самосознании преобладают эмоционально-чувственные представления.

Каждая национальная культура представляет собой самодостаточный мир, а все другое (чужое) воспринимается и осознается таковым исключительно в рамках своей культуры. В этой связи необходимо будет отметить и значимость влияния чужой культуры на процесс «консолидации», формирования своего собственного культурного стереотипа.

Формируемая этническая идентификация и есть специфический образ жизни народа и его конкретно-исторический способ освоения окружающего мира. Поэтому классификации народов и этносов, определяющие отличия одного народа или этноса от другого, строятся с учетом множества объективно-существующих критериев и признаков: этно-лингвистических, антропологических и конфессиональных характеристик, с учетом этно-географических регионов и хозяйственно-культурных типов, где и на основе которых у народов складывались основные виды деятельности и уклады хозяйствования.

Таким образом, проведенный содержательный анализ рассмотренных понятий позволяет утверждать, что расово-этническая принадлежность, общность территории, тип хозяйствования, образа жизни, языка, вероисповедания,

ментальности выступают факторами, формирующими черты национального характера, базовые и инструментальные ценности.

Рассмотренный генезис природы ментальности в рамках культурологического знания позволяет сделать вывод о ее сущности, структуре и формах проявления, которые демонстрируют специфическую манеру восприятия реальности, ее оценки, что собственно отличает субъект одной культуры от других, один этнос от другого. Специфика ментальности оформляется под влиянием внешней среды, в условиях которой существовал и развивался народ, приобретая исторический, социально-политический и культурный опыт. К факторам влияния также должны быть отнесены образ жизни и уклады хозяйствования, типичные формы жизнедеятельности, традиции вместе с языком, религиозным вероисповеданием, что находит проявление и отражение в национальном характере. Ментальность, ее особенности и проявление определяются ценностями общества и идеологическими постулатами системой общественных отношений, реальной жизнью людей.

Таким образом, ментальность мы определяем как систему, отражающую коллективное сознание. Фундамент этой системы составляют гармоничность и взаимозависимость доминирующих элементов, смыслов и ценностей образа мира, проявляющихся в жизни каждого поколения. Все элементы системы способны к динамике. В системе ментальности и ее реальном проявлении элементы могут изменять свою структурную позицию. Элементы системы находятся в тесном взаимодействии и взаимозависимости с социальной реальностью, с социальной системой, с социальной структурой.

Ментальность можно понять, «вычислить» с помощью многих представлений народа таких, как: отношение к природе, восприятие времени, оценка возраста, понимание земного мира и трансцендентного, религиозное мирозерцание, отношение к богатству, бедности и к труду, мораль и различные отрасли знания, осмысление пространства и времени, а также исторический путь и образ социального мира. Ментальность – это уровень сознания народа, сплав мысли, эмоции и привычки, закрепленной традицией.

1.2. Историко-культурные процессы становления ментальности монгольского народа

Монгольская культура формировалась и активно развивалась, вбирая в себя традиции многочисленных племен Великой степи. Монгольская культура многогранна и своеобразна, как и история самой Монголии, которая прошла непростой путь от одной из самых могущественных держав до состояния зависимой и бедной страны, переживая сегодня новый этап в своем развитии.

Монголия – государство, расположенное на территории Восточно-Центральной Азии, не имеющее выхода к морю. Его площадь более 1 564 166 кв.км. Население современной Монголии по переписи 2015 года составляет более 3 миллионов человек⁵⁰.

Геополитическое расположение Монголии является специфическим, она имеет общие границы с двумя крупнейшими по площади и численности населения странами, Китаем и Россией. Особенность Монголии заключается и в том, что она не имеет в своем окружении стран, схожих по социально-экономическому и культурному развитию. Монголия близка обоим соседям, но по своей сути является страной-одиночкой, суверенным государством с уникальным культурным наследием. Важнейшим внешним фактором развития Монголии является влияние истории и культуры других государств: Китая, России, а также Тибета и Индии. Обратимся к истории Монголии в качестве важного элемента, составляющего структуру ментальности монгольского народа.

Известно, что к концу I тысячелетия началось падение господства тюркских племен на территории степей Центральной Азии и рост влияния монгольских племен, кочующих по этим землям. В IX в. после распада Уйгурского Каганата монголы заняли земли своих древних государств (от Иртыша до Енисея, от Байкала до Великой Китайской стены).

Монголы начали свою историю с Тэмуджина, который подчинил мелкие и крупные разрозненные племена и был провозглашен великим ханом. При

---

⁵⁰ Статистика населения Монголии//<http://www.toollogo2010.mn//images/ReportOnSurveyFor2010Census.pdf> (дата обращения 9.05.2018).

провозглашении он принял имя Чингис, а его народ стал называться монголами. Правление Чингисхана связано с многочисленными победами монгольского войска и захватом множества земель, например, земель Северного Китая, Бухары, Ирака и др. В настоящее время Чингисхан стал символом могущества и независимости Монголии, обязательной частью ментальной репрезентации монгольского народа. Без фигуры Чингисхана монголы не представляют своей истории и культуры и немислимы в мировом сообществе.

После смерти Чингисхана в 1227 году монгольскую империю возглавил один из его сыновей по имени Угэдэй (1186-1241). Он продолжил завоевательную политику своего отца. Монгольские войска вели наступления во всех направлениях: одновременно воевали против русских и корейцев. Несмотря на успешность так называемого «западного похода» он был прерван из-за смерти Угэдэя. В 1246 году монголы избрали нового хана Монголии Гуюка (1206-1248) и продолжили вести завоевательную политику: вторглись на территорию Тибета, захватили земли Армении. После смерти Гуюка был избран новый хан по имени Мункэ (1208-1259). Несмотря на политические интриги Мункэ не только удержал власть в своих руках, но продолжил захватывать все новые территории: в этот раз монгольское войска отправилось на Ближний Восток и на земли китайского государства Южная Сун.

Мунке умер во время военного похода в 1259 году. С этого времени начались войны за ханский престол Монгольской империи. После смерти Мунке ханом был провозглашен Ариг-буг, чуть позже ханом провозгласили Хубилая. Борьба между ними продолжалась два года, после Хубилай боролся за власть с правителем Средней Азии Хайду. Только в 1271 году Хубилай провозгласил свою власть в Пекине и основал империю Юань. Его власть распространялась и на Монгольскую империю, которая на тот момент состояла из небольших государств (Юань, Чагатайский улус, государство Хулагилов, Золотая орда).

Государство Юань распалось в 1368 году и монгольские князья вернулись на свои земли и больше не стремились к централизованной власти и объединению. После смерти Хубилая правители монгольского государства

сменялись один за другим. Отсутствием сплоченности и сильной власти воспользовались китайские императоры и ойраты (западные монголы).

В 1452 году ойратский правитель Эсэн одержал победу над восточными монголами и через два года провозгласил себя монгольским ханом, что стало нарушением принятого при Чингисхане закона: только потомок Чингиса мог стать монгольским ханом.

В 1455 году ойратский правитель был убит, а его место занял Бату-Мунке, которому на тот момент было 7 лет. В истории и литературе он известен как Даян-хан. Большую известность получила и его жена Мандухай-хатун, возглавившая поход против ойратов. Благодаря успешным завоеваниям Даян-хан стал единовластно править Монголией. С 1488 года он вел успешные военные действия против Китая, торговля с которым была прекращена на 70 лет.

После смерти Даян-хана объединенная Монголия распалась на несколько княжеств (государств), власть разделили сыновья Даян-хана. Чуть позже появилось еще одно княжество под названием государство Алтан-хана, которое вело активную борьбу против ойратов. Возглавлял эту борьбу Алтан-хан, он предпринял удачный поход против ойратов, его военную кампанию продолжили восточные монголы, что помогло оттеснить ойратов на территорию Алтая.

В XVII в. Монголия не была сильным и централизованным государством, формальным правителем был Лигдэн-хан (1592-1634), старший потомок Чингисхана. Он выступал за объединение страны, но был бессилён перед нарастающим маньчжурским влиянием, ситуацию осложняли и монгольские князья, которые все чаще помогали маньчжурскому хану, нежели монгольскому.

Первой целью династии Цин была Монголия, а именно территория Южной Монголии. Ослабленная междоусобицами Монголия быстро пала перед маньчжурами: сначала они захватили Южную Монголию, а после смерти Лигдэн-хана в 1636 году маньчжурский хан Канси объявил себя монгольским ханом.

Благодаря изменившейся ситуации ойратам удалось создать свое сильное государство, названное Джунгарским ханством, его главой стал Батур-хун тайджи. Теперь на Халха-Монголию (восточная Монголия) нападали с двух сторон Джунгарское ханство и государство Цин. Противостояние привело к

войне, которая началась в 1690 году, а в 1697 году закончилась смертью джунгарского хана Галдана, а Халха-Монголия стала частью государства Цин. Затем прекратило свое существование и Джунгарское ханство: в 1758 году правители Цин ввели войска на его территорию, и ханство распалось.

Так называемая Внешняя Монголия (Халха-Монголия) была поделена на 4 аймака (территориальная единица) и Кобдоский округ (пограничная территория). Аймаки делились на хошуны – небольшие уделы с достаточно четкими границами. Раньше правитель хошуна получал власть по наследству, теперь же от маньчжурского хана на определенное время. Число хошунов росло, что не способствовало консолидации между монгольскими князьями. Для управления монголами, помимо военных обязанностей, налогов и пр., была создана Палата внешних сношений. Маньчжуры контролировали всю общественную жизнь монголов, несмотря на то, что новые законы не вводили.

Монголия на протяжении двух веков находилась в тяжелом бедственном положении, экономическая и социокультурная отсталость остановили развитие страны во всех сферах, что повлияло на формирование прочной приверженности к традиционному образу жизни и пассивной жизненной позиции, а также отразилось в сохранении ценностных ориентиров на многие столетия.

Обратимся к природным и климатическим особенностям, которые имеют важное значение для раскрытия специфики ментальной картины мира монголов.

Монголия – страна гор и степей. Многочисленные горные хребты сменяют степи, а на юге страны расположилась известная на весь мир пустыня Гоби. Богата Монголия реками и озерами. Есть на ее территории тайга и сопки.

В Монголии резко-континентальный климат с холодной зимой и жарким засушливым летом, она представляет собой страну географических контрастов, поэтому следует согласиться со мнением монгольского исследователя Н. Баярсайхана, что Монголия представляет страну уникальных физических и географических явлений, в ее границах присутствуют как вечная мерзлота, так и пустыня⁵¹.

---

⁵¹ Баярсайхан Н. Монгольская культура в цивилизационно-историческом контексте / Н. Баярсайхан / Дис.на соискание уч.степени кандидата философских наук. – Ростов-на-Дону, 2006. – с.23.

У монгольских народов шел процесс консолидации этносов, населяющих рассматриваемое евразийское пространство. Именно природно-климатические, демографические условия становятся первыми объективными факторами, повлиявшими на формирование ментальности монгольского народа. Они во многом определили тип хозяйствования и образ жизни монголов в целом, коренным образом повлияли на формирование традиционных культурных ценностей монгольского этноса и его ментальность, которая в свою очередь повлияла на развитие социальных процессов и на характер общественных отношений.

Большая, необжитая территория, суровой климат обусловили образ жизни монгольских племен, заставив их находиться в постоянном движении. Монголы адаптировались к жестокой и суровой природе, смогли стать ее неотъемлемой частью, затрачивая энергию на выживание, а не на развитие. Подтверждением данного тезиса является основное занятие монголов – кочевое скотоводство и широко распространенные по всей территории Монголии шаманские верования, призванные укрепить связь монголов с природой. Постепенно произошло сближение материальной и духовной культуры многочисленных племен: около двадцати монгольских и немонгольских этнических групп объединились, среди них первое место по численности занимают халха-монголы, за ними идут казахи, дербеты, байты, буряты и другие. Объединение племен привело к формированию монгольского народа.

Небольшие группы южных монголов, а также такие народности, как борджигины и олонуды, со временем слились с халха-монголами, которые стали известны с XVI в., а в настоящее время живут на территории всех аймаков, но наиболее сконцентрированы в центральных, восточных и южных районах территории Монголии. В западных аймаках живут дербеты, захчины, торгуты, олеты и байты (потомки западных ойратов), сейчас они тоже сближаются с халха-монголами. В северных аймаках живут буряты, часть их издавна населяет долины рек Селенги и Онона. К бурятам близка группа баргутов, перекочевавшая в 1950-х годах из Северо-Восточного Китая и живущая сейчас на территории Восточного аймака. Не представляют единой этнической группы такие малочисленные

народы, как алтайские и хубсугульские урянхайцы, цаатаны. Самая же крупная немонгольская этническая группа – это казахи, перекочевавшие на территорию Монголии в середине XIX в. и проживающие в Баян-Ульгийском аймаке. Современная Монголия создает казахам условия для сохранения национальной культуры и языка. Также на территории Монголии живут этнические группы русских, китайцев, хотонов и др.

Суровый климат повлиял не только на «текучесть» многочисленных монгольских племен, но и на формирование ментальности, определенные черты которой связаны с неприветливым и порой жестоким окружающим миром. Как считает известный ученый Л.Г.Скородумова⁵², в монгольском характере есть такие черты, как: почтительность к ближнему, открытость души и внутренняя эмоциональность, доминанта пространства и любовь к передвижению. Так, почтительность к ближнему, Л.Г. Скородумова объясняет тем, что для монгола всегда важнее окружающее их общество, а не собственное «Я». Человек не выделяет себя из мира, все для монгола уравновешено и равноценно. Открытость монголов и их доверчивость, внешняя неспешность, но при этом яркая внутренняя эмоциональность объясняются величию окружающей их природы и большими, «пустыми пространствами», которые в свою очередь рождают не только чувство внутренней свободы, но любовь к передвижениям.

Интересно и мнение исследователя Н.Баярсайхана, который считает, что свобода перемещения при кочевом образе жизни определяет фрагментарность мышления и его ориентированность на события и связи⁵³. Большие расстояния между айлами заставляли монголов рассчитывать только на себя: свой ум, находчивость и выносливость. Окружающая природа сделала монголов самостоятельными, но при этом открытыми, гостеприимными и дружелюбными. Любой странник всегда может рассчитывать на приют и помощь в случайно встретившейся на пути юрте. «Бремя» природы заставляло их не только жить вместе, но и ценить, поддерживать эту совместную жизнь. Взаимовыручка и

---

⁵² Скородумова Л.Г. Монгольский язык: Образы мира / Л.Г. Скородумова. – Улан-Батор: Бемби сан, 2004. – с.123.

⁵³ Баярсайхан Н. Монгольская культура в цивилизационно-историческом контексте / Н. Баярсайхан / Дис.на соискание уч.степени кандидата философских наук. – Ростов-на-Дону, 2006. – с.33.

взаимопомощь стали со временем естественными нормами поведения монголов, укоренились в их сознании.

Географическое положение, суровый климат, наличие обширных пространств предопределили образ жизни монголов. Их главное занятие – скотоводство становится основой хозяйства и фактором формирования традиционной материальной культуры и быта, что нашло отражение прежде всего в материальной сфере: в типе их жилищ, одежде, утваре, пище, а также в ментальной. Монголы-кочевники смогли приспособиться к степным условиям жизни и развивать хозяйство и культуру. Богатая природа позволила монголам пасти скот круглый год, не заготавливая корм. С древности монголы почитали и разводили традиционные пять видов скота: верблюдов, коней, крупный рогатый скот, коз и овец, поскольку они не требовали большого ухода, содержались на подножном корму и был очень выносливы.

Основа социальной организации – это система аильного хозяйства (*аил* – семья), единицей которого служила одна семья, была и так называемая куренная система, единицей которой служили несколько семей. Самым достойным занятием считалось разведение скота. Дети, начиная с 4-5 лет, помогали взрослым.

Хозяйственное освоение степей требовало отбора самых рациональных элементов в материальной культуре кочевого населения. Жилище кочевника должно было легко изготавливаться, собираться и разбираться, быть мобильным и транспортабельным. Таким жилищем стала юрта (*гэр*), имеющая своеобразную круглую форму. Юрта не только отвечала всем условиям жизни кочевника-скотовода, но и отражала взгляды монголов на природу и окружающий мир, став символом их адаптации и принятия условий существования. Как считает исследователь Н.Л. Жуковская, юрта представляет собой образ вселенной, своеобразный мир кочевника с точной ориентацией по сторонам света и центральной осью, которая непременно проходит через очаг и дымовое отверстие,

а также делится на смысловые секторы, например, на женский и мужской, почетный и непочетный⁵⁴.

Важным пространственным измерением служат стороны света, важнейшими частями становятся противопоставленные друг другу стороны света. Южная сторона связана со светлыми представлениями и значениями, связана с движением солнца. На юг обращена монгольская юрта. Негативные значения сводятся к северу, а также пространством от северо-востока до запада. Например, покойников всегда кладут головой на север.

Все устройство юрты неразрывно связано с хозяйственно-бытовой жизнью монголов. Строение монгольской юрты подчинено хозяйственно-бытовым нуждам кочевников, а ее формы и пропорции неразрывно связаны с солнечными часами, которыми монголы пользовались до начала XX века, определяя время по падению солнечного луча на стены жилища⁵⁵.

Внешне юрта отражала подвижный образ жизни монголов, а внутреннее убранство юрты отличалось многоцветием и красотой: юрту украшали орнаментальными узорами, коврами, результатами труда монгольских мастеров-ремесленников – различными фигурками из дерева, металла, шерсти и пр. Расположение предметов в юрте и поведение монголов внутри своего жилища подчиняется традициям и носит символический характер.

Считается, что устройство юрты отражает ментальность монголов и несколько черт национального характера: стремление к свободе и к художественному оформлению жилища (развитый эстетический вкус), ощущение неразрывной связи с природой.

Стоит отметить, что монголы всегда чувствовали себя частью природы, это нашло свое отражение в истории, культуре и литературе. Свидетельством этому может служить шаманизм, структурно оформившийся к концу I тыс. до н.э. в Центральной Азии и Южной Сибири⁵⁶.

---

⁵⁴ Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии. Культура. Традиции. Символика / Н.Л. Жуковская. – М.: Восточная литература, 2002 – с. 15.

⁵⁵ Скородумова Л.Г. Обычаи монгольского народа / Л.Г. Скородумова. – Улан-Батор: Монцамэ, 2006. – с. 47.

⁵⁶ Там же. – с. 5.

Значительными ментальными образами пространства являются горы, равнины, реки, леса и озера. Горы, деревья, реки и степь – не просто элементы ландшафта, но и элементы картины мира монгольских народов. Служат ориентирами в пространстве и инструментом для деления пространства, «местами силы». Так, горы и по сей не теряют своей важной роли в жизни монголов. Каждый из этих элементов наделен своеобразной символикой и сакральной значимостью, которые имеют глубокую связь с происхождением, местоположением и комбинацией с другими объектами.

Интересна и категория пространства в культуре монголов, которые рассматривают горизонтальное пространство в вертикальном видении. В представлении монголов гора ассоциируется с верхом, а вода с низом. Север также связан с верхом, юг – с низом, реализацию этого можно увидеть в модели пространства юрты.

Прообразом вертикального видения мира служит река, которая связывает земной, небесный и подземный миры. Интересно, что и путь, дорога в представлении монголов имеет связь с вертикалью: подъем вверх – начало пути, возвращение – движение вниз, спуск.

Одним из древнейших показателей способа организации отсчета времени является календарь⁵⁷. Монголы одновременно пользовались несколькими календарями: один из них – хозяйственный, отражающий деятельность кочевника-скотовода, другой – двенадцатилетний, а также шестидесятилетний календарь. Современный монгольский календарь представляет собой лунно-солнечный двенадцатилетний календарь (животного цикла).

Годовой хозяйственный календарь отражал повторяемость сезона, согласно ему выделяли два сезона: весенне-летний и осенне-зимний, а также отражал климатические особенности и специфику скотоводческого хозяйства. Этот календарь не следил за счетом линейного времени. Интересно, что понятие исторического времени и своя хронология у монголов появились только с

---

⁵⁷ Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии. Культура. Традиции. Символика / Н.Л. Жуковская. – М.: Восточная литература, 2002. – с.43.

появлением и принятием циклических календарей, а до этого важные даты истории страны можно было определить только с помощью летописей и хроник.

После сезона следующей единицей времени служил месяц: в году было 12 месяцев по 30 дней, раз в четыре года добавляли тринадцатый месяц. Месяц делился на декады, названия которым дали, полагаясь на луну: новолуние, полнолуние и старый месяц⁵⁸. Сами месяцы обозначались по сезону (например, зимние или весенние), а также порядковыми числительными. Месяцам давали название и внутри сезона: месяц мог быть первый или, например, третьим.

Существовало много названий для месяцев года, как правило, они ассоциировались у монголов с особенностями природы. Начало года было связано с астрономическими явлениями, известными монголам, или с зимнем солнцестоянием или осенним равноденствием⁵⁹.

Символом богатства для монгола издавна считался скот. Успешная жизнь монгола зависела от «благополучия» стада⁶⁰.

В традиционной культуре есть понятие «буян хишиг», которое можно перевести как «благодать». Каждое слово несет в себе идею «счастья», удвоение этих слов имеет важное значение, придающее понятию «буян хишиг» не только бытовое толкование счастья, но благодать, посланную Небом, как для одного человека, так и для всего народа. Что было счастьем для кочевника-скотовода? Хорошая погода и упитанный скот, дающий приплод, мясо и молоко.

Счастье для монгола это и здоровые дети. Создание семьи и рождение ребенка имеют большое значение для монголов. Детей в Монголии всегда любили и оберегали. Следует упомянуть, что в Монголии есть обычай усыновления сирот и на данный момент в стране отсутствуют детские дома⁶¹.

В связи с высокой детской смертностью у монголов существует много обычаев, направленных на защиту детей от нечистой силы и злых духов. Например, малышу могли дать необычное имя Муу нохой (плохая собака) и др.

---

⁵⁸ Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры / Л.Л. Викторова. – М.: Изд-во Наука, 1980. – с.65.

⁵⁹ Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии. Культура. Традиции. Символика / Н.Л. Жуковская. – М.: Восточная литература, 2002. – с.50.

⁶⁰ Скородумова Л.Г. Обычаи монгольского народа / Л.Г. Скородумова. – Улан-Батор: Монцамэ, 2006. – с.33.

⁶¹ Нравы, обычаи, традиции народов Восточной Азии//https://abc.vvsu.ru/books/nr_v_az/page0020.asp (дата обращения 12.05.2018).

Монголы верили, что такие имена отпугивают духов. Часто дети носили различные амулеты: клыки животных или когти птиц.

Самым известным обычаем, направленным на защиту детей, стал обычай первой стрижки волос, который со временем превратился в большой праздник. В первый раз мальчиков стригут в нечетные года: в три года или в пять лет, девочек, наоборот, в четные – в два или четыре года. По традиции назначают день церемонии стрижки ребенка и приглашают родных и близких. Этот день становится большим праздником для всей семьи, устраивается пир. Монголы выбирают из приглашенных гостей ведущего церемонии по году рождения, который должен быть благоприятным по отношению к году рождения малыша. Выбранный гость касается волос малыша деревянным ножом, после стрижет их ножницами, на которых завязан хадак. Именно к хадаку привязывают первый клочок волос. Все гости стригут малыша по очереди и при этом желают ему долголетия и счастья, дарят подарки. В качестве подарка может выступить овца или лошадь.

Монголы издавна почитали стариков как старейшин рода. Практически все обряды полны глубоким уважением к старшим: для пожилых всегда отводили почетные места, лучшие угощения и пр.

К концу I тыс. до н.э. на территории Центральной Азии и Южной Сибири сформировался шаманизм, к которому восходят верования многочисленных монгольских народов. Шаманизм послужил адаптационным механизмом и отразил в себе материальную и духовную культуры. В основе шаманизма лежат тотемические верования, которые позднее оформились в представления о тотемных предках-защитниках: волке, медведе, лебеде, орле и др. Верования в тотемных предков привели к широкому распространению регулярных обрядов и жертвоприношений. Шаманизм позднего времени характеризуется наличием верховного божества Синего Неба (тэнгри), а также усложнением обрядов и появлением «школы» подготовки шаманов. Как считает Л.Г.Скородумова, данное явление объясняется распадом родового строя и образованием ранних

государственных объединений (хуннов, сяньби, жужаней)⁶². Так, главным культом стало синее небо. Посланниками неба считались шаманы, а сами монголы называли себя сыновьями синего неба. В жизнь монголов вошли связанные с небом обряды. Перед важными событиями монголы обращались к небу, просили о милости. Практически у каждой семьи был небольшой сосуд, из которого для призывания удачи плескали в небо молоко. Этот обряд сохранился до сих пор.

Сыном неба монголы называли Чингисхана, традиция сохранилась: ханы были сыновьями неба, а их указы воспринимались как воля Неба. Традиция почитания синего неба сохранилась до наших дней.

Наряду с культом синего неба важную роль играет обо (овоо), ритуальный курган. Для того, чтобы установить обо, монголы выбирают место, роют небольшую яму, на дно которой кладут сосуд с пшеном и драгоценностями: золото, серебро, медь, сталь, бирюза, коралл, жемчуг, перламутр, лазурит. Таким образом, монголы почитают девять драгоценностей и показывают желание увеличения численности населения. После того, как сосуд закапывают под землю, ставят друг на друга камни и собирают, возвышают обо. В середине обо устанавливают длинную палку, на которой развивается хадак (хадаг). В дни праздников, в дни как счастливых, так и горестных событий монголы приходят к обо и совершают обряд почитания, делают небольшие пожертвования, оставляют еду, монеты. Традиция почитания обо также сохранилась до наших дней. Считается плохой приметой проехать мимо обо, не бросив горстки риса или монет. Подобный обычай связан и с почитанием духов местности.

Особенное отношение монголы сохранили и к деревьям. На территории Монголии растет множество деревьев: тополь, береза, кедр, лиственница и др. В древности монголы почитали деревья, так как считали, что они растут вверх, и их дух отправляется на небо, поэтому был распространен, особенно во Внутренней Монголии, «праздник развесистого дерева»⁶³. Под деревьями проводили обряды, совершали жертвоприношения в честь неба и даже проводили свадьбы. На

---

⁶² Скородумова Л.Г. Обычаи монгольского народа / Л.Г. Скородумова. – Улан-Батор: Монцамэ, 2006. – с.6.

⁶³ Скородумова Л.Г. Обычаи монгольского народа / Л.Г. Скородумова. – Улан-Батор: Монцамэ, 2006. – с.9.

деревья часто повязывали хадак в знак почитания. Особенное отношение у монголов было к одиноко стоявшим, засохшим деревьям, считали, что в них живет нечистая сила. Сейчас почитание деревьев не так распространено, как почитание обо.

Среди почитаемых монголами животных можно назвать оленя, медведя, волка и др. Например, того, кто убьет оленя, ждет несчастье. Если случается, что нужно убить оленя, охотник должен трижды помолиться. Плохой приметой считается, если рога убитого оленя касаются земли раньше его туши. Кроме того, с древности монголы почитают медведя, особым почтением пользуется созвездие под названием «Большая медведица». В этом созвездии монголы видели защитницу, просили о помощи и милости, доверяли благосостояние семьи и скот. У монголов есть молитва «Большая Медведица», которую читают чаще других.

Монголы почитали и до сих пор поклоняются волку. Считается, что родоначальником монголов является волк Бортэ и олениха Маралгуа⁶⁴. Случайная встреча с волком считается хорошим предзнаменованием. К счастью носить с собой или хранить дома волчью лодыжку. Существует традиция «закрывать волку пасть», например, не произносили слово «волк», чтобы не привлечь волка и уберечь скот.

По мнению исследователя Р.Т.Сабилова, культ Неба, поклонение огню, горам и рекам, духам местности и пр., а также шаманизм стали результатом эволюции религиозных и мифологических представлений кочевников⁶⁵.

С приходом буддизма шаманские верования не исчезли, а некоторые традиции и обычаи шаманизма так глубоко проникли в материальную и духовную культуру монголов, что соблюдаются до сих пор.

Важную роль в формировании ментальности и национального характера монголов сыграл буддизм. Религиозные и культурные контакты монголов с Тибетом имеют многовековую историю.

Считается, что монголы познакомились с буддизмом во время завоевательных походов Чингисхана в XIII веке, но в это время буддизм не

---

⁶⁴Скородумова Л.Г. Обычаи монгольского народа / Л.Г. Скородумова. – Улан-Батор: Монцамэ, 2006. – с.14.

⁶⁵ Сабилов Р.Т. Религия в Монголии. Автохтонные верования и шаманизм в Монголии после 1990-го года//https://www.legendtour.ru/rus/mongolia/text/sabirov_1.shtml (дата обращения 12.05.2018).

получил широкого распространения. Но в XVI в. стремление к единству подтолкнуло монгольскую знать к поиску «идейного стержня», которым и стал буддизм. Существует официальная дата обращения монголов в буддизм – это 1578 год, когда на съезде ханов Алтан-хан присвоил главе буддийской школы Гелукпа («желтошапочная» секта тибетского буддизма⁶⁶) Соднам-чжамцо титул Далай-лама, т.е. великого ламы. С этого момента все первосвященники стали носить титул Далай-ламы. Алтан-хан в знак особого почтения, помимо титула, подарил Соднам-чжамцо золотую печать, что укрепило его позиции не только как главы буддийской церкви, но и как представителя светской власти.

Примеру Алтан-хана последовали другие монгольские князья, тибетский буддизм получил широкое распространение. Начался активный процесс культурного взаимодействия: велась работа по переводу буддийских сочинений, молодые ламы ездили учиться в Тибет, а из Тибета приезжали известные проповедники. В 1588 году в Монголии по указу Абатай-хана появился первый буддийский монастырь Эрдэнэ-цзу, а через год внук Алтан-хана был объявлен «перерожденцем» и получил статус Далай-ламы.

Буддизм играл важнейшую роль в истории, духовной и материальной культуре страны вплоть до Народной революции в 1921 году, отразился и на национальном характере монголов, их мировоззрении. Стоит отметить, что буддизм насаждался сверху и отвечал интересам маньчжуров и политике колонизации Монголии. Практически 300 лет монголы поклонялись ламам и находились под их властью и влиянием.

Так к началу XX века в стране было около 750 монастырей, а треть мужского населения были монахами: в каждой семье один из сыновей становился ламой. Сильное и многочисленное духовенство владело большим количеством скота и земель, а монастыри были единственными центрами образования и медицины. Религия глубоко проникла во все сферы жизни, ламы контролировали любой шаг арата, решали, например, быть или не быть свадьбе.

---

⁶⁶ «Желтошапочная» секта была основана в XV в. буддийским мыслителем Цзонхавой (1357-1419). Он жил в Лхасе, где и основал первый монастырь Галдан. Цзохава разработал устав, систему церковной иерархии, правила поведения для лам и правила проведения обрядов. С этого времени школа Гелукпа завоевала политический авторитет и укрепила свои позиции.

По мнению Т.Д. Скрынниковой, институт и структура церкви являются важнейшим идентификационным маркером монгольской этничности.⁶⁷ Важным структурирующим фактором выступил махаянский буддизм, что отразилось в монгольском менталитете и выразилось в разнообразии и богатстве их культуры. Процесс проникновения буддизма в монгольскую культуру сопровождался, как считает Т.Д.Скрынникова, усилением роли махаяны. Чужая же вначале культура стала со временем выступать как этническая компонента⁶⁸.

Постулаты буддизма стали основополагающими принципами бытия, религия обусловила и специфическое восприятие пространства и времени – неразрывность прошлого, настоящего и будущего. Ощущение бесконечности времени и пространства, спокойствие, постоянная духовная работа и философичность – наследие буддизма и ментальные черты монгольского народа.

Свойственные монгольскому характеру философичность и поэтичность прежде всего выражались в музыке и литературе. Философская мысль выражалась в художественно-образной форме, а не в теоретизированных знаниях. Монголы традиционно предпочитают малые формы (пословицы, поговорки, очерки и эссе).

Монгольский фольклор – важный участник сохранения и передачи традиционной культуры начиная с древности. До сих пор различные фольклорные формы пользуются у монголов большой популярностью. Устное поэтическое искусство является своеобразным зеркалом, отражающим образы национальной картины мира, и большой сокровищницей эстетических идеалов монгольского народа. Многие же традиционные сюжеты фольклорных сочинений можно назвать ориентиром поведения монголов.⁶⁹ К крупным жанрам фольклора относятся легенды, сказки, былины, эпические сказания. К малым жанрам – песни, хвалы, гимны, молитвы, магталы, славословия, поучения (сургалы),

---

⁶⁷ Скрынникова Т.Д. Буддийская церковь в актуализации монгольской идентичности первой четверти XX в. / Т.Д. Скрынникова // Россия – Монголия: культурная идентичность и межкультурное взаимодействие: монография / В.М.Дианова, ред.. Изд. 3-е. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. – с. 53.

⁶⁸Наднеева К.А. Махаянский буддизм как структурирующее начало культуры монгольских народов/ К.А. Наднеева // Россия – Монголия: культурная идентичность и межкультурное взаимодействие: монография / В.М.Дианова, ред.. Изд. 3-е. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. – с. 57-58.

⁶⁹ Кульганек И.В. Монгольский поэтический фольклор: проблемы изучения, коллекции, поэтика / И.В. Кульганек. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. – с.5.

благодарения и благопожелания (юролы), заклинания, воззвания, заговоры, проклятия, просьбы, причитания и слова или стихи, сказанные по случаю. Многообразие традиционных фольклорных форм объясняется необходимостью отмечать и сопровождать обрядом каждое важное событие в семье и роде.

С помощью древних образов, сюжетов и мотивов, которые сохранились в произведениях устного народного творчества, можно до некоторой степени реконструировать мифотворчество монголов. В фольклорных сочинениях, например, в сказках, встречается упоминание о Верхнем мире, где живут божества – тэнгрии, земной мир (Замбатив), где живут герои батареи (баатар) и простые люди. Упоминается и Нижний мир – место обитания различных мифических существ. Одно из них было похоже на гигантского змея и носило название «аврага могой». До сих пор «аврага» используется как нарицательное имя для чемпионов и победителей различных соревнований. Позже на смену мифическим существам пришли духи местности, так называемые лусы, которые в зависимости от поведения людей могли им помогать или вредить. Там, где небо сходилась с землей, обитали чудовища *мангасы*.

Интересно, что монгольская литература возникает одновременно с монгольской государственностью в XIII веке. Первым памятником национальной словесности становится летопись «Сокровенное сказание монголов» (*Монголын нууц товчоо*, 1240). Это одно из самых крупных и значительных произведений монгольской литературы, которое до сих пор привлекает внимание ученых-монголоведов по всему миру. «Сокровенное сказание монголов» - это историческое сочинение, включающее в себя значительное количество фольклорных и литературных материалов.

Монголия XIII века была сильным централизованным государством, но в XIV в. с падением династии Юань (1368), изгнанием монголов из Китая и распадом страны на отдельные ханства, ведущие между собой постоянные войны, литературная деятельность в Монголии практически прекратилась⁷⁰. Сочинения XIV-XVI вв. не сохранились, но произведения второй половины XVI и XVII вв.

---

⁷⁰ Герасимович Л.К. Монгольская литература XIII - начала XX вв. Материалы к лекциям / Л.К. Герасимович – Элиста: Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, 2006. – с.4.

говорят о том, что вслед за первой монгольской летописью появились и другие. Это свидетельствует о непрерывной традиции летописания. Многие из них частями повторяли «Сокровенное сказание монголов», иногда и дословно воспроизводили текст. Например, известная летопись Лувсанданзана «Золотой свод» (*Алтан товч*, 1634) повторяет примерно две трети «Сокровенного сказания монголов», к которому обращались и неизвестные авторы других летописей таких, как «Золотой свод» (*Алтан товч*, 1627) и «Желтое повествование» (*Шар тууж*, 1660). В историческом сочинении «Драгоценный свод» (*Эрдэний товч*, 1655) Саган-сэцэна мы также можем увидеть воспроизведение большей части текста «Сокровенного сказания».

В XVIII в. появляются летописи, значительно отличающиеся от вышеупомянутых. Произведения Мэргэн-гэгэна «Золотой свод» (*Алтан товч*, 1765) и Рашпунцага «Хрустальные четки» (*Болор эрх*, 1774-1775) содержат рассказы, которые не приводят более ранние авторы, и отличаются подачей образов главных героев. Место традиционного летописания занимает буддийская историография. Многие исторические трактаты того времени начинаются с момента образования вселенной, а затем авторы обращаются к истории царей Индии, много внимания уделяют распространению буддизма, и лишь в конце своеобразной летописи можно увидеть историю монгольских ханств.

Кроме ксилографов (самые популярные и значительные произведения были изданы ксилографическим способом), в XVIII в. у монголов продолжала бытовать рукописная традиция. В рукописях распространялись любимые в народе сочинения: *сургалы* (поучения), сказки, различные сказания, воспевающие Чингис-хана и его богатырей. Также в рукописях бытовали пословицы, мудрые изречения и народная обрядовая поэзия (тексты призываний богов, духов и пр.). В 1716 году ксилографическим способом была издана «Повесть о Гэсэр-хане, владыке десяти стран света» (*Арван зугийн эзэн Гэсэр ханы тууж оршивой*)⁷¹. Известная в народе «Гэсэриада» представляет собой цикл сказаний об отважном герое, который посвятил свою жизнь борьбе с чудовищами. Другой пример

---

⁷¹ Михайлов Г.И., Яцковская К.Н. Монгольская литература: краткий очерк / Г.И. Михайлов, К.Н. Яцковская. – М.: Наука, 1969. – С. 36.

монгольского эпоса – произведение под названием «Повесть о Хан-Харангуйе» (*Хан харангуй хэмээх тууж оршивой*), рассказывающее о подвигах народного героя по имени Хан-Харангуй, его характере и т.д.⁷²

Произведения устного народного творчества монголов не только становились частью исторических сочинений, но и самостоятельно, в полном объеме проникали в монгольскую литературу, и до сих пор оказывают сильно влияние на литературный процесс.

Отметим, что монгольское общество начала XX века представляло собой кочевое традиционное общество, где кочевое пастбищное скотоводство оставалось главной формой хозяйствования.

Известно, что монгольское общество в начале XX века оставалось кочевым традиционным обществом с пастбищным скотоводством в качестве ведущей формы хозяйства.

Основной вид хозяйствования монголов определил и национальную кухню, основой которой являются молоко и мясо. Еда кочевника-скотовода должна быть простой в приготовлении и сытной. У монголов, совершающих долгие перекочевки, были свои способы хранения и консервации пищи. Употребление тех или иных блюд всегда зависело от сезона, периода хозяйствования и природных условий. Приготовление пищи, подача гостям и членам семьи - все подчиняется традиции: например, самые вкусные куски мяса подают пожилым или почетным гостям.

Традиционным топливом служит аргал (кизяк). Его было много, он доступен и очень теплотворен.

Скотоводство и кочевой образ жизни определили и национальную одежду монголов, которая называется дэли (*дээл*) и напоминает по форме халат. Дэли есть зимние и летние, мужские и женские. Они удобные и не сковывают движения. Есть у монголов традиционный головной убор – шапка *малгай*, которая защищает кочевников от сильных степных ветров, а также традиционная обувь *гутал* – теплая, легкая для носки и удобная для скачки.

---

⁷² Санжеев Г.Д. Современный монгольский язык / Г.Д. Санжеев. – М.: Изд-во Восточная литература, 1960. – 103 с.

Основными видами оружия были лук, меч, позже сабля. Большим достижением стало изобретение упряжи и седла, которое облегчило долгие перекочевки и дало возможность кочевникам пользоваться луком при скачке.

В Монголии одним из самых главных праздников является Цагаан Сар (Новый год), который широко отмечается по всей стране. Цагаан Сар – это праздник Нового года и первый весенний месяц. Закрепленной даты нет, каждый год дата определяется по лунному календарю, поэтому Цагаан Сар может быть как в январе, так и в марте. Чаще всего празднование Цагаан Сара приходится на февраль.

Отметим, что до 1267 года монголы праздновали Цагаан Сар в сентябре, отмечать же новый год по лунному календарю монголы начали по приказу внука Чингисхана, Хубилая.

У монголов не принято праздновать день рождения: каждый год они увеличивают свой возраст на один год, учитывая девять месяцев до рождения⁷³.

Ученые дают разные объяснения названию «Цагаан Сар» (белый месяц). Некоторые считают, что в это время монголы едят много белой (молочной) пищи, другие объясняют это тем, что белый цвет символизирует собой счастье и благополучие.

Подготовка к Новому году начинается задолго до праздничной даты. Монголы готовят много еды и угощений, покупают подарки, убираются дома (в юрте), покупают новую одежду, режут самого крупного барана. Канун Нового года носит название *битуун*. Как правило, в этот день совершали обряд, который сохраняется по сей день – сломать старое, чтобы дать дорогу новому. Например, открывали бутылку водки или могли сломать берцовую кость барана⁷⁴.

Помимо обряда «ломки», совершали обряд под названием «даллага», подразумевающей под собой жертвоприношение хозяйке огня, у которой просят долголетия и счастья.

В последний день старого года монголы ходят в монастырь и совершают обряд очищения от грехов. Ламы проводили службы в ночь на наступление

---

⁷³ Скородумова Л.Г. Обычаи монгольского народа / Л.Г. Скородумова. – Улан-Батор: Монцамэ, 2006. – с.36.

⁷⁴ Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии. Культура. Традиции. Символика / Н.Л. Жуковская. – М.: Восточная литература, 2002. – с.63.

Нового года, в которых не участвовали простые монголы. Они ожидали наступления утра Цагаан Сара, первого дня Нового года, чтобы начать праздновать.

Празднование Цагаан Сара начинается в 6 часов утра, монголы совершают традиционные обряды, приветствуют восход солнца, поздравляют членов своей семьи. В первую очередь поздравляют самого старшего, ему преподносят чашку с молоком и хадак.

Поздравляя друг друга, монголы совершают обряд под названием «золголт»: тот, кто младше по возрасту, протягивает руки ладонью вверх, а тот, кто старше, ладонью вниз. Старший по возрасту дважды целует в обе щеки младшего. Интересно, что этот обряд не совершают муж и жена, так как считаются единым целым. Совершая обряд, монголы желают друг другу счастья в новом году. После поздравлений начинается праздничное застолье. По традиции застолье должно быть обильным, так как могло повлиять на благополучие семьи в Новом году. После монголы обмениваются подарками. Как правило, дарят подарки светлых цветов, не принято преподносить один подарок. Мужчины обмениваются табакеркой, после начинают петь песни под игру национального инструмента *морин хур*. Вечером могут организовать игры, а в следующие дни ходят в гости к родственникам и друзьям, иногда проводят скачки и соревнования по борьбе. Празднование Нового года может продолжаться от нескольких дней до месяца.

Помимо Цагаан Сара большим праздником и событием в жизни монголов является надом (*наадам*) или «три мужские игры». Это спортивный праздник, который включает в себя три национальных вида спорта таких, как стрельбу из лука, борьбу и скачки. Обычно это происходит в середине июля и сопровождается большими гуляниями и играми. Исторические корни надома берут свое начало в обряде жертвоприношения духам местности. Это обряд совершался, как правило, летом и проходил шумно и весело: его участники пели, танцевали и соревновались. В дальнейшем надом приобрел характер военного смотра, на надоме выбирали лучших воинов. С этого времени поменялось и значение надома: если раньше состязания в смелости, силе и меткости проводились ради

предка-прородителя, то позже ради хана-правителя. В XVIII веке надом стал религиозным праздником, центральной частью которого стала церемония «даншиг» (вручение даров Богдо-хану). Были и другие особенности, например, кони, победившие в скачках, становились собственностью Богдо-хана. Новое преобразование надом случилось после революции 1921 года, поменялось название: «Государственный военный праздник Надом» (Улс ард циргийн наадам), а сам праздник был приурочен к 11 июля (день победы Народной революции). Первое время надом сохранял свой религиозный характер, например, совершалось освящение знамен. Но со временем религиозные элементы праздника ушли, и, действительно, надом приобрел военный характер, в дни надом проводили парады войск и митинги трудящихся. В настоящее время надом потерял все приобретенные элементы и стал одним из самых главных национальных праздников монголов, провозглашением национальной традиции и монгольского духа. Надом привлекает туристов и является большим народным праздником.

Значительными обычаями были свадьба и похороны. Свадьба – важное событие в жизни человека, у каждого народа есть свои свадебные традиции, есть они и у монголов. После знакомства молодой человек ставит юрту и отправляется со своей семьей просить руки невесты у ее родителей. Если родители невесты принимают жениха, то в ответ на его угощения преподносят жениху хадак с угощениями. Через несколько дней семья жениха вновь приходит к невесте с хадаком, в которой завернуты клей и гвозди. Хадак привязывается к жерди юрты и символизирует собой неразрывность союза жениха и невесты. Через некоторое время родители (или родственники, сваты) снова приезжают к невесте с угощениями, а через несколько месяцев назначают день свадьбы.

В день свадьбы жених и его родственники приезжают к невесте, где идет прощальный пир, который, как правило, продолжается всю ночь. Утром родственники невесты привязывают к поясу жениха белую ткань, а родственники жениха кладут на плечо невесты хадак, что символизирует собой родство семей. После вещи невесты грузят в машину или на верблюда, и вся семья трижды обходит юрту невесты и едет к жениху.

При решении о браке важную роль играли даты рождения невесты и жениха, позднее и одобрение ламы. Существовала традиция платы калыма за невесту. Со временем свадебные традиции стали упрощаться.

Одной из самых древних и специфических традиций была традиция открытых похорон, о которой содержатся упоминания в работах древних писателей. Также в Монголии применялись и другие формы погребения: кремация, бальзамирование, погружение в воду⁷⁵. Способ захоронения зависел от социального статуса покойного. Например, ламы высокого духовного сана подвергались бальзамированию. Знатных людей хоронили вместе с оружием и лошадьми. Кремировали не только людей, умерших от заразной болезни, но и высокопоставленных. Монголы считали, что огонь символизирует собой очищение.

На традиции похорон большое влияние оказали шаманские ритуалы и буддизм. На похоронах обязательно присутствовали ламы, их количество зависело от социального статуса. Лама выбирал день и час похорон, а также организовывал весь процесс похорон, он должен был не только «правильно» проводить душу покойника до неба и попросить у неба благословения, но и защитить семью от нечистых сил. Традицией регламентировалось обращение с телом покойника. Лицо усопшего покрывают белым хадаком, на усопшего нельзя смотреть, прикасаться к телу и лицу, поднимать хадак. Рот и глаза покойного мог закрыть только родственник мужского пола или лама. Женщины не участвовали в процессе похорон. Часто рядом с покойным клали несколько синих камней в качестве защиты от злых духов. Тело покойного оставляли нагим, веря в то, что в момент смерти человек возвращается в «первозданное состояние». В юрте покойного располагают в противоположной части: если умирает мужчина, то его тело кладут в женскую часть юрты, если женщина – то в мужскую. В юрте зажигали благовония и лампадки.

Традиционное место захоронения представляет собой пустынное место, находящиеся вдалеке от дорог кочевников. Как правило, такие места считались священными. Существовали также семейные и общие места для захоронения.

---

⁷⁵ Скородумова Л.Г. Обычаи монгольского народа / Л.Г. Скородумова. – Улан-Батор: Монцамэ, 2006. - с.22.

Подобное оставление тела в степи рассматривалось как жертвоприношение хищникам: монголы кормили хищников телами усопших в надежде, что те не тронут живых⁷⁶. Чем быстрее хищники съедали тело, тем чище была душа у покойного. Тело ходили проверять в определенные дни, например, на седьмой или двадцать первый день. Если и на сорок девятый день тело не было съедено, то звали ламу, чтобы он помолился за душу умершего и помог ей отправиться на небо. Как правильно, тело покрывали белой простыней и клали головой на север, а само туловище переворачивали на левый бок, левая рука находилась под головой, а правая на лице, закрывая глаза и рот. Это объяснялось верой монголов в то, что на северной стороне находится следующий мир, а левая сторона тела – добрая, а правая – злая. Мужчины, участвующие в похоронах, по возвращению не трогали животное, возившее повозку, и саму повозку, на которой везли тело, а переворачивали ее и не прикасались к ней неделю. До того, как зайти домой, все участники похорон проходили между двух разведенных огней, считая, что это поможет очищению.

Также следует отметить, что культуру кочевых этносов отличает устойчивая духовная связь с землей, несмотря на их способность легко менять место проживания. Крепость этой связи человека с землей подтверждают родильная и похоронная обрядность монгольских народов.

После Народной революции 1921 года монголы начали отходить от традиционного обряда похорон и хоронить умерших на кладбище по-европейски.

Таким образом, проведенный культурологический анализ в сочетании с историческим, показывают нам, что на разных этапах развития Монголии формируется традиционная культура и специфика монгольской ментальности.

Так, например, исследование традиционного жилища монголов или их традиционного костюма демонстрирует понимаемое ими устройство мира, представляет их модель мира, это и есть их представление об окружающем пространстве, что отражает их традиционное мировоззрение, вертикальное измерение впечатлений от окружающей среды. Костюм и украшения на теле – это отображение принимаемой ими структуры мироустройства, дуальность

---

⁷⁶ Скородумова Л.Г. Обычаи монгольского народа / Л.Г. Скородумова. – Улан-Батор: Монцамэ, 2006. – с.26.

вертикальной структуры мироздания, где присутствует священная пара - Небо - Земля.

Становление традиционной культуры нашло отражение в ментальности монгольского народа, соединив в себе историческое, географическое и культурное пространство монгольского народа. Религия, традиции и обычаи лежат в основе определенной морали и поведенческой модели как индивида, так и монгольского народа в целом.

Знание особенностей национальной культуры важно на различных этапах развития государств, важно их теоретическое осмысление и практическое значение на современном этапе. Развитие монгольского народа имеет тенденцию к сохранению традиционного образа жизни, базовых норм и ценностей культуры, к национальной самобытности.

Соотношение между ментальностью и национальным характером, скорее всего, является аналогичным соотношению психики и характеру отдельного человека. Так, для нас очевидно, что психика и характер – это не одно и то же, но они взаимосвязаны. Ментальность всегда связана с конкретной исторической эпохой и конкретным этапом развития общества. Очевидно, что в основе ментальности любого общества также находятся и национальные особенности, которые во многом определяют и саму ментальность, и национальный характер.

Анализ категории национального характера, особенностей его становления, выявление содержания его составляющих – это всегда сложный процесс. В данном исследовании мы не ставим задачу проведения сравнительного анализа различных концепций, раскрывающих феномен национального характера. Но все эти концепции (работы Ж.Бодена, Ж.Гобино, Л. Вольтмана, Э.Баркера, А.Фуйе, М.Лазаруса, Х.Ортега-и-Гассета, К.-Г.Юнга и др.) способствуют адекватному пониманию категории национальный характер, выявлению механизмов формирования национального характера. Используемый в работе междисциплинарный подход позволяет утверждать, что национальный характер – это социокультурный феномен, обусловленный социокультурными процессами.

Исследование монгольской общественной мысли, изучение наиболее значимых работ по проблематике монгольского характера существенно

расширяют знания по данной категории и стереотипизации представлений монголов о других этносах.

Рассмотренные в работе различные факторы (природно-географический, исторический, социальный и аксиологический) являются факторами формирования национального характера как биоэтносоциокультурного феномена. Национальный характер монгольского народа – это сложившиеся эмоционально-психологические нормы поведения людей в обществе. Иными словами, национальный характер включает в себя психологические стереотипы поведения народа. Монгольские народы – это группа родственных народов, говорящих на монгольских языках. Всех их тесно связывают общая многовековая история, типичные формы жизнедеятельности, уклады хозяйствования, культурные традиции, язык, религиозные вероисповедания. Основные народы в составе монгольских: монголы, калмыки, буряты и т.д. У каждого из них сложная этническая история, имеющая как общие, так и различные черты. Перечисленные выше предпочтения формируют основу национального характера и детерминанты его развития.

Эмпирическое описание национального характера находим в работах многих авторов, которые описали подчас интуитивно выявленные, но абсолютно точно передающие специфику черт и качеств монгольского народа, его национального характера, менталитета в путевых заметках, художественных произведениях и др. В качестве отдельного направления в данном аспекте следует выделить научные труды специалистов истории, культурологии, филологии, этнографии и др. Но необходимо учитывать и использование деления работ по этническому признаку их авторов, т.е. «внутренние» работы, выполненные монголами, и внешние работы, написанные представителями другого этноса. Таким образом, можно утверждать, что приведенное описание национальных черт и характера выполнено многогранно.

Описание национального менталитета монголов «внешними» авторами содержится уже в работах отечественных авторов дореволюционного и послереволюционного периода, среди которых ученые, дипломаты, путешественники, журналисты и т. д. Так, например, в работе И. М. Майского

«Современная Монголия» (1921) представлен настолько полный анализ обычаев, традиций и черт монгольского характера, многие современные публикации не обходятся без ее цитирования.

Современные монголоведы, Л.Л.Викторова, В.В.Грайворонский, М.И.Гольман, Н.Л. Жуковская, Л.Г.Скородумова и др., занимаются данной проблемой. В многочисленных работах Л.Н. Жуковской, исследователя монгольской культуры, отмечается гостеприимство монголов, неспешность, приверженность к традициям. Наиболее характерными чертами характера, по мнению ученых, являются: тесная связь с природой, любопытство, самодостаточность, неторопливость, наблюдательность. Это подтверждают и сами монголы.

В устном народном и профессиональном творчестве традиционно присутствуют такие ценности, как тоска по Родине и по месту, где вырос, любовь к родителям, независимость и свободолюбие. Лошади всегда играли важную роль в повседневной жизни, и, как следствие, образ лошади повсеместно присутствует в культуре монгольских народов. Гостеприимство является очень важной вещью в степи, и поэтому традиционно воспринимается как должное.

Монгольские народы издревле имели независимый и свободолюбивый нрав, почитали свою родину, с особым уважением относились к родителям. Более половины монголов – буддисты тибетского толка. Буддизм несколько смягчил характер монголов, возведя в культ такие качества, как терпение, приветливость, доброжелательность.

Традиционной чертой характера монгольских народов является оптимизм. Они, как правило, обращают внимание на положительные стороны жизни и на достоинства человека. В этой связи многие ученые с удивлением отмечали не трагичность эпоса монгольских народов, которая выражалась в том, что все сюжеты эпических песен завершались счастливой развязкой.

Яркой чертой характера монгольского народа является также активность, энергичность. Активность монголов проявляется в народных танцах, которые искрометны и быстры.

Предкам монгольских народов была свойственна также и гордость, которая в последующем, к сожалению, стала осуждаться буддизмом, несмотря на то, что гордость, скорее, положительная черта развитой личности.

Мы охарактеризовали основные черты характера монгольского народа, которые составляя его фундамент, формируют стереотипы сознания, установки и модели традиционного поведения. Элементы национального характера являются как бы кодом к расшифровке культуры и истории, без знания этого ключа невозможно понять многие стороны культурно-исторического пути этих народов. Национальный характер подвижен, сочетая в себе две системы ценностей – базовую и инструментальную, он сохраняется и изменяется под влиянием новых предпочтений.

Радикальные реформы в Монголии, начавшиеся в конце прошлого века создают новую основу исследования национального характера и ментальности. Либеральные реформы, политическое и экономическое развитие, внешние факторы влияния в качестве бизнес – интереса в стране США и Японии, китайское влияние – все это, конечно, влияет на национальный характер трансформирующегося общества.

Исследователи современного монгольского народа отмечают, что в массовом аксиологическом сознании преобладает стремление к сохранению абсолютного, неизменного уровня своего собственного воспроизводства и к сохранению сложившихся традиций. Негативно оценивая попытки универсализации общества, которые способствуют размыванию и стиранию национального, все же признается необходимым переход к такому типу общества, который оптимально обеспечит жизнеспособность монголам в современных условиях развития.

Сохранению этнической общности монголов способствуют конструирование общего мифологического прошлого, наличие определенной территории, культуры, языка, религиозных верований народа.

Ментальность раскрывает специфику и особенности картины мира, мировосприятия монгольского народа, объясняет его поведенческие модели. Данный системный конструкт, объединяющий весь исторический, социальный и

культурный опыт личности и народа несет базовые представления монголов о природе, человеке, социуме и мире. Также можно утверждать, что ментальность представляет собой организацию деятельности, форму коллективного поведения и систему эмоционального реагирования на окружающий мир, которые присущи только данному этносу. Рассмотренная структура ментальности монгольского народа подтверждает, что она – сложная система, состоящая из многих элементов, обладающая спецификой, сложившейся под влиянием определенных и рассмотренных выше факторов.

Ментальность монгольского народа представляет систему переработанных в процессе исторического развития архетипических представлений, которые составляют основу восприятия социальной реальности и одновременно основу формирования предпочтительных поведенческих установок и обеспечивает возможность передачи поколениям.

Особенности восприятия действительности и других этносов монгольским народом составляет основу их ментальности. Культурологический подход к формированию стереотипов сознания и пониманию их роли показывает значимость культурных образцов при самоидентификации и идентификации других.

Необычный путь исторического развития Монголии, кочевой образ жизни, климат и природа – этот тот «накопленный багаж», во многом определивший характер и ход развития культурной революции XX века и процесс становления культуры нового типа.

ГЛАВА 2

Национально-культурная специфика ментальности монгольского народа в современных условиях

2.1. Современные этносоциокультурные процессы в Монголии и их влияние на динамику ментальности народа

Существенные изменения монгольской ментальности наблюдаются при переходе от традиционного общества к современному. XX век – время возвращения независимой Монголии, которой несмотря на большой многовековой культурный опыт, во многом пришлось писать свою историю с начала. В XX веке в Монголии случились три революции⁷⁷, сменились три типа общественного строя и пять форм государственного устройства, но при этом монголам удалось сохранить свою национальную идентичность и базовые элементы ментальности⁷⁸.

Государство Монголии ставило перед собой много задач, основой которых стала культурная революция, преобразовавшая традиционное кочевое общество в современное монгольское общество, которое сочетает в себе традиции и достижения других народов⁷⁹. Обширные культурные преобразования не могли происходить без изменений в мировоззрении монголов. Одновременно с культурным строительством начался процесс изменения ментальных основ и ценностно-смысловых оснований культуры, из-за чего революция протекала в сложных условиях перехода от кочевой жизни к оседлой, отказа от религии, привычного образа жизни, бытовых привычек, а зачастую, и вековых традиций.

XX век Монголия встретила практически в бедственном положении, она была разделена на три части: Внутренняя Монголия входила в состав Китая, Внешняя Монголия – в состав империи Цин и Бурятия (часть Российской Империи). Элита Внешней Монголии стремилась к независимости от Китая, рассчитывая на поддержку России, которая долгое время не принимала никаких решений. В 1911 году Монголия (халха-монголы) воспользовалась распадом

---

⁷⁷ Революции в 1911, 1921 и в 1990 годах.

⁷⁸ История Монголии XX век. – М.: ИВ РАН, 2007. – с. 8.

⁷⁹ Там же, с. 10.

Цинской Империи, и образовалось теократическое государство, правителем стал Богдохан. Россия в это время не поддерживала желание монголов стать независимыми. В 1913 году подписали Русско-китайскую декларацию, где Китаем и Россией признавался автономный статус Монголии. В 1915 году Монголия, Россия и Китай подписали известное Кяхтинское соглашение, которое подтвердило автономный статус Монголии в составе Китая.

Начиная с 1911 г. на протяжении десяти лет монголы продолжали бороться за свою независимость, пытаясь освободиться от статуса автономии в составе Китая. В 1919 году Китай нарушил Кяхтинский договор и ввел войска на территорию Монголии, воспользовавшись ослабленным Гражданской войной положением России. Созданная в 1920 году Монгольская народная партия попросила Россию о поддержке в национально-освободительном движении. Революция 1921 года подарила монголам независимость от Китая. Также подписали Соглашение между РСФСР и Народным правительством Монголии⁸⁰, тем самым РСФСР признало Народное правительство Монголии. Но позже в 1924 году СССР и КР подписали соглашение, по которому Внешняя Монголия оставалась частью Китайской республики. Монголия была не согласна, но по-прежнему следовала за Советским Союзом.

Борьба монголов за независимость завершилась еще одной революцией в 1921 г., окончательно предоставившей монголам право на независимость и свое государство. Но революция 1921 года ознаменовала возрождение монгольского народа как самостоятельной нации. Таким образом, было удовлетворена мечта монголов о независимости и суверенитете на основе идеи антикитаизма, революция открыла возможности взаимодействия с советской Россией и Коминтерном.

Главной задачей нового государства выдвигалась построение общества нового типа, что на практике означало отказ и уничтожение традиционного общества с его социально-политической и экономической основой.

---

⁸⁰ Соглашение между РСФСР и Монголией об установлении дружеских отношений/ Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842 – 1925). М., 1927, с.204.

Народно-революционное правительство и Богдохан VII в 1921 году заключили договор, который называли «клятвенным». 1924 год стал важным периодом в истории Монголии: умер Богдохан VII, и страна стала народной республикой. В это же время приняли первую конституцию, которая отражала новые социально-политические элементы такие, как новая форма государственности, новая концепция политической власти, где народ объявлялся единственным источником власти. Принятая конституция имела в своей основе уже не феодальное право, она провозглашала всеобщее равенство и отменяла титулы феодалов и особые права духовенства. Данная демократическая основа обеспечивала дальнейшее радикальное преобразование общества и предстоящие существенные изменения ментальности монгольского народа.

Принятая конституция и другие законы обеспечивали принцип разделения властей, что было нетрадиционно для кочевников Монголии, где было принято соединение военных, религиозных, политических, судебных и других властных функций в руках одного человека.

Но несмотря на все достижения, всестороннюю помощь СССР и его активное участие в жизни монголов, Монголия еще долго сохраняла неопределенный статус, официально была частью Китая и не обладала полной независимостью вплоть до конца Второй Мировой Войны.

Так, в 1936 году между Монголией и Советским союзом был подписан Протокол о взаимной помощи, который предусматривал и взаимное оказание военной помощи. Например, Советский союз поддержал Монголию в конфликте с марионеточным японским государством Маньчжоу-Го на реке Халхин-Гол.

С окончанием Второй мировой войны Внешняя Монголия официально получила независимый статус, после проведения плебисцита. Повлиял на это и высокий статус СССР. Интересно, что условием вступления в войну с Японией стала независимость Монголии. Монголия попыталась в 1946 году стать членом Организации Объединенных наций, но Англия, Голландия и США были против. Вопрос не был решен на протяжении 20 лет из-за начала «холодной войны». Лишь в 1961 году Монголию приняли в ООН.

Успешными для Монголии можно назвать года с 1948 по 1954: были установлены дипломатические отношения с разными странами: с Вьетнамом, КНР, Венгрией и др.

В 1949 году стали налаживаться отношения между Монголией и Китаем, они стали носить характер сотрудничества и добрососедства. В 1960 и 1962 гг. были подписаны Договор о дружбе и взаимной помощи, Договор о монголо-китайской границе. Но сложные советско-китайские отношения и страхи монгольского руководства нарушили видимое сотрудничество, что привело к размещению советских войск на монгольской территории в целях защиты от возможного нападения с китайской стороны. Монголо-китайские отношения возобновились только с 1986 года.

Отметим, что в 1962 году Монголия вступила в Совет Экономической Взаимопомощи и на протяжении практически тридцати лет была частью социалистической системы.

Советский союз помог Монголии сохранить государственность и отстоять свою независимость от Китая. Как считает исследователь А.С.Железняков, обретение независимости помогло Монголии сохранить свою идентичность и кочевой образ жизни, не растворившись при этом в китайской цивилизации⁸¹.

Первый самый непростой период трансформации Монгольского государства и монгольского общества, охватывающий 1911-1930-й годы, должен являться предметом отдельного научного исследования.

Данный период представляет важную эпоху как в общей истории Монголии, так и в истории ее культуры. Новый этап в развитии страны начинается с момента освобождения Монголии и провозглашения ее независимости в 1911 году, и через десять лет в 1921 году – в год победы Народной революции. Началась эпоха больших преобразовательных процессов.

В 1924 г., после создания Монгольской Народной республики, действующая власть в лице Монгольской Народно-революционной партии начала проводить реформы, затрагивающие все сферы жизни монголов. В дальнейшем эти

---

⁸¹ Железняков А.С. Социально-историческая детерминация политических процессов в монгольском обществе: автореферат диссертации на соискание степени доктора политических наук // Официальный сайт ИС РАН. 2009. С. 31. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1518> (дата обращения 12.05.2018).

радикальные преобразования получили название «культурной революции»⁸², а процессы, происходившие под давлением зачастую насильственных реформ, было принято называть «культурным строительством».

Хронологически культурную революцию принято делить на три этапа: с 1921 года по 1940 гг., с 1940 по 1960 гг. и с 1960 года до начала 90-х, а точнее до 1992 года – даты окончания существования Монгольской Народной республики. На первом этапе культурной революции проводили самые радикальные реформы: появились системы народного образования и медицины, новые виды искусства, а также шел болезненный и трудный процесс отделения религии от государства, начала меняться материальная культура и быт монголов.

Новые социально-культурные процессы влияли на ментальность монгольского народа. Каждое из этих обстоятельств создавало серьезные трудности в решении первоочередных задач культурной модернизации и реформировании «старой культуры». Экономическая и культурная отсталость страны, отсутствие медицины, школ, недоступность образования, сильная территориальная разрозненность населения, неразвитость социальных отношений, сильнейшее влияние религии и ее главенствующая роль во всех сферах жизни монголов – эти своеобразные культурно-исторические условия определили специфику проведения культурной революции в Монголии, реализация которой нашла отражение в динамике ментальности монгольского народа. Начался процесс превращения кочевника-скотовода в современного жителя города с другими представлениями о труде, богатстве и, в целом, о мире.

Оценивая этнические особенности мировосприятия монголов, в рамках нашего исследования важно обратиться и к этническому составу населения Монголии. Как известно, Монголию населяют различные народы. Монгольская этническая общность сложилась в Центральной Азии, в XIII веке кочующие монголоязычные племена были объединены в одну державу Чингисханом, что явилось началом формирования монгольской народности. После падения Монгольской империи, многочисленных внутренних междоусобиц произошло

---

⁸²Драбкина И.Я. Искусство и культура Монголии и Центральной Азии / И.Я. Драбкина // Доклады и сообщения Всесоюзной научной конференции. – М.: Наука, 1983. – с. 202.

деление монголов на западных и восточных, последняя группа позднее разделилась на северную и южную. Подобное деление сохранялось на протяжении многих столетий.

К северной группе относится самая многочисленная этническая группа – халха (2 168 141 чел.), составляющая более 80 процентов. Близки к халха следующие группы, которые отличаются от них незначительными особенностями быта и языка: дариганга (27 412 чел.), хотогойты (15 460 чел.), узумчины (2 577 чел.), чахары (132 чел.), хорчины (152 чел.) и другие.

К западной группе, ойратам, относятся такие этнические группы, как дэрбэты (72 403 чел.), захчины (32 845 чел.), торгуты (14 176 чел.), баяты (56 573 чел.), дархаты (21 558 чел.). Также на территории Монголии живут буряты (45 087 чел.), казахи (101 526 чел.), китайцы и русские (в общем количестве около 16 320 чел.)⁸³.

Само понятие монгольский народ появилось именно в XX веке. Стоит отметить и роль буддийской церкви в революционных переменах. Буддийская церковь выступила фактором актуализации общемонгольской идентичности. По мнению известного монголоведа Т.Д. Скрынниковой, создание независимого монгольского государства актуализировало процесс общемонгольской идентичности и ментальных основ, что выразилось и практически: сторонники Богдохана активно призывали других правителей к воссоединению⁸⁴. Буддизм же и его глава являлись в это время важными факторами монгольского единства.⁸⁵

Самым важным и первым шагом культурной революции стал закон от 3 сентября 1926 г. об отделении религии от государства. Руководство страны попыталось предотвратить объединение буддийской сангхи, которая проводилась не только духовенством, но и «силами», выступающими против новой власти. Чуть позже было принято решение об отмене «института перерожденчества»,

---

⁸³ Статистика населения Монголии// <http://www.toollogo2010.mn//images/ReportOnSurveyFor2010Census.pdf> (дата обращения 9.05.2018).

⁸⁴ Скрынникова Т.Д. Буддийская церковь в актуализации монгольской идентичности первой четверти XX в./ Т.Д. Скрынникова // Россия – Монголия: культурная идентичность и межкультурное взаимодействие: монография / В.М.Дианова, ред.. Изд. 3-е. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. – с. 48.

⁸⁵ Там же. – с. 51.

который положил конец попыткам найти политического и религиозного лидера – преемника Богдохана после смерти Джубдзундамбахутухты.

Провозглашенный отказ от религии болезненно происходил не только для представителей духовенства, которые были лишены прав, но и были подтверждены репрессиям, но и для монголов, не представляющих свою жизнь без привычных ритуалов.

Также важным фактором на пути монгольской консолидации стало распространение грамотности среди монгольского населения. Грамотность населения, система школьного образования, уровень развития высшей школы и состояние науки – одни из важных показателей уровня развития культуры.

Центрами образования и культуры до XX века служили буддийские монастыри. Светское образование было не развитым, существовало и так называемое домашнее образование, доступное лишь небольшому количеству богатых семей монгольских князей. Обучение в буддийском монастыре и дальнейшая служба считались почетными и самыми достойными занятиями. Подобная высокая роль буддизма в обществе привела к тому, что к 1918 году 44,5 % процентов населения были ламами (представителями буддийского духовенства), а общее количество монастырей достигло 750⁸⁶.

При каждом буддийском храме работал так называемый дацан – учебное заведение для будущих служителей религии. Среди преподававшихся дисциплин были буддийская философия, тибетский язык и тибетская медицина. В дацанах не преподавали монгольский язык и историю, образование велось на тибетском языке, а задача учеников в основном заключалась в том, чтобы повторять за учителем на слух буддийские сутры. Стоит отметить, что небольшая образованная прослойка монгольского населения к XX веку, состоявшая из представителей духовенства, была двуязычной, причем именно тибетский язык использовался в учении и науке.

К началу 1911 года в Урге (нынешний Улан-Батор) существовало лишь две светские школы, открытие которых было продиктовано желанием Маньчжурской

---

⁸⁶Майский И.М. Монголия накануне революции. – М.: Восточная литература, 1959. – с. 41.

империи иметь кадры, способные заниматься делопроизводством: учеников школ обучали составлять бумаги и документы на маньчжурском, китайском и монгольском языках.

После 1924 г. началась кампания по распространению грамотности, которая стала начальным этапом культурной революции. Велась работа над развитием системы бесплатного и доступного светского образования на родном языке как для детей до 18 лет, так и для взрослого населения. Сильное влияние религии создавало большие трудности в процессе становления светского образования и понимания роли и важности грамотности среди монголов. С начала создания системы образования, как в дальнейшем и здравоохранения, началась коренная «ломка» привычного уклада жизни населения.

Школьная сеть начала расти в Монголии уже с 1921 года, начиная с этого времени каждый год росло число школ и учеников. В первой начальной школе, открытой в Улан-Баторе осенью в 1921 году, было всего 40 учеников, в 1922 году открылась еще одна школа, а в 1923 году открылась первая средняя школа, в которой продолжали обучение ученики начальной школы. Развитие системы образования столкнулось не только с сопротивлением со стороны духовенства и населения, но и с серьезными финансовыми трудностями: отсутствие необходимых для обучения помещений, пособий, учебников, программ, а самое важное – отсутствие кадров: в первых школах учителями выступали бывшие писари или советские специалисты. Часто учителями становились вчерашние ученики начальной и неполной средней школы. В городских школах обучали грамоте, элементарным знаниям по арифметике, географии, истории, в хошунных школах, которые часто строились на деньги местного населения, из-за отсутствия средств у государства, преподавали только грамоту. Финансовые и организационные трудности сильно замедляли процесс стабильного развития образования и распространения грамотности. Территориальная разбросанность населения и постоянные перекочевки мешали как детям, так и взрослым регулярно заниматься. Кочевой образ жизни монголов мешал утвердить и контролировать продолжительность учебного года, часто в школах отсутствовали режим и распорядок, учебные программы и планы, пособия. Но тем не менее

процесс внедрения светского образования развивался и постепенно способствовал появлению доверия монголов к новым школам, в которых, несмотря на все трудности, детей обучали монгольскому языку, одевали, кормили и предоставляли простой набор школьных принадлежностей.

В преодолении определенно существовавшего равнодушия монголов к образованию и просвещению немалую роль особенно для взрослого населения играли многочисленные кружки, созданные при Революционном союзе молодежи. Участники кружков ездили по сельской местности и не только обучали монголов грамоте, но и рассказывали о вреде религии, идеях революции, о пользе образования. В своей работе кружковцы часто использовали небольшие музыкальные представления, доступные для понимания неграмотного по большей части населения Монголии.

В новых школах обучались и девочки, что было большим шагом в изменении роли женщины в обществе и семье и шагом в борьбе с национально-бытовыми предрассудками, ведь обучение в школах было совместным.

Но несмотря на некоторые успехи, новые школы были слабыми конкурентами дацанам, многие монгольские семьи предпочитали отдавать на учение в монастырь одного из сыновей. Из-за чего велась постоянная борьба с традиционным религиозным образованием, которая замедляла темп развития просвещения. В связи с этим, в 1930 году был издан закон, запрещающий обучение в монастырях детям до 18 лет, а позже в 1934 году монгольское государство приняло решение об обязательном обучении грамоте несовершеннолетних лам.⁸⁷

Борьба велась не только с авторитетом духовенства, но с пережитками старого: новое воспринималась трудно, через преодоление и отрицание. Нередки были случаи поджогов школ, убийств учителей и избиений школьников.

Дошкольные учреждения стали появляться в Монголии лишь с 1930 года, что тоже повлияло на изменение роли женщины в семье и обществе.

Для дальнейшего успешного развития страны нужны были более подготовленные кадры, нежели выпускники начальной и неполной средней школ.

---

⁸⁷ Майский И.М. Монголия накануне революции / И.М. Майский. – М.: Восточная литература, 1959 – с. 36.

В Монголии стали появляться специальные учебные заведения, появившиеся на основе краткосрочных курсов и нераспространенных, малочисленных профессионально-технических школ. Первым подобным заведением стал открытый в 1924 году педагогический техникум в Улан-Баторе, который готовил не только учителей, но и будущих работников финансовой и юридической сфер. Работу техникума осложняло, помимо финансовых и организационных трудностей, практически отсутствие студентов из числа учеников начальной или средней школы, которые часто прерывали обучение для работы в хошунах или для того, чтобы продолжить вести традиционный кочевой образ жизни.

Подготовка кадров велась и на территории Советского Союза, который активно помогал Монголии на пути культурной революции. Для обучения монголов в Иркутске были открыты специальные двухгодичные курсы при педагогическом университете, в Ленинграде работало Монгольское отделение при Восточном институте, в Москве можно было учиться в Коммунистическом университете трудящихся, а в Улан-Удэ – Монголрабфак, сыгравший большую роль в подготовке специалистов. Монголрабфак успешно вел работу на протяжении более десяти лет, срок обучения составлял четыре года, работало и подготовительное отделение для изучения русского языка. В 1941 году Монголрабфак был переведен в Улан-Батор для слияния с педучилищем.

Многие ученики первого техникума и Монголрабфака стали первыми монгольскими учителями, юристами, инженерами и другими специалистами в сфере сельского хозяйства и медицины.

Высшие же учебные заведения появились в Монгольской народной республике лишь после 1940 года. Так, в Улан-Баторе в 1942 году был открыт Монгольский государственный университет, который имел лишь три факультета: ветеринарно-зоотехнический, педагогический и медицинский.

В результате напряженной борьбы с различными трудностями, вызванными экономической и культурной отсталостью страны, на первом этапе культурной революции удалось создать систему народного образования, начать масштабную ликвидацию неграмотности населения, ведь к 1930 году грамотными были лишь 5-10% взрослого населения.

Начался процесс реформации старой культуры, в основе которого лежала задача снижения роли религии и искоренения национально-бытовых предрассудков. Этот процесс слома «старого» сопровождался сломом национального характера, коренными изменениями в ментальности монголов. Прежде основой для построения картины мира, источником знаний о всех сферах жизни, органом управления экономических, политических, общественных отношениях служили монастыри и представители духовенства. Перед новым государством стояла задача зародить в кочевниках интерес к просвещению, технике, науке и культуре, желание к управлению государственным и народным хозяйством, обучить монголов этике и личной гигиене, развить бытовую культуру. Работа велась не только среди несовершеннолетних монголов, изменить мировоззрение требовалось и у взрослого населения, многие из них не понимали и не хотели понимать значение грамоты, которая долгое время не нужна была скотоводу-кочевнику.

В просвещении взрослых большую роль играли не школы, а разные виды художественной самодеятельности и различные кружки, представители которых занимались просветительской работой и вели беседы на разные темы об истории, революции, буддизме, пользе образования и пр. Как в массовых постановках театрализованных представлений, так и в небольших лекциях и беседах много внимания уделялось антирелигиозной пропаганде: «очерняя» прошлое страны, кружковцы старались пробудить в традиционно спокойных, смиренных монголах чувство обиды, патриотизма и желание перемен к лучшему. Занимались они и политическим образованием, рассказывая монголам о проводимых реформах и произошедшей революции.

Но не все кочевники были готовы к переменам, новое с трудом воспринималось монголами, часто правящая партия сталкивалась с агрессией, резким отрицанием и неприятием.

Медленный ход развития системы образования подтолкнул монгольское государство к проведению реформы монгольского языка, которая привела бы к созданию нового алфавита и упрощению старомонгольской письменности: старая письменность отражала языковые нормы XIII века и не соответствовала

разговорной речи. Существовали трудности и в освоении вертикальной письменности, что мешало обучению грамоте. С 1920-х годов рассматривались различные варианты по упрощению монгольского алфавита и устранению различий между письменной и устной речью. К 1930 году было принято решение переводить монгольскую письменность на латинский алфавит, позже началась работа по созданию нового алфавита на основе русской графики. Принятие подобного решения было обусловлено несколькими факторами, среди них было не только желание закрепить культурные связи с Советским союзом, но и отобрать «образовательные привилегии» у представителей духовенства, которые на протяжении нескольких веков были носителями знаний. В 1941 году началась работа над созданием новой письменности, а уже в 1945 году было принято решение о переводе государственного делопроизводства и всей печати на новый алфавит.

Изменение письменности – это еще один серьезный шаг в разрушении прежней картины мира и отрицании буддийского наследия, важным этапом формирования ментальности современного монгола.

Развитие системы народного образования стало началом развития современной науки в Монголии. В 1921 году появилась Книжная палата, отвечающая за работу над переводом на монгольский язык нужных пособий и материалов по разным отраслям знаний. Первой небольшой научной организацией стал Ученый комитет, образованный в 1921 году, его основная деятельность также заключалась в переводе научных и политических работ, а также издании книг. Ученый комитет должен был создать и организовать работу музея и библиотеки. Деятельности первой научной организации мешало отсутствие элементарной материальной и научной базы. В 1924 году комитет был объединен с Министерством внутренних дел, и свою работу начало Министерство просвещения Монголии.

Впервые велась работа над планомерным изучением страны, природы, климата, хозяйства, на основе первых полученных данных делались предложения о возможном ходе развития страны. Многие ученые совершали экспедиции, собранный материал долгое время служил источником развития научной работы.

Развитие науки подразумевало под собой и оценку памятников прошлого. Проводились первые научные дискурсы и небольшие конференции. Со временем стали издаваться небольшие брошюры, в которых содержались элементарные естественно-научные знания, подобные пособия стали настоящим явлением, ведь до этого на протяжении долгого времени представления о мире складывались из традиционных представлений кочевников о природе и буддийской философии.

Происходило осмысление традиционной культуры с новых позиций, что способствовало росту национального самосознания. В Монголии появились первый музей и библиотека⁸⁸.

Совершенно новым явлением в общественно-культурной жизни страны стало введение системы здравоохранения, распространение санитарных норм, зарождение научной медицины. К XX веку у монголов не было представлений о медицине, лечением занимались ламы, главными лекарствами были благовония, травы и молитвы. Тяжелый быт кочевников влиял и на отношение к так называемым санитарным нормам, так даже современные кочевники моются нечасто и при условии, что их место стоянки находится недалеко от водоемов. Нищета, голод, нелегкий труд, непростые условия жизни все это привело к широкому распространению таких болезней, как тиф, оспа, сифилис, а также к высоким показателям смертности среди взрослых и детей. Многие заболевшие умирали из-за отсутствия элементарного лечения, а в антисанитарных условиях болезни легко вспыхивали и быстро распространялись. Причиной антисанитарных условий было не только отсутствие личной гигиены, но и отсутствие канализации, системы уборки мусора, согласно многовековой традиции трупы оставляли в степи.

С 1921 г. началось внедрение системы здравоохранения, появился указ правительства о бесплатной медицине для всех граждан страны. Встал вопрос о подготовке собственных кадров, ведь первое время в только что появившихся лечебных учреждениях вместе с приглашенными советскими специалистами работали ламы, практиковавшие тибетскую медицину. В стране стали появляться небольшие медицинские центры с необходимым оборудованием и препаратами,

---

⁸⁸ Монголы традиционно бережно относятся к книге, считая ее большой ценностью.

большое внимание уделяли проблемам женского и детского здоровья. Советский союз отправил несколько медико-санитарных экспедиций, которые помогали монгольскому населению бороться с болезнями, останавливали распространение эпидемий и обучали кочевников гигиене. Участники экспедиций учили монголов не бояться врачей, объясняли важность соблюдения правил личной гигиены. Первое время монголы старались избегать врачей, не хотели обращаться в медицинские центры, делать прививки, сдавать анализы и принимать препараты, страхи «подпитывали» и ламы, часто пугающие кочевников «западной медициной» и последствиями подобного лечения.

Борьба с предрассудками населения помогали и так называемые «оздоровительные кампании», изначально направленные на выявление очагов эпидемий и случаев заболевания. Во время кампаний проводились лекции и беседы о правилах личной гигиены и их пользе. Среди кочевников распространяли новые для них товары – мыло, салфетки, полотенца, зубную щетку и зубную пасту. Позже проводились и инспекции юрт. Самая большая работа была проделана в степи. В 1930-е годы стали появляться больницы европейского образца, заработали курсы по подготовке медицинского персонала.

Со временем монголы стали больше доверять научной медицине, поняли, что лечение у лам или шаманов часто приводило не к улучшению состояния, а к ухудшению. Даже за первое десятилетие удалось добиться больших успехов.

Следует отметить, что параллельно с новыми знаниями о медицине монголов знакомили и с результатами революции, политическими переменами, с новой культурой.

Произошла большая социокультурная трансформация быта, мировоззрения, образа жизни, значительно улучшились условия жизни, общие показатели, снизились показатели уровня смертности, что повлекло за собой изменения в самовосприятии монголов, и привело к отказу от многих устойчивых элементов традиционной культуры, повлияв на ментальность народа.

Под влиянием культурной революции произошли и серьезные изменения в материальной культуре монголов. Под давлением новой власти монголы переходили к оседлому образу жизни, образовывались госхозы (колхозы),

появлялись постоянные поселения, реже стали совершаться перекочевки⁸⁹. Изменения коснулись и ведения хозяйства, например, для скота стали ставить утепленные стойбища, запасали корм на зиму. Менялась и социальная организация – айл теперь состоял из десяти юрт, а рядом с подобным поселением строили больницу и школу.

Перемены коснулись и юрты, у традиционного жилища теперь нередко появлялось крыльцо, юрту часто ставили на фундамент, чего раньше не было, в самом жилище клали деревянные полы. Стало легче вести быт и монгольской хозяйке: появились простые электроприборы, разные кухонная утварь, которой раньше не было.

С начала перехода монголов к оседлой жизни в стране началась урбанизация в традиционно кочевой стране, в которой до революции практически отсутствовали оседлые поселения. Не было в современном понимании и крупных городов. Вплоть до 50-х г. XX в. основным жилищем монголов оставалась юрта. С первых лет революции начали строить здания школ, больниц и др., началось и строительство городов, административных центров, появлялись многоэтажные дома. Стоит отметить, что хотя сейчас Улан-Батор является современным городом, его до сих пор окружают юрточные кварталы, а определенное количество монголов продолжает вести кочевой образ жизни.

Изменился и внешний облик монголов. Со временем в магазинах стала появляться европейская одежда. Монголы пробовали и привыкали носить костюмы, пальто, европейскую обувь и белье. Но несмотря на это монголы до сих пор продолжают носить традиционную одежду дэли.

Претерпели изменения и традиционные праздники монголов Надом (наадам) и Цагаан Сар (Новый год). Надом практически не изменился, но помимо привычных соревнований в скачках, борьбе и стрельбе, стали проводить культурно-просветительские мероприятия, рассказывали об идеях революции, важности образования и др. Традиционное празднование нового года под названием Цагаан Сар новые власти попытались изменить, праздник несколько

---

⁸⁹ Подобные перемены крайне болезненно воспринимались монголами.

раз менял название, например, на день лучшего скотовода. Но в новом значении не прижился, монголы не признавали его и не праздновали.

Появились и новые социалистические праздники, например, отмечали годовщину народной революции.

XX век стал временем развития новых видов искусств: театр и кино, которые развивались также при многосторонней поддержке Советского Союза.

Кино, как вид искусства, который не был развит до XX века, стал распространяться и набирать популярность, начиная с 30-х годов XX века. Также стало средством пропаганды и образования. Точкой отсчета создания нового искусства можно считать 1930 год – время подписания договора о сотрудничестве, и Монголия стала членом кинообъединения «Восток», результатом этого стало совместное создание документальных фильмов о монгольской республике. Будущие кинодеятели Монголии получали образование в Советском союзе. В 1935 году в Улан-Баторе открылся первый монгольский кинотеатр «Ард», а в 1936 году была основана первая монгольская киностудия «Монголкино». В этом же году был создан первый полнометражный фильм «Сын Монголии» на студии Ленфильма. Значение картины «Сын Монголии» для массового монгольского зрителя состояло не только в ее идейной и эстетической значимости, но и в том, что это был первый фильм, показывавший привычный для монголов образ жизни. Стоит отметить, что фильм был озвучен на монгольском языке, что было впервые.

Сначала монголы пробовали себя в короткометражных документальных фильмах, например, «Культурная лечебница», «Старый и новый Улан-Батор». Популярны были фильмы о революции, истории, а также фильмы, фильмы, рассказывающие о пользе медицины, необходимости образования, о европейской культуре⁹⁰.

Монгольские кинодеятели старались показать контраст между старым и новым, преимущества социалистического общества над традиционным, феодальным, все достоинства новой культуры. Самой сложной задачей было

---

⁹⁰ Cultural Policy in the Mongolian People's Republic.// <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000048756> (дата обращения 22.08.2019).

сделать кино доступным для каждого айла. Для решения этой задачи использовали передвижные или кочевые кинотеатры. Работа передвижных кинотеатров была строго согласована с руководством сомона, клуба или сомонных организаций. Кинопоказы проходили на открытом воздухе в летнее время или в теплом помещении зимой. В работе подобного передвижного кинотеатра участвовал, как правило, один киномеханик. Часто показывали советского кино или записи прошедших хуралов (собраний). На основе увиденного проводились семинары и обсуждения. За небольшой срок кино становится популярным видом искусства среди монголов. Помимо передвижных кинотеатров важную роль играли «Красные уголки», сомонные и аймачные клубы, в которых проводились собрания, была библиотека, демонстрировалось кино, проводились концерты. В 1942 году вместе с Советским союзом был выпущен фильм «Сухэ-Батор», который показывал крепость дружбы между советскими и монгольскими народами, а также героизм монгольского лидера. 50-60-е годы стали временем больших достижений для монгольского кино.

Кино как самый доступный и массовый вид искусства стало со временем повседневным оружием воспитания монголов и заняло важное место в системе средств массовой коммуникации.

Театр в современном понимании этого слова появляется в Монголии в XX веке. Создание монгольского театра связано с деятельностью просветительского кружка, работающего при Революционном союзе молодежи, который появился в 1921 году. Члены кружка стали членами первого театрального коллектива: драматургами, актерами и режиссерами. Главное внимание они уделяли так называемым театрализованным действиям, ставшим «орудием» просвещения народа и вовлечения его в революцию.

Члены театрального кружка получили задание от властей серьезно заняться развитием театрального искусства: не только развить новый вид искусства, но и с его помощью просвещать неграмотных монголов. Опыт прошлых лет не мог помочь театральному коллективу: в Монголии были распространены лишь домашние представления двух видов. Первый из них – подражание китайским музыкальным представлениям.

Так как с XIX века в Монголии появились китайские цирковые и театральные труппы, которые совершали турне по большим городам и золотым приискам, где также находилось много китайцев и маньчжуров⁹¹. В 1919 и 1920 годах китайскими торговыми фирмами в столице Монголии было построено несколько зданий, где располагались театральные труппы, ставившие спектакли из традиционного китайского репертуара.

Представления второго вида ставились в ламаистских храмах и представляли собой религиозные мистерии. Стоит отметить, что старые представления были весьма популярны среди монголов.

Сюжеты и постановки прошлых лет не подходили новому времени. Театр теперь должен был освещать темное прошлое страны, рассказывать монголам о гнете и одновременно объяснять им задачи революции, воодушевляя народ на счастливое будущее.

Деятельность драматического кружка разворачивалась достаточно быстрыми темпами. Репетировалось большое количество оригинальных пьес, от которых сохранились одни лишь названия, в связи с чем, трудно составить какое-либо представление об их содержании. Но все же известно, что кроме инсценировок фольклорных произведений, двух новелл из сборника «Море притч» и оригинальных пьес, кружок поставил большое количество китайских пьес. Постановка китайских спектаклей на сцене монгольского драмкружка отличалась от китайской сцены только по языку. Во всем остальном – костюмы, грим, манера исполнения, убранство сцены – точно копировали китайский театр⁹². Кружковцы использовали старые формы для нового содержания. Первая постановка была приурочена к Новому году и очень напоминала китайский музыкальный жанр *ший янгуу*⁹³.

---

⁹¹ Уварова Г. Современный монгольский театр / Г. Уварова. – М.-Л., 1948. – с. 19.

⁹² Там же.

⁹³ Михайлов Г.И., Яцковская К.Н. Монгольская литература: краткий очерк / Г.И. Михайлов, К.Н. Яцковская – М.: Наука, 1969. – с.119.

Первая монгольская пьеса называлась «Сан-До амбань» и ее автором был С. Буяннэмэх. В пьесе рассказывалась история последнего маньчжурского *амбаня*⁹⁴ по имени Сан-До в монгольской столице.

У театрального кружка появилась своя сцена. В 1927 году было построено новое здание Народного дома с большой сценой и зрительным залом. В это здание переехали музыкальный, театральный и другие кружки, относящиеся к Министерству народного просвещения. «Более благоприятные, чем прежде условия работы дали возможность осуществить большое количество спектаклей»⁹⁵. Благодаря новым условиям работы все чаще стали появляться монгольские оригинальные пьесы.

Со временем подражание китайскому театру пропадает, а монголы начинают активно сотрудничать с русскими драматургами, узнают традиции русского театра. «Живая газета»⁹⁶ - это представления, которые сразу понравились монгольскому театральному коллективу. Они были просты в постановке и их форма подходила для освещения революционных тем. Монгольские драматурги легко освоили этот жанр.

Монголы ставили и современные пьесы, многие из которых были импровизационными. В 1930 году начала свою работу театральная студия под руководством советского режиссера А.А. Ефремова.

Достижения монгольского театра были значительными, подтверждением этому стала победа монголов на Международной олимпиаде революционных театров в Москве в 1933 году.

Советский союз помог становлению монгольской драматургии и обретению ей национального колорита за довольно быстрое время.

Как уже говорилось, в первые годы XX века монастыри оставались главными культурными и образовательными центрами Монголии. При монастырях существовали школы, содержались огромные библиотеки, издавались ксилографы. Ламы, на тот момент самый образованный слой населения, продолжали писать труды по философии, истории, астрологии, словесности,

---

⁹⁴Амбань – наместник маньчжурского императора в Монголии.

⁹⁵ Уварова Г. Современный монгольский театр / Г. Уварова. – М.-Л., 1948. – с.44.

⁹⁶ Там же. – с. 47.

делали переводы с тибетского языка. Большую часть монгольской литературы начала XX века составляли переводные произведения индийской, тибетской и китайской литератур. Они не только обогащали монгольскую литературу, но и создавали почву для развития собственно монгольских сочинений. Как говорилось ранее, в литературном наследии монголов значительный пласт составляют и оригинальные сочинения на тибетском языке монгольских авторов и сочинения, попавшие в монгольскую литературу из тибетской. На протяжении не одного века в монгольской среде весьма устойчиво бытовали сюжеты, заимствованные из индийской литературы и адаптировавшиеся на монгольской почве⁹⁷. В качестве примера долгой жизни сюжета из тибетоязычной литературы можно назвать тибетское произведение «Лунная кукушка», переведенное в 1770 г. на монгольский язык. Д. Раджа создал на его основе пьесу, которая была популярна вплоть до 1920 г.

Также, начиная с XX в., круг монгольской переводной литературы пополнился переводами сочинений русской и европейских литератур.

Обретенная Монголией в 1911 г. после падения маньчжурской династии Цин автономия создала условия для развития светского образования и сыграла роль в осознании необходимости просвещения народа. Появились первые газеты и журналы: «Монгольская правда» (*Монгол үнэн*), «Новая жизнь» (*Шинэ амьдрал*) и «Союз революционной молодежи» (*Хувьсгалт залуучуудын эвлэл*). Практически в каждой газете и в каждом журнале был раздел, посвященный культуре и литературе, печатались стихотворения, рассказы, отрывки более крупных произведений.

Решив пробудить народ Монголии от «религиозного сна» (то есть буддийского), власти страны сделали монгольскую литературу главным орудием пропаганды новой жизни, новых целей и, безусловно, нового взгляда на мир. Литераторы, писатели, поэты Монголии за вдохновением обратились к богатому фольклорному наследию. Именно фольклор стал основой новой монгольской литературы. Полюбившиеся герои народного творчества (например, Гэсэр) стали прототипами героев нового времени, народными воинами, а их врагами были

---

⁹⁷ Монгольская литература. Очерки из истории XIII-первой половины XX в. – М.: ИВ РАН, 1997. – с. 273-274.

теперь не страшные мифические чудовища, а не менее губительные для людей неграмотность, необразованность, пассивность.

Традиционные фольклорные жанры повлияли на произведения монгольской литературы нового времени. Сохраняя привычные для монголов художественные формы и поэтику, жанры меняли свое содержание, освещая современность. Простые сюжеты, внимание к читателю, яркие герои, наставления были необходимы монгольской литературе, перед которой стояли просветительские задачи.

Язык же новой литературы (МНР с 1924 года) отражал глубинные перемены в ментальности монголов, что видно по характерам литературных героев и сюжетов.

Главное место заняли песни и народная поэзия. Считается, что свою историю новая монгольская литература начала именно с песни. Революционные песни были очень распространены и популярны. Первая из них «*Шивэ Кяхта*» была посвящена городу Кяхта, который освободила Народная армия. Песни несли в себе идеи революции, побуждали людей бороться с пережитками прошлого, встать на путь создания социалистического общества, например, «Красное солнце», «Песня революционной молодежи», «Песня женщин», «Песня пионеров».

Стихотворения революционных лет также, как и песни, имели агитационный характер, были похожи на лозунги.

Революционные песни и стихотворения легко запоминались и быстро распространялись среди народа. Отвечая цели политического и культурного просвещения людей, провозглашения новых жизненных идеалов и отказа от религиозного прошлого, песни и стихотворения звучали на собраниях и раздавались со сцен, печатались в газетах.

Драматургия также играла большую роль. Представители театрального кружка, знатоки литературы и искусства, ставили многочисленные спектакли, целью которых было просвещение монгольского народа и вовлечение молодежи в революционную деятельность. Театральные постановки были очень популярны, часто они завершали различные собрания и митинги. Представления разыгрывали

в любых учреждениях, магазинах, школах, в разных районах Улан-Батора. Часто местом для театральных постановок служили монастыри. Рядом с монастырями ставили постановки разоблачающего характера. Героями подобных пьес становились, например, глупые или алчные ламы. Сами постановки носили массовый характер, часто в одной постановке могло участвовать до 60 актеров. Дело в том, что драматическое искусство было для Монголии новым, поэтому в первые годы представители театрального кружка как правило обращались к народному творчеству, «меняя» богатырей на героев революции.

Первым же прозаическим произведением нового времени стала повесть Ц. Дамбадорджа «Озеро Толбо» (*Толбо нуур*, 1924), основанная на реальных событиях. В ней рассказывается о совместных боях монгольских и советских воинов против Белой армии. Произведение больше похоже на документальную запись прошедших событий.

После создания Народной Республики в 1924 г. монгольские писатели сосредоточились, в основном, на содержании своих произведений. Внося просветительские идеи, они пользовались материалом, который давала сама жизнь, и создавали произведения, которые были сильны содержательной и идейной стороной, но слабы с художественной точки зрения. Многие сочинения носили агитационный, «плакатный» характер. Подобная ситуация была в ранней советской литературе, когда писатели стремились создать агитационные произведения с познавательным содержанием, не работая над психологизмом и часто вообще забывая о нем⁹⁸. Этого требовал и исторический ход времени.

Монгольские писатели были своего рода учениками, поскольку делали первые шаги на пути новой литературы в довольно сложный период отрицания старой культуры и традиционной письменной литературы, насчитывающей несколько столетий.

После 1924 г., когда была провозглашена МНР, на Монголию сильнейшее влияние начинает оказывать СССР. Но стремление к образованию, просвещению народа заставляет монгольское государство обратиться не только к опыту СССР, но и к опыту европейских стран. Например, двадцать талантливых молодых

---

⁹⁸ Проблемы психологизма в советской литературе. – Ленинград: Наука, 1970. – с. 13.

деятели культуры уехали учиться в Германию. Среди них был и один из самых известных монгольских писателей Д. Нацагдорж (1906-1937).

В мае 1925 г. монгольский министр просвещения Эрдэнийн Батухан обратился в письме к А.М. Горькому за советом от лица монгольской интеллигенции. В своем послании Э. Батухан описал советскому писателю духовную жизнь простого кочевого народа, сложившуюся под влиянием буддизма, и попросил совета о том, какого принципа придерживаться в работе и какие произведения были бы близки монгольскому народу. Э.Батухан отметил, что силы монголов ограничены и к выбору произведения нужно отнестись очень серьезно⁹⁹. В ответ А.М. Горький посоветовал монгольской интеллигенции придерживаться принципа активности и переводить книги, в которых он выражен. По мнению А.М.Горького, монголам нужны произведения, отражающие европейский дух и стремления европейцев, а также показывающие активную деятельность, а не безделье и бездействие. Через десять лет Батухан снова обратился к А.М. Горькому, но уже не за советом, а с благодарностью, ведь пожелания советского писателя сыграли большую роль, а принцип активности, о котором говорил А.М.Горький, стал основным принципом литературной деятельности монгольских писателей, которые вначале образовали Ассоциацию, а в дальнейшем – Союз. Вначале монголы работали в рамках революционного реализма и позже в рамках социалистического реализма.

Действительно, начиная с 1925 года монгольские писатели активно переводили произведения литератур разных стран. Знакомство с классическими сочинениями европейской литературы происходило главным образом посредством русской литературы. Монгольский народ познакомился с произведениями А.М. Горького, А.П. Чехова, Н.А. Островского, А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, Д. Дефо, Ж. Верна, Лопе де Веги, Стендаля и многих др. Работая над переводами, монгольские писатели прошли своего рода школу, перенимая тонкости литературного мастерства у коллег из других стран.

---

⁹⁹ Михайлов Г.И., Яцковская К.Н. Монгольская литература: краткий очерк / Г.И. Михайлов, К.Н. Яцковская. – М.: Наука, 1969. – с.122.

«Принцип активности» не только стал руководством к переводческой деятельности монгольских литераторов, но и главным принципом работы различных кружков поэтов и писателей. В связи с этим 30-е годы стали важным периодом мировоззренческих изменений и эстетического поиска. Монгольские писатели постоянно искали новые формы и приемы, которые могли бы раскрыть духовный мир современного монгола, перестали подражать классическим образцам традиционной литературы и обратились к проблемам действительности, стремились отразить все ее противоречия, передать темпы общественных перемен и отразить нравственно-психологическую перестройку монгольского общества¹⁰⁰.

Новая монгольская литература нуждалась в осмыслении, в новых правилах создания художественных произведений. В этих условиях в 1928 году впервые начал свою деятельность кружок монгольских писателей. К концу года представители кружка выпустили первый альманах «Свод изящных слов» (*Уран угсийн чуулган*). Родоначальниками новой монгольской литературы стали выдающиеся литераторы, образованнейшие люди своего времени: Д. Нацагдорж, Ц. Дамдинсурэн (1908-1986), С.Буяннэмэх (1902-1937).

Таким образом, можно зафиксировать переход монгольского общества от традиционной религиозной модели к светской. Спецификой создания нового государства является участие в формировании его институтов бывших священнослужителей.

К факторам, обусловившим особенности развития Монголии, безусловно, следует отнести и ментальность монгольского народа. Ментальность монгольского народа, как показывает исследование, характеризуется определенной системой социально-психологических особенностей; природной, исторической, социальной средой и специфической собственной деятельностью - что в свою очередь служит основой самоидентификации и солидарности монгольского этноса, а также обеспечивает своеобразное восприятие окружающего мира и обуславливает определенную направленность деятельности монгольского народа.

---

¹⁰⁰ Проблемы психологизма в советской литературе. – Ленинград: Наука, 1970. – с. 21-22.

Считая структурными элементами ментальности особенности мировоззрения этноса, его общественного сознания, особый духовный мир, то совершенно очевидно, что произошедшие события XX века, повлекшие за собой столь значительные социальные перемены, коренным образом повлияли на ментальность монгольского народа. В это же время формируется и социалистическая идеология. Происходит развитие особенностей субъекта ментальности, определенным образом формируются специфические ценностные ориентации, стиль мышления и национальный характер монголов.

На данном этапе особая роль принадлежит языку как средству этнической коммуникации и объективному фактору этнической идентификации и консолидации этноса. История Монголии доказывает консолидирующую роль языка. Язык, формируя ментальность монгольской этнической общности, служит основой архетипов восприятия мира и дальнейшего развития этноса. Язык является средством этнической коммуникации, выражает коллективное бессознательное, важен для понимания стереотипов сознания.

Следует сразу же отметить, что для Монголии политическая модернизация конца XX в. не может считаться абсолютно новым явлением, так как весь XX век – это процесс непрерывной модернизации. Поэтому революционный и социалистический опыт Монголии стал своеобразным фундаментом для модернизации и перехода в экономику рыночного типа в 90-е гг., связанных с этим реформами, а также обеспечили включение страны в общий глобализационный процесс. Одновременно это период поиска и становления новых убеждений, предпочтений, которые зависят от базовых ценностей и особенностей модернизационных процессов. При этом важной социальной задачей является трансляция культуры подрастающим поколениям.

2.2. Ментальность монгольского народа в условиях межкультурного взаимодействия Россия-Монголия

Исследование историко-культурных процессов XX века показывает, что все они оказали влияние на генезис, трансформацию, динамику ментальности,

наполняя его содержание новым, сохраняя традиционную суть, а подчас изменяя и ее, что в конечном результате подчеркивает сложность самого процесса и понятия ментальности.

Одним из важнейших факторов влияния на динамику ментальности монгольского народа является межкультурное взаимодействие России и Монголии. Под межкультурным воздействием мы понимаем способ развития культуры, средство осуществления коммуникаций. По мнению Г.А.Аванесовой, взаимодействием культур можно назвать такой вид связей, которые развиваются между двумя и более культурами, и такой вид взаимных влияний, складывающихся в процессе осуществления этих связей. Важное значение при этом имеют различные изменения, порождения новых культурных форм и духовных ориентиров. Обратимся к истории российско-монгольских отношений.

В истории российско-монгольского взаимодействия можно выделить несколько этапов. Если первый следует охарактеризовать как этап фрагментарного взаимодействия – обмена элементами кочевой и оседлой культур, то период татаро-монгольского ига на Руси – это уже этап длительного культурного взаимодействия наших стран, этап доминирования монгольской культуры над русской и ослабления европейской культурной доминанты в России.

Отношения между Монголией и Россией начались в первой половине XIII века, в период создания Чингисханом крупнейшей мировой империи. Монголы завоевали соседей и государства Средней Азии в 1233 году, вторглись на территорию Северного Причерноморья, где столкнулись с половцами, на помощь которым пришли их союзники, русские князья. Сражение произошло на реке Калка и закончилось поражением русско-половецкой стороны.

Позже, через два года, монголы на всеобщем собрании *хурал* решили совершить великий поход, конечной целью которого было дойти до моря, захватив на своем пути все территории. Морем считали Атлантический океан. Но планы монголов не были осуществлены из-за России, которая приняла на себя удар монгольских войск, тем самым став защитником для западной цивилизации.

Монголо-татарское нашествие нанесло серьезный экономический и культурный урон Руси: талантливые ремесленники стали рабами, многие церкви были разрушены, а недавно зародившиеся денежные отношения были прекращены. Таким образом, монголы оказали сильное негативное влияние на развитие Руси, остановив его на долгое время. Этот период называется в истории эпохой ордынского ига.

До сих пор вопрос о сущности и характере монголо-татарского ига вызывает много споров среди различных ученых. Стоит отметить, что в это время существовала опасность для Руси и с западной стороны.

Но многое изменил Александр Невский, который не только отразил западную угрозу, но и в непростых условиях XIII века выбрал верного союзника в лице сына хана Батыя. Визит Александра Невского в 1252 году в Орду стал началом его крепкой дружбы с сыном Батыя Сартаком. С этого времени самого Александра называли сыном Батыя. Таким образом, начались родственные монгольско-российские отношения. Через шестьдесят лет монголы помогли Москве победить важного соперника в лице Тверского княжества в образовании единого государства.

В год (1259), когда умер Мункэ, внук Чингисхана, монгольская империя прекратила свое существование как единое государство. Позже Монголия окончательно распалась на Северную, Западную и Южную части. За XVII-XVIII века Цинский Китай завоевал все монгольские территории. Монголия стала под маньчжурским давлением вошла в состав Цинской империи, поделившись еще раз на Внешнюю и Внутреннюю Монголию, которая и сейчас принадлежит Китаю. Внешняя же Монголия стала независимой только в XX веке.

В этот период российские границы уверенно приближались к монгольской территории благодаря успехам русских, чьи первопроходцы продвинулись на восточную территорию и достигли Прибайкалья.

Благодаря монголам русские многое узнали о китайцах, началась монгольско-российская торговля и заработали посольства. Условная граница между странами способствовала частому и свободному перемещению населения. Некоторые монгольские ханы даже перешли на русскую сторону.

Китайцы не одобряли сотрудничество между монголами и русскими, старались ему всячески препятствовать и изолировать Монголию. После ухудшения между Россией и Китаем в XVIII веке на территории Приамурья российско-монгольское сотрудничество было значительно затруднено. По указу маньчжурских властей в 1720 году российские купцы были высланы из Урги, а российские караваны не могли находиться в Пекине. С этого времени русско-монгольские связи находились под постоянным надзором. Через пять лет Цинский Китай подписал договор, получивший название Кяхтинского. Целью договора стало определение российско-монгольской границы и установление на ней своеобразных маяков, которыми служили каменные насыпи. Любое пересечение границы пресекалось караулом. Китайские власти ограничили и торговлю между странами, разрешив вести ее только на определенной территории.

В этот период в Монголии практически не было русских поселений. Ситуация изменилась после ряда заключенных договоров (Тяньцзиньского и Пекинского) и правил торговли в 1858, 1860 и 1862 годах. Лишь после них Китай разрешил русским купцам работать в Монголии. Главным итогом российско-китайских договоренностей стало появление в Урге российского консульства, первыми членами которого в 1861 году стали три человека: сам консул, его секретарь и медицинский работник. Консулом и одновременно переводчиком служил Яков Шишмарев, который на протяжении пятидесяти лет своей службы многое сделал для развития российско-монгольских отношений.

С этого времени в Монголии появилось много русских, в 1865 году четыре тысячи русских посетили Монголию, а некоторые остались жить. Так начала формироваться русская колония. Русский и монгольский народы относились к друг другу очень доброжелательно.

Первое время русским было довольно сложно находиться на территории Монголии, а консульству вести работу из-за маньчжурского давления. Власти разными способами старались помешать развитию российско-монгольского сотрудничества. Например, из-за китайских властей появились слухи о вооруженных русских, проникнувших в Монголию, и о концентрации войск на

границе. Позже распространились слухи о политических преступниках-поляках из Нерчинского края. Непросто было и русским купцам, главными конкурентами которых являлись китайцы.

Негативно повлиял на создание общины запрет на открытие постоянных лавок и различных помещений для русских. В соответствии с договоренностями русские имели право на недвижимость лишь в пунктах, в которых располагались российские консульства.

Русские купцы старались обходить указы и ограничения китайских властей, но данная проблема разрешилась только после обретения Монголией независимости в 1911 году.

Серьезной проблемой для русской диаспоры стал языковой барьер. Хотя у обоих народов были определенные знания, их не хватало для полноценного общения. В связи с этим в Урге начала свою работу известная школа «толмачей», принявшая в 1864 году первых учеников. Школа успешно проработала более пятидесяти шести лет и выпустила много специалистов. В школе преподавали маньчжурский и монгольский языки, учителями служили местные чиновники. Проводились занятия и по китайскому языку. Ученики жили среди монголов и много практиковались.

Русские исследователи вели обширные работы по изучению Монголии в XIX веке. Так, например, Н.Я. Бичурин, глава духовной миссии в Пекине, опубликовал ценные путевые заметки о путешествии из Пекина в Кяхту в виде дневника. А.М. Позднеев, Г.Н. Потанин, Н.М. Пржевальский, М.В. Певцов, Н.М. Ядринцев и другие продолжили дело Бичурина.

Социалистический период культурного взаимодействия стран характеризуется влиянием интернационального над национальным и подвергается сегодня многочисленным фальсификациям.

Отдельным этапом принято выделять взаимодействие национальных культур России и Монголии в постсоциалистический период после 1990 г.

Несмотря на популярное мнение среди монгольских и зарубежных исследователей, Монголия легко восприняла демократию не только из-за политической культуры Чингисхана, буддизма и кочевого образа жизни, но и из-

за семидесятилетней эпохи социализма, нормы которого оказались близки демократическим нормам, например, восприятие народа как источника власти, выборы в качестве признания законности власти, ценность социальной справедливости, религия, отделенная от политики. Основой монгольского постсоциалистического устройства стали оформившаяся за период социализма социальная структура и новые ценности уже не традиционного общества.

Отметим, что кризис, который произошел в 1980-х годах, повлиял на облик партии и социалистическую систему, но не оказал влияния на политические основы.

А.В. Михалев называл период 1990-х годов временем возвращения к традициям. Подтверждением этому, по его мнению, служит перемена в названии страны: Монголия вновь, как во времена Чингисхана, стала Монгольским государством. Изменилось и название конституции страны, которая стала именоваться аналогично средневековому закону – *Их Засаг*. Всенародный форум стал принимать решения, агрессивные лозунги кампании которого затрагивали вопрос национальной идентичности и начинались со слов: «Если ты монгол...», что символизировало уход от советской системы и возвращение к прошлому, ко времени великой империи¹⁰¹. После 1990-х годов Монголия перестала быть республикой и стала страной с древней историей¹⁰².

Распад СССР и всего социалистического блока привели к значительным изменениям в Монголии. Первым документом этого этапа стала Конституция Монголии от 1992 года, первая статья которой провозглашает независимость, суверенитет, единство и равенство. С этого времени Монголия встала на путь демократических реформ. Следующим важным документом стала Концепция национальной безопасности Монголии, подписанная в 1994 году и обновленная в 2010 году, согласно которой приоритетом Монголии являются существование монгольской нации, территориальная целостность, экономическая независимость, национальное единство и пр.

---

¹⁰¹ Михалев А.В. Советская миссия в Монголии и монгольский национализм: формирование ситуации постсоциализма / А.В. Михалев // Россия – Монголия: культурная идентичность и межкультурное взаимодействие: монография / В.М.Дианова, ред.. Изд. 3-е. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. – с. 380.

¹⁰²Там же. – с. 381.

Концепция национальной безопасности Монголии демонстрирует, что руководство страны стремится не повторить ошибок прошлого. Концепция внешней политики Монголии также является важным документом, подписанным в 1994 году и обновленным в 2010 году. В Концепции Монголия подчеркивается большое влияние двух соседних государств, гармоничное и сбалансированное развитие отношений с которыми является крайне важным для монголов. Не менее приоритетным являются отношения со странами Запада и Востока, например, с Японией и США. Монголы также стремятся укрепить свои позиции в государствах Азии, активно сотрудничать с международными организациями и развивающимися странами.

Развитие Монголии на современном этапе можно охарактеризовать как переходное. За период реформ 90-х годов и после произошли и происходят существенные изменения. Реализация базовых принципов либерализма – частная собственность, рыночные отношения, гражданское общество и реализация демократических принципов вносят изменения в монгольское общество, в массовое сознание, формируют новые ценности. Однако следует помнить о разнонаправленности, а подчас и противоположности многих современных процессов. Пожалуй, следует согласиться с мнением Ульриха Бека, который называл современные общества обществами риска, где социальная и политическая динамика зависит от обострения и нейтрализации этих рисков¹⁰³.

К обществу риска можно отнести и современную Монголию. Условия современной глобализации развивают новые процессы, формируют новых людей, новое общество. В работе рассмотрены объективные обстоятельства, во многом определившие историческую судьбу Монголии, ментальность, традиции и образ жизни ее народа. Сегодня влияют и такие современные процессы как урбанизация, социальная мобильность, социальная миграция, уровень образованности населения, трансформируя культуру индивидуалистском направлении.¹⁰⁴

Известный исследователь А.С. Железняков много пишет о современной Монголии, отмечая, что благодаря разведанным и еще не разведанным запасам

---

¹⁰³ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – с. 195.

¹⁰⁴ Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросскультурную психологию / Н.М. Лебедева. – М.: Ключ-С, 1999. – с. 51.

полезных ископаемых Монголия является богатой страной и будущим мировым лидером. Богатства не случайный дар, а результат традиционного бережного пользования природой, внимательного отношения к окружающему миру и прочной с ним связи. По мнению А.С. Железнякова, если монголы сохранят эту традицию, то смогут сделать свою страну процветающей.¹⁰⁵

В 2000-х годах транснациональные корпорации Англии, США, Японии и Китая начали разработку монгольских ресурсов, в СМИ Монголию стали называть экономическим чудом. Оюу-Толгой, Дорнод, Таван-Толгой являются самыми известными и привлекательными месторождениями. Доход от добычи полезных ископаемых составляет 20% ВВП страны¹⁰⁶.

Численность населения современной Монголии составляет 3 092 818 человек, мужское население составляет 1 526 739 чел., а женское – 1 566 079, показатели рождаемости – 208 детей в день, смертность – 52 человека в день. Стоит отметить стабильный рост численности населения, который наблюдается с 1951 года. В этот год численность составляла 786 869 человек¹⁰⁷.

Согласно данным ООН общая площадь Монголии – 1 564 120 кв.метров, плотность населения составляет 2 человека на кв.метр.

Население Монголии достаточно молодо: 68,7 % - люди от 15 до 65 лет, 27,3 % - люди младше 15, и 4 % - люди старше 64 лет. Считается, что возрастная пирамида Монголии принадлежит к растущему типу, что характерно для развивающихся стран. Средняя продолжительность жизни в Монголии составляет 68,3 лет для мужчин – 65,9 лет и 70,9 лет для женщин¹⁰⁸.

Уровень грамотности в современной Монголии – 98,38% от общего числа взрослого населения, безграмотными остаются 36 324 человека.

Процессы модернизации существенно изменили социальную сферу, обнажив новые проблемы в этой сфере: безработицу, бедность, низкий уровень

---

¹⁰⁵ Железняков А.С. Монголия в поиске идентичности на современном этапе и ее цивилизационное взаимодействие с Россией// http://www.ifes-ras.ru/attaches/SHOS/Zheleznyakov_-_Mongolia.pdf (дата обращения 12.05.2018)

¹⁰⁶ Данные по Монголии//<file:///C:/Documents%20and%20Settings/%D0%9E%D0%BB%D0%B5%D1%81%D1%8F/%D0%9C%D0%BE%D0%B8%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/Downloads/23484.pdf> (дата обращения 28.08.2018).

¹⁰⁷ Численность населения Монголии// <https://countrymeters.info/ru/Mongolia> (дата обращения 10.08.2018).

¹⁰⁸ Там же.

жизни, социальную напряженность и др., решение которых необходимо, особенно в связи с ускорением урбанизации, внутренней миграции населения в города, в первую очередь в столицу — г. Улан-Батор¹⁰⁹.

Взаимодействие оседлой и кочевой цивилизаций и сегодня оказывает существенное влияние на жизнь монгольского общества, при этом присутствуют тенденции к выработке и адаптации к новым ценностям. Например, в социальной сфере стала престижной и широко распространенной западная модель образования, многие монголы стремятся получить образование в западных странах.

Несмотря на общую ориентацию Монголии на Запад, связь с Россией остается достаточно крепкой. Следует отметить, что на достаточно длительный период именно русский язык стал источником получения новых знаний о культуре, ценностях, развитии других стран.

В Монголии сформировался синтетический тип культуры, представляющий собой тесную связь восточной и западной культур. Национальная культура призвана способствовать укреплению политического центра власти. Отсюда роль национализма как защиты этнической идентичности становится национальной идеей.

Важной тенденцией и одновременно особенностью монгольской политики в сфере культуры стала попытка объединения традиционных форм культуры с нововведениями. В связи с тем, что значительная часть страны проживала в сельской местности, правительству необходимо было учитывать особенности населения, периодически приходилось менять программу проводимых мероприятий в зависимости от условий местности.

Основными организаторами культурной политики являлись министерство просвещения МНР и ЦК МНРП, они принимали все постановления, программы, координировали работу местных органов. Также культурно-просветительскую деятельность проводила, например, Академия наук МНР. Осуществлением политики на местах занимались различные аймачные и сомонные центры, в которых располагались клубы и красные уголки. Отдельное позитивное место

---

¹⁰⁹ Население Монголии//<https://countrymeters.info/ru/Mongolia> (дата обращения 10.08.2018).

занимают культурные кампании, которые сыграли важную роль в борьбе с безграмотностью, распространением санитарных норм и новых форм искусства в степи. Перечисленные обстоятельства позволяют идеологию государства советского периода считать отдельным фактором влияния в процессе формирования и развития ментальных черт.

Буддизм играет значительную роль в жизни современного монгольского общества, о чем свидетельствуют особое отношение монгольского руководства к месту религии в политике и наличие закона о церкви. Буддизм как традиционная религия выступает гарантом сохранности национальной идентичности и культуры.

В 1990-е годы президент Монголии, на тот момент Н.Багабанди, участвовал в восстановлении буддийской сангхи и во всех важных мероприятиях, касающихся религиозных вопросов. Монгольское руководство занималось реконструкцией буддийских монастырей, направляя деньги из государственной казны. Примером служит восстановление храма Жанрайсига в монгольской столице. Все это говорит о важной роли буддизма в жизни Монголии.

Рассмотренные ранее в работе предпринятые монгольским правительством меры против экономической инфраструктуры и институциональной структуры монгольского буддизма еще в 20-годы, репрессии 1937 года, вследствие которых сотни буддийских монастырей были сожжены, а ламы потеряли свободу и статусы, далее запрет буддизма – все это в сочетании с другими важными причинами: распад СССР, отход Монголии от коммунизма создали начиная с 1990-х годов иную социокультурную основу для буддизма. Вновь открываются монастыри, семьи отправляют своих сыновей на учебу в монастыри. Монгольское правительство поддерживает возрождение и развитие буддизма как основу возрождения монгольской культуры и национальной консолидации.

Следует отметить, что современному монгольскому буддизму в новых постсоциалистических условиях также пришлось приспособливаться, учитывая специфику глобального развития и многие институциональные проблемы.

На практике, буддизм наряду с чингасханизацией составили основу современного национализма. Сегодня государственная политика гарантирует

свободу вероисповедания, но одновременно оказывает большее содействие буддизму и буддийской культуре, их сохранению и развитию.

Особую роль в монгольской культуре играет шаманизм, который стал для монголов религией, составившей основу кочевой цивилизации. Он получил распространение после радикальных перемен в политической и социальной жизни Монголии в 1990 году. И сегодня сохраняются специальные понятия духовных практик: *böö* (шаман), *ulaach* (средний), *udgan* (женщина-шаман) и *zaarin* (мужчина-шаман).

Важным фактором в развитии культуры Монголии является изменение письменности. Еще в 1991 году монгольский парламент пытался предпринять официальный переход от кириллицы к монгольскому бичигу к 1994 году. Но правительство сочло мероприятие дорогостоящим финансово и социально, что, однако, привело к активному распространению неграмотности среди населения. Сочли, что кириллица более функциональна, а вертикальное письмо внесло бы практические трудности, особенно для компьютеров. Для монголов важны и фонематические изменения, внесенные другой письменностью. Осуществленный в 1940-е гг переход на кириллицу повлиял на отношения между языком и носителями. Орфографические правила на основе русской фонологической системы значительно повлияли на способы концептуализации и визуализации языка монголами.

XX век в истории Монголии наполнен процессами глубокого преобразования традиционной формы жизни (или преобразования традиционного монгольского общества, ориентированного главным образом на религию). Социокультурное пространство современного мира наполнено множеством изменений, которые влияют на этносы, на их ментальность. «С конца 80-х – начала 90-х годов XX века в Монголии начался процесс глубокой социальной и культурной трансформации. Изменялись экономические основы общества, культурная сфера, изменялось отношение к этническим ценностям, что и характеризует современное состояние монгольского этноса.

Важным фактором в исследовании нашей проблемы занимает личность Чингисхана. В период советской власти Чингисхан и его почитание не были под

запретом, но и не были воспеты в монгольской культуре. Сразу же следует отметить противоречивость образа Чингисхана как в сознании народа Монголии, так и в историко-культурном пространстве страны. Яркое возрождение значения эпохи Чингисхана произошло в 1992 году, когда монголы широко праздновали 750-летний юбилей «Сокровенного сказания». С этого времени Чингисхан превратился в символ национальной идеи. С его же фигурой у монголов ассоциируется чувство национального достоинства. А время правления Чингисхана вызывает чувство патриотизма и гордости за свою страну. Культивирование личности Чингисхана воплощает в себе идею консолидации монгольского общества. Возрождение имперского образа первой половины XIII в., зарождение и развитие монгольской государственности - культивируемая на этой основе национальная идея, позволяют выделить чингисханизацию Монголии в отдельный фактор современного влияния. Конструкт образа Чингисхана активно используется в современном политическом пространстве Монголии, подчас поражая своим масштабом и значимостью. Исследователи данного феномена приписывают ему мировоззренческую, идеологическую роль в сознании населения. Но совершенно очевидно, что образ хана используется для консолидации монголов, формирования общегражданской идентичности на этапе трансформаций, даже интерпретируют его роль как демократическую.

Сегодня нередко высказываются мнения о процессе формирования новой монгольской идентичности. Так, А.В. Михалев считает, что она возникает именно во время революции. В пример он приводит процесс превращения Монголии из республики в страну с великой историей¹¹⁰.

В 1990-х годах в Монголия стала бороться с советским прошлым, отрицая значение советского фактора в экономическом и социально-культурном развитии государства.

Монгольский национализм является характеристикой данного этапа. Он выполнил задачу победить и окончательно одолеть «старшего брата». На место национализма пришел так называемый халхацентризм, цель которого состоит в

---

¹¹⁰ Михалев А.В. Советская миссия в Монголии и монгольский национализм: формирование ситуации постсоциализма / А. В. Михалев // Россия – Монголия: культурная идентичность и межкультурное взаимодействие: монография / В.М.Дианова, ред.. Изд. 3-е. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. – с. 381.

признании законности правящей элиты и сопротивлении китайскому влиянию. Как отмечает А.В. Михалев, для халхацентризма главным принципом является чистота крови и позиционирование монголов наследниками Чингисхана¹¹¹.

Известный российский исследователь А.Я. Флиер определяет модернизацию как производство новых культурных форм; процесс становления новых социокультурных систем; формирование совокупностей локальных культурных форм, определяющих этносы и нации. В результате этого процесса мы наблюдаем конкурентную борьбу между новыми культурными формами, а также в социальной практике воспроизводится новый культурный образец.

Обычно выделяют два типа социокультурных трансформаций:

- традиционализацию, т.е. возникновение и институционализация традиций и других элементов культуры и социальной структуры, которые обеспечивают приоритет традиционных действий;
- модернизацию, т.е. свободу выбора и приоритет инновационных действий путем дифференциации структуры общества и включением в нее новых интегрирующих элементов.

Важное значение в понимании культуры модернизирующегося общества имеет коммуникативная концепция культуры, в рамках которой она представлена процессом хранения, обработки и передачи информации. Поэтому в современных условиях существования монгольской культуры так важна проблема массовой коммуникации. На начальном этапе реформ число СМИ постоянно росло, вплоть до 2008 года. Пресс-институт Монголии ежегодно публикует исследования, которые показывают тенденцию уменьшения количества СМИ в стране. Традиционные СМИ существенно прекратили свое существование по причине возникновения онлайн СМИ.

Следует отдельно остановить внимание на роль Интернета в жизни современного монгольского общества. Число пользователей Интернета резко растет, пользователи онлайн-информацией занимают второе место после

---

¹¹¹Там же. – с. 386.

телезрителей. Развитие информационных технологий требует от населения адаптации, в свою очередь монголы быстро осваивают Интернет, о чем говорит рост пользователей Интернета и его быстрое распространение как в городе, так и в сельской местности.

Пользователи Интернета в Монголии активно читают рубрики публицистов различных информационных порталов. Например, на сайте baabar.mn регулярно публикуются большое количество известных журналистов, политиков и редакторов: Б. Батбаяр, Л. Болормаа, Д. Мунхбаясгалан, Ж. Гангаа и др.

Воздействие СМИ на современного человека заслуживает специального анализа. СМИ сегодня выступают как необходимое условие формирования человека, социальной группы, всего общества. Поэтому сохраняется социализация личности и ее участие в социокультурных процессах. Благодаря процессам общения в обществе сохраняются культурные традиции, нормы и идеалы и обеспечивается формирование определенного менталитета и социокультурных предпочтений монгольского народа.

Анализ современной этничности монголов показывает отход от традиционных норм поведения, общения и жизнеустройства. И одновременно наблюдается стремление к сохранению и возрождению традиций, обычаев и ценностей в жизнь современных поколений. Важно подчеркнуть, единство этих двух разнонаправленных процессов, и что стремление есть внутренняя потребность этноса, основанная на понимании, что утрата национального стержня ведет к спонтанному национальному переструктурированию, распаду и полному исчезновению монгольского народа.

Как показывает вторичный анализ данных наиболее значимыми для ментальной динамики являются культурные компоненты глубинного, архетипического характера, передающиеся из поколения в поколение и закрепляющие множественные (часто противостоящие друг другу) установки сознания и поведения.

В массовом сознании у современных монголов распространены смысложизненные установки, которые имеют глубокие социокультурные корни и передаются из поколения в поколение.

Однако по законам социальной и ментальной динамики происходят перепрограммирование восприятия, трансформация личности, институтов и обществ. То есть новые социальные практики будут неизбежно влиять на социально-ментального равновесие, что будет неизбежно приводить после стабильности к нарушению баланса.

В современной Монголии семья продолжает выполнять функцию формирования и передачи национальных культурных традиций и ценностей, что в конечном счете определяет модель поведения. Поэтому в новых условиях развития семейные ценности имеют большое значение.

Можно высказать предположение, что слом общественно-экономического строя и последовавшие за ним социальные перемены, выразившиеся в новой социальной структуре общества, разрушили традиционные ценности монгольского общества. Однако анализ вторичных данных¹¹² показывает, что именно традиционные ценности лежат в основе преодоления современным человеком социокультурного кризиса.

Изменения ценностей в обществе влекут изменения значений и смыслов. Динамика ценностно-смысловых элементов ментальности включает смену ценностей и смыслов поколений, наблюдается новый конструкт их структуры. Эмпирические исследователи доказывают, что на первом этапе радикальных реформ структура монгольского социума обеспечивает устойчивую передачу базовых ценностей и аффилиаций. Революционный характер произошедшей смены социально-экономического строя не определил такой же темп смены социокультурных стереотипов, их процесс изменения был достаточно плавным. Некоторое отличие от этой тенденции демонстрирует лишь группа молодежи, у которой большая готовность любыми средствами адаптироваться к новым условиям, получить лучшее, то, что мы называем «местом под солнцем». Устоять и выжить в условиях радикальных перемен и глубокого кризиса монгольскому

---

¹¹²Союз монгольской молодежи//myf.mn (дата обращения 18.03.2018).

человеку помогали в основном такие традиционные его качества как смелость, приспособляемость и терпеливость.

Старшие возрастные группы показывают верность традициям, приверженность к коллективизму, т.е. взаимовыручке, дисциплинированность, уважение власти. Очевидная дистанция наблюдается между восприятием ценностей молодежью и пенсионерами.

Современная Монголия, развиваясь по демократическому пути, строит многопартийную систему. Однако следует отметить, что благодаря недочетам законодательства в сфере финансирования политических партий обеспечивается связь политических партий и крупного бизнеса. Многие монгольские политические аналитики считают, что трудно определить наличие частных денежных средств в бюджете партии, так как монголы регулярно нарушают закон и не предоставляют необходимую отчетность. Часто случается, что обеспеченные граждане финансируют собственные избирательные кампании или кампании друзей, что приводит к появлению тесной связи политических и бизнес-кругов. Поэтому монголы все чаще демонстрируют недоверие к механизмам и результатам выборов, невысоко оценивают и самих кандидатов. По данным опроса широко известного фонда «Сант Марал», большинство анкетированных отмечают, что спонсоры заметно влияют на политических лидеров, которые и представляют интересы своих партнеров. Также опрошенные монголы подтверждают, что не часто видят финансовую отчетность партий.

Тесная связь политики и бизнеса свидетельствует об использовании государственных позиций и ресурсов в интересах частных лиц.

Значимая часть монгольской экономики представлена госпредприятиями. Политические партии контролируют крупные госпредприятия, что дает им административный ресурс (особенно в период выборов), финансовый контроль и материальные ресурсы, обеспечивает доверительный ресурс госпредприятий.

Несмотря на все изменения в экономической, политической, социальной сферах, стоит отметить, что культурная традиция по-прежнему остается способом накопления и передачи жизненного опыта для сохранения стабильного и

устойчивого положения всех социальных институтов, без чего дальнейшая жизнь будет невозможна¹¹³.

Стоит отметить роль нематериального наследия как важного элемента самобытной культуры. По итогам заседания Межправительственного комитета по охране нематериального культурного наследия в 2010 году в городе Найроби был пополнен список наследия. Интересно, что Монголии принадлежит 8 номинаций: музыка, исполняемая на национальном инструменте под названием *моринхур* (струнный смычковый инструмент, головка грифа выполнена в форме головы лошади); протяжная песня; народный танец «*биэлгэ*» (отражает жизнь кочевников, как правило, исполняется во время важных праздников); древний устный монгольский эпос «*Туули*», в котором собрано несколько тысяч стихотворений, образцов устного народного творчества; игра на флейте *цуур*; традиционный праздник *наадам*; монгольское искусство горлового пения *хоомей*; соколиная охота.

Все вышеперечисленные культурные объекты входят в список нематериального наследия человечества. Это явления не только самобытной, но и мировой культуры.

Особенности монгольской идентичности под воздействием трансформационных процессов, к сожалению, редко исследуются, хоть и имеют непреходящее значение для основы российско-монгольских отношений и их развития. В этой связи представляется важным выявить определенные типы восприятия существенных событий и явлений различных сфер монгольскими поколениями разных возрастных групп, имеющих влияние на дальнейшее развитие государства.

Однако не представляется возможным предложить некую универсальную концепцию ментальной динамики, поскольку это совокупное определение и его реальное проявление в соединении с историческими особенностями, специфическими разнообразиями и изменчивостью, на определенном

---

¹¹³ Пшеничникова Р.И. Культурные традиции бурят в современном мире / Р.И. Пшеничникова // Россия – Монголия: культурная идентичность и межкультурное взаимодействие: монография / В.М.Дианова, ред.. Изд. 3-е. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. – с. 141.

историческом этапе всякий раз дают разнообразие типов сознания и моделей поведения, сохраняя в себе лишь определенные ментальные компоненты.

Несмотря на происходящие перемены в социально-экономическом строе Монголии, исследователи отмечают, что социокультурные стереотипы, сознания не изменились так резко и кардинально, как основы строя. Пожалуй, следует согласиться с мнением, что национальный характер – есть внешнее проявление национальной ментальности, он показывает особенности свойств представителя данного народа в сравнении с другими национальными общностями.

Национальный характер монголов сформирован в определенных социально-исторических условиях; поэтому он отражает их национальную психику, национальную жизнь и национальную культуру и является определителем культуры общества, стремящегося к обретению и сохранению базовых ценностей для дальнейшего устойчивого развития народа. Во многих культурах национальный характер выступает значимым детерминантом.

Обобщая черты монгольского национального характера, представим его многократно описанные положительные свойства: внимательность к окружающим людям, взаимопомощь, дружелюбие, открытость, гостеприимство. В качестве общих недостатков, слабых черт назовем: разобщенность, несобранность, откладывание дел на завтра.

Национальный характер является как бы обобщением реакций и возможных моделей поведения. Основу национального характера составляет ментальность. Следует провести специальные эмпирические исследования для понимания какие институты обеспечивают сообществу типовые мировоззренческие установки, и при каких структурных изменениях происходят переходы к другим. Для мировоззренческих установок современных представителей монгольского народа характерен традиционализм.

Специфика монгольской ментальной динамики в Монголии заключается в ее цикличности. Исторический и социокультурный анализ показывают, что в период трансформаций, а применительно к монгольской истории, пожалуй, это весь XX век, менталитет выступает стержнем, механизмом консолидации монгольского народа и основой успешности проводимых реформ.

Сегодня монголы продолжают заниматься модернизацией и развитием демократических принципов, бережно сохраняя традиции. На ускорение модернизации и усиление иностранного влияния повлияли как открытые границы, так и глобализация. Экономика и минерально-сырьевой сектор Монголии являются инвестиционно привлекательными, что благоприятно влияет на развитие страны. Рост экономики, положительная демографическая ситуация обеспечивают успех модернизационным процессам и положительным социокультурным последствиям.

Неравновесная динамичная система духовного состояния общества развивается по законам синергизма, что предполагает наличие точек бифуркации и предполагает скачкообразность развития. Проведенный анализ ментальности монгольского народа, позволяет утверждать, что наша система реагирует на внешние условия развития, во многом зависит от исторических условий, имеет переломные точки в своем развитии.

Готовность Монголии к принятию демократии и проведению реформ создала социокультурную базу для дальнейших восприятий нововведений и динамики ментальности монгольского народа.

Социальные изменения в современной Монголии, социокультурные процессы трансформируют ментальность, систему базовых и инструментальных ценностей и неизменно ведут к изменениям массового сознания и поведения людей.

Как показывает проведенное исследование, именно ментальность лежит в основе восприятия действительности, ее интерпретации, основы модели поведения. В прямой зависимости от ментальных характеристик народа находится успешность проводимых реформ. Если передаваемые из поколения в поколение ценности включены во внутреннюю структуру социальной системы, они становятся частью массового сознания и превращаются в определяющий регулятор массового поведения.

Системы привитых ценностей напрямую зависят от ментальности народа, от совокупности факторов, участвующих в формировании менталитета, и всего

социокультурного опыта народа, как это нам демонстрирует современная Монголия.

Ментальность позволяет определить настроения населения в конкретное историческое время, представления народа о самом себе и своих культурных традициях, специфике своего развития.

Современные преобразования приводят к появлению новых элементов, часто противоречащих с традициями общества. Тем самым они создают и усугубляют кризис в социальной и культурной сферах. Различные цели, политические стратегии и ожидания общества часто создают проблему сохранения бытования специфики социальных механизмов и закрепления особых ментальных структур, влияющих на механизмы приспособления на психологическом уровне.

Исследование монгольского общества средствами социально-гуманитарного анализа в условиях радикальной трансформации позволяет выделить наиболее значимые в этих условиях факторы влияния: социокультурные традиции и преобладающий образ жизни народа; динамику существующей социальной жизни; ценностные ориентации, нормы, идеалы в массовом сознании населения.

Формирование и предпочтение новых ценностно-культурных норм и моделей поведения является позитивным процессом при условии позитивного отношения населения к проводимым реформам, к нововведениям.

Черты монгольской ментальности и ценностные ориентации монголов определены прежде всего культурными традициями монгольского народа и особенностями социально-экономического и политического развития. Преобладающим фактором при принятии-непринятии населением тех или иных решений выступают системы базовых и инструментальных ценностей, и как показывает вторичный анализ данных, также поведенческие установки конкретных слоев населения.

Современное развитие монгольского и других обществ показывают, что в условиях радикальных перемен и глобализации не всегда учитываются ментальные особенности, особенно в случаях принятия политических решений.

От системы мировоззрения, образа мышления во многом зависят направленность и успешность преобразований. Поэтому так важно исследование особенностей этносов, их менталитета, сознания, национального характера на современном этапе развития в рамках культурологического знания.

В Монголии устойчиво наблюдается сочетание старого и нового. В государстве, как и в монгольском обществе нет устойчивого равновесия и однонаправленных процессов.

Глубокой трансформации на рубеже XX-XXI вв. подверглись международные отношения. Распад мировой социалистической системы, распад Советского Союза внесли кардинальные изменения в расстановку сил на международной арене и существенным образом повлияли на российско-монгольские отношения. Новая модель развития государств потребовала новых стратегий и концепций в их отношениях и культурном взаимодействии. Проводимая СССР в отношении Монгольской Народной Республики последовательная и взвешенная политика и сегодня дает положительные результаты. Особое значение в современных условиях имеет проблема взаимосвязи и взаимовлияния национальных культур, подтверждая, что решение политических проблем находится в плоскости межгосударственных культурных процессов.

Монголия – давний сосед России, протяженность границы 3,5 тысячи километров, страны связывают многовековые традиции исторических, экономических и культурных связей. Современные условия развития формируют новый подход к взаимодействию двух национальных культур и двух государств.

Правильно оценивая Монголию в роли гаранта национальной безопасности, СССР проводил успешную политику, не давая Китаю вернуть Монголию в свой состав. Обретение Монгольской народной республикой независимости, становление ее как полноценного и полновесного члена мирового сообщества и есть главный итог советско-монгольских отношений с 1921 г. до начала 90-х годов прошлого столетия.

Стоит признать, что в 1990-х годах произошло ухудшение российско-монгольских отношений и снижение наших контактов: государства выбирали

дальнейший путь развития, занимались государственным строительством. Принято выделять два этапа российско-монгольских отношений: 1990-1999 годы – время сокращения контактов и этап с 2000 года по настоящий момент – период актуализации отношений¹¹⁴. В 1990-е годы экономический кризис в России сыграл серьезную роль в распаде российско-монгольских отношений. Монголия, потеряв основного партнера, стала налаживать сотрудничество с другими странами. Место ведущего партнера занимает Китай, активно развивается экономическое сотрудничество с Южной Кореей, Японией, Америкой. России приходится конкурировать за сотрудничество с Монголией с другими странами.

Однако тенденция к взаимодействию культур – объективная потребность современного развития стран, социального поведения людей, выражающего их моральные и правовые ценности.

Следует отметить разновекторную деятельность Монголии на современном этапе. Рассматривая современные китайско-монгольские отношения, следует уточнить, что на протяжении всей истории они были непростыми. Так, в советский период из-за напряженных отношений Китая и Советского союза Монголия и Китай практически прекратили контакты. Возобновление отношений началось в 1986-1987 в связи с визитом Лю Шуицин, заместителя иностранных дел Китайской народной республикой. С 1990-х годов Монголия и Китай активно развивают сотрудничество в различных сферах, что доказывают многочисленные двусторонние визиты. Важными переговорами стали переговоры между генеральным секретарем КПК КНР и президентом Монголии Н. Багабанди, в ходе переговоров подчеркивался переход отношений двух стран на новую ступень развития, главным принципом стало добрососедство и партнерство. Стоит отметить и важность подписания Совместного заявления о создании и развитии всестороннего стратегического партнерства между Китаем и Монголией во время визита Си Цзиньпина.

Отношения Монголии и Китая значительно изменились, но между странами еще остались неразрешенные вопросы: например, монгольское правительство не

---

¹¹⁴ Сабиров Р.Т. Россия и Монголия на пути стратегического партнерства / Р.Т. Сабиров / Рецензия. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: №6, 2012. – С. 172.

может не опасаться быстро растущего населения Китая и увеличивающегося потока китайских мигрантов, серьезной угрозой национальной безопасности служит экономическая экспансия Китая. Игруют роль и «исторические» страхи монголов перед китайцами.

Интересным фактом является, что США признали Монголию в 1987 году из-за сложных отношений с Советским союзом, США также не хотели, чтобы Монголия вступила в ООН. В 1989 году США открыли посольство в Улан-Баторе и это стало началом дипломатических отношений между странами.

С 1990 года Монголия и США заключили много договоров и соглашений. США поддерживает Монголию на пути демократических реформ, считая Монголию образцом и лучшим примером для других стран¹¹⁵. США оказывает финансовую помощь Монголии, поддерживая развитие рыночной экономики и демократии. Многие эксперты отмечают и негативную сторону отношений США и Монголии, а именно финансовую зависимость Монголии от организаций-доноров, которые в свою очередь начинают влиять и на принимаемые Монголией решения. Отношения с США выражают желание Монголии быть политически и экономически независимой от России и Китая.

До 1990 года отношений между Монголией и европейскими странами практически не существовало. В 1991 году Монголия подписала соглашения с Францией и Германией. С этого времени сотрудничество Монголии и страна Европейского союзом развивается.

Как ранее отмечалось в работе, в мире нет стран исторически, религиозно и культурно близких Монголии, с которыми она могла бы разделить и отстаивать общие ценности. Монголию можно считать отдельной цивилизацией, несмотря на тесные исторические и культурные связи с другими народностями и государствами.

После 1990 года и ослабления влияния России главную роль партнера играет Китай, широко проникая и доминируя в экономике Монголии, которая

---

¹¹⁵ Biden J. R. Capturing Imagination. // The Report: Mongolia 2012. P. 24. URL: <http://www.oxfordbusinessgroup.com/mongolia-2012> (дата обращения 12.05.2018).

имеет очень ограниченный доступ к мировому рынку, так считает известный монголовед Р.Рупен¹¹⁶.

Но как показывают результаты многих социологических опросов, в центре внимания монгольского народа по-прежнему остается Россия. Ее позитивный образ связан с ассоциацией гаранта независимости и безопасности монгольского государства.

Также и Россия заинтересована в независимой Монголии, ориентированной на Россию. Результаты многих социологических исследований свидетельствуют о позитивном отношении к России. Многие сущностные черты монгольской ментальности, поведенческие стереотипы формировались в XX веке, когда монгольский и советский народ были близки, поэтому монголы демонстрируют близость россиянам.

Для России важно сохранить стабильные отношения сотрудничества с ближним соседом и распространять позитивный образ нашей страны. Сегодня в азиатском регионе сталкиваются интересы России, США, Китая, Японии, Южной Кореи, поэтому наша страна заинтересована в активном развитии сотрудничества с Улан-Батором, в формировании для новых поколений монголов позитивного российского образа. Деятельность в данном направлении будет способствовать развитию взаимодействия как со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, так и социальному и культурному развитию восточносибирского региона Российской Федерации. В этой связи также необходимо изучать монгольский менталитет и динамику ментальности в современных условиях развития.

Следует отметить, что в этот период политические отношения между Россией и Монголией развивались интенсивнее, чем экономические. Примером служит подписание в 1991 году Декларации о дружбе, в которой документально закреплён отказ от идеологии, а основой сотрудничества становится взаимовыгода¹¹⁷. За 1991-1993 года ряд соглашений между Монголией и Россией были подписаны, а также началась проверка всех заключенных с 1921 года договоров.

---

¹¹⁶ Rupen R. *Mongols of the Twentieth Century* / R. Rupen. – Indiana University publications, 1964. – p. 18-19.

¹¹⁷ История Монголии. XX век. – М: ИВ РАН, 2007. - с. 376.

В 1993 году монгольский президент прибыл с официальным визитом в российскую столицу, итогом встречи стало первое и самое важное двустороннее соглашение о дружбе и традиционном сотрудничестве. В дальнейшем были также подписаны соглашения о культурном, научном и др. взаимодействии. Все соглашения направлены на расширение экономических отношений и восстановление культурных связей.

Со временем экономическая ситуация в обеих странах улучшилась, что создало условия для расширения экономических контактов.

Большим событием стало подписание Улан-Баторской Декларации в 2000 году во время официального визита В.В. Путина в Улан-Батор. В декларации был рассмотрен широкий круг вопросов взаимовыгодного сотрудничества. Решение проблемы «большого долга» размером более 1 млрд.долларов стало важным этапом в развитии двусторонних отношений. Россия уступила монголам, простив практически всю сумму долга, а Монголия отдала 250 млн.долларов. Этот шаг был сделан российской стороной для дальнейшего развития сотрудничества с Монголией.

Следует отметить и работу, которую провела межправительственная комиссия, состоявшая из представителей как со стороны Монголии, так и со стороны России. Комиссия создала рабочие группы по разным вопросам, например, по транспорту, и подкомиссии. Заседания комиссии проходят раз в полгода. Благодаря работе комиссии были заключены межправительственные соглашения, к примеру, о сотрудничестве в области туризма, о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии, об обоюдном признании документов об образовании¹¹⁸.

Позже, в 2006 году, была подписана Московская декларация во время визита монгольского президента Н. Энхбаяра в Москву, а также несколько межправительственных соглашений, все документы подтверждают имеющиеся договоренности между странами. Важным документом стала Декларация о развитии стратегического партнерства, подписанная в 2009 году, где

---

¹¹⁸ Основные договорно-правовые акты подписанные между Россией и Монголией. // Сайт посольства Российской Федерации в Монголии. URL: <http://www.mongolia.mid.ru/relations.html> (проверено 12.05.2018).

подчеркивается готовность обеих стран к более тесному сотрудничеству в разных сферах, например, в транспортной сфере или в сфере сельского хозяйства. Также существуют договоры, контролирующие российско-монгольские предприятия, в частности «Эрдэнэт».

Благодаря развитию отношений с другими странами, в Монголию стали проникать другие культуры: китайская, американская, японская и др. В этот же период монголы чувствовали необходимость с новой силой почитать национальные символы государственности: культ Чингисхана, буддизм, старописьменный язык и пр. Также стоит отметить, переоценку прошлого и появление негативных оценок влияния Советского Союза на историю Монголии.

Сейчас культурное сотрудничество между Монголией и Россией развивается не очень активно. Произошли существенные изменения в сфере образования, если в период советской власти многие монголы получали образование в Советском союзе, шел активный процесс обмена студентами и учеными, то сейчас это совершенно невысокие показатели. Стоит отметить в этом направлении успешную работу филиала Российского Экономического Университета им. Г.В. Плеханова, другим ВУЗам пока не удастся реализовать подобные проекты. Но и сегодня сотрудничество в области образования остается главным направлением в системе культурных российско-монгольских отношений, приобретя некоторую специфику переходного периода к демократии и рынку со стороны обеих стран. Например, Россия больше не участвует в создании инфраструктуры населенных пунктов и в обеспечении различных уровней образования как материального, так и кадрового.

Характеризуя основные направления взаимодействия наших государств, следует сказать о научном сотрудничестве. Импульс новому этапу научного сотрудничества, основанному на работе над концепцией монгольской цивилизации, дало общение Ю.С. Осипова и Б. Чадраа, глав академий наук двух стран. С помощью коллег они разработали атлас Монголии, проект поддерживался как с монгольской, так и с российской стороны, но был лишен государственной поддержки и финансировался в основном внешними источниками. Институт социологии РАН также поддержал интересное

исследование о политической и социальной трансформации двух стран в аспекте глобализации (в 2007-2009 годах). Академик Г. Чулуунбаатар, глава Института философии, руководил этим проектом при помощи российских социологов М. Горшкова, В. Ядова, З.Голенковой. Результатом исследования стала книга, посвященная монгольской цивилизации, которая была опубликована в 2016 году.

За последнее время монголоведение активно развивается: монголы изучают работы российских этнографов и путешественников. Вырос интерес и к буддийскому наследию. Свидетельством тому служат переиздания известных классических произведений.

В современном монголоведении уделяется особое внимание изучению событий и проблем региона Внутренней Азии. Развитие сотрудничества монгольских и российских ученых по исследованию кочевых цивилизаций нацелено на создание совместных трудов по оценке роли монгольской кочевой культуры в мировой культуре и такому направлению как диалог цивилизаций.

Конечно, исследуя содержание современного российско-монгольского взаимодействия и его роль для обеих стран, необходимо в качестве самостоятельного фактора учитывать новый курс социально-экономического и политического развития стран, изменения во внешней политике.

Специфической особенностью культурного взаимодействия РФ и Монголии с 1990-х гг. и по настоящее время является его региональный характер, особенно в зоне приграничного сотрудничества. Вопросы культурного сотрудничества систематически рассматриваются на региональном уровне между российскими и монгольскими регионами. Однако следует уточнить, что Монголия примыкает к РФ слаборазвитыми аймаками.

Причиной столь неактивного культурного взаимодействия наших стран является слабое развитие экономики, ее сырьевая ориентированность, как следствие слабые торгово-экономические отношения, незаинтересованность российской стороны в монгольской продукции, что дает возможность другим странам-конкурентам действовать.

Но, пожалуй, важнейшим для российской стороны остается вопрос о сотрудничестве между Бурятией, Калмыкией, Тывой и Монголией. Проблема

культурного синтеза и более широкого межцивилизационного взаимодействия наших стран остаются важным фактором в развитии полного сотрудничества. Безусловно, данный фактор следует учитывать при разработке стратегии сотрудничества Российской Федерации и Монголии.

Перспективы взаимодействия двух стран в сфере культурного сотрудничества зависят от многих факторов: во-первых, от процесса современной глобализации, во-вторых, от направленности политики Российской Федерации и Монголии, в-третьих, от способности России защитить свои национальные интересы в Монголии, тем самым ограничив культурное влияние других государств на нее.

В основе каждого из перечисленных факторов независимо от уровня взаимодействия находятся непосредственные контакты между людьми. Поэтому темпы развития культурного сотрудничества между Россией и Монголией во многом зависят от успешности двух стран в культурном национальном строительстве и в развитии производства, опирающегося на научно-технический прогресс.

Проведенное исследование показывает, что этнокультурная проблематика и связанные с ней исследования процессов жизнедеятельности современного монгольского общества, приобретают особую актуальность в условиях модернизации, в связи с изменившейся социальной реальностью, с радикальными изменениями во всех областях жизни.

Монголия использовала все возможности, чтобы адаптировать достижения других цивилизаций и сделать их частью собственной культуры.

По мнению исследователей, монголы значительно участвуют в глобализационных процессах. Стоит отметить и различное отношение монгольского народа к другим народам: так, китайцы традиционно вызывают чувство неприязни у монголов, русские же, наоборот, как правило, доставляют монголам только положительные эмоции, хотя по данным социальных опросов российский рейтинг невелик. Монголы заинтересованы в контактах с бурятами, маньчжурами, японцами и др. Глобализация существенно повлияла на мировоззрение монгольского народа и на его восприятие мира и других культур.

Так, проведенная работа показывает, что взаимодействие российской и монгольской культур представляет собой непрерывный процесс, начиная с эпизодического обмена элементами кочевой и оседлой культур, и более устойчивым состоянием отношений.

Первым этапом в периодизации обычно считают период татаро-монгольского ига на Руси, которому свойственно доминирование монгольской культуры над русской на основе централизованной власти, высокоразвитого ремесла и системы образования. Историю устойчивого взаимодействия принято делить на социалистический и постсоциалистический этапы. Для социалистического этапа характерно преобладание интернационального и идеологического над национальным. Именно в этот период Советский Союз всесторонне поддерживал Монголию и оказывал максимальную экономическую помощь, в эти годы была создана национальная промышленность, решены многие культурные и социальные задачи государства.

Проделанный анализ ментальности и различных факторов влияния доказывают, что фальсификация истории и взаимодействия национальных культур России и Монголии влияют на национальное самосознание и как следствие, могут привести к социальной нестабильности в наших странах.

В целях повышения эффективности культурного взаимодействия России и Монголии необходимо, на наш взгляд, выработать следующие рекомендации:

1. Конструктивное культурное взаимодействие между странами возможно лишь при наличии четкой согласованности государственно-национальных интересов на основе ценностных приоритетов наших народов.
2. Заключение соответствующих двусторонних договоров.
3. Продвижение традиционной и современной культуры. (Фестивали, форумы).
4. Распространение и популяризация языка (создание и развитие системы институтов).
5. Разработка новых концепций по созданию инновационных технологий.
6. Расширение образовательных связей (увеличение количества

обучаемых).

7. Использование системы консорциумов.
8. Создание культурных центров на территории двух государств.
9. Развитие экономических связей и научно-технологического сотрудничества.
10. Проведение деловых форумов, конференций, выставок и т.д. на территории России и Монголии.
11. Активное участие в выставках, конференциях, форумах на территории зарубежных государств.
12. Предоставление помощи Россией Монголии.
13. Привлечение высококвалифицированных специалистов на взаимной основе.
14. В целях налаживания конструктивного взаимодействия проводить многосторонние разноуровневые встречи.

Для эффективного взаимодействия необходимо понимание, уважение в другой культуре права на ее самобытность. Также необходимо совершенствовать механизмы культурного взаимодействия. Предложенная совокупность разнообразных мер будет способствовать сотрудничеству наших стран, а различные формы контактов обеспечат возможность взаимодействия многообразного содержания культур наших стран. Учет динамики ментальности монгольского народа будет способствовать эффективности культурного сотрудничества России и Монголии. Дальнейшее развитие российско-монгольских отношений будет способствовать обеспечению национальной безопасности.

Россия и Монголия, являясь важнейшими стратегическими и геополитическими партнерами, в контексте взаимовыгодного сотрудничества должны формировать у населения позитивные образы своих стран.

Культурное многообразие с его особенностями, собственными представлениями, ценностями, нормами поведения и т.д. и необходимостью их сохранения превращается в фактор сохранения стабильности развития

человечества. Исторический анализ доказывает, что разнообразие не исчезает даже при абсолютно одинаковых условиях географической среды и материальной жизни, не происходит унификации форм духовной жизни. Народы сохраняют свои специфические черты. Данное многообразие следует рассматривать как важный фактор современных социокультурных преобразований. Так, исследователь Ю.В.Яковец не видит, что интеграционные процессы, происходящие в социокультурной сфере, не приведут к однообразию элементов системы или исчезновению культурной специфики, а напротив, сделают мир богатым и разнообразным, влияя на энергию динамики¹¹⁹.

Реализуемая новая модель культурного взаимодействия наших стран, основанная на взаимовыгодном культурном сотрудничестве с сохранением национальной специфики каждой из культур, имеет в своей основе демократические принципы, способствует возрождению национальных культурных традиций и соблюдению права каждой культуры на свою самобытность, права каждого народа на сохранение и динамику ментальности.

---

¹¹⁹ Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций / Ю.В. Яковец. – М.: Экономика, 2003. – с.287.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные социокультурные процессы в условиях глобализации имеют противоречивый характер: с одной стороны, мы наблюдаем трансформацию традиционных культур, усиление тенденций к унификации и универсализации, становлению глобальной мировой культуры, которая выражала бы общезначимые для всех ценности, с другой стороны, - усиливается тенденция к сохранению национальных культур.

Современные многочисленные народы различно реагируют на процесс изменения социокультурных ценностей, по-разному взаимодействуют в новых условиях развития.

Изучение ментальности имеет свою историю и давние традиции в различных сферах знания, что подтверждает необходимость междисциплинарного подхода к исследованию данной категории. Также следует подчеркнуть сложность в точности определения самого предмета изучения, что обосновывает разнообразные методы и отсутствие единой техники исследования.

Анализ ментальности дает представление о ней как элементе нашего сознания, основе поведенческой модели. Многие ученые определяют ментальность как нечто общее, находящееся в основе сознательного и бессознательного, как источник мышления и чувств¹²⁰. Данное определение подчеркивает необходимость осторожного подхода и к определению содержания ментальности, и к ее динамике в конкретно-исторических условиях.

Проведенное исследование показывает, что монголы как члены одной культурной группы испытывают взаимопонимание, доверяют и сочувствуют друг другу. Их культура проявляется в общем языке, фольклоре, монгольской кухне, моде и других аспектах культуры.

Особенности монгольской культуры формируют специфические представления о взаимосвязях между понятиями и способствуют специфическому

---

¹²⁰ Гуревич А., Вовель М., Рожанский М. Ментальность. Опыт словаря нового мышления/ А. Гуревич, М. Вовель, М. Рожанский / Под общей ред. М. Ферро, Ю. Афанасьева. – М.: Прогресс, 1989. – 459 с.

теоретическому осмыслению мира и становлению определенных форм мышления.

Исследованные организация пространства и механизмы его освоения монгольским народом подтверждают наличие у них классического кочевого и полуседлого образа жизни.

Победа Народной революции стала для монгольского народа началом не только нового социально-экономического развития, но и началом многих культурных преобразований в жизни монголов-кочевников: от личной гигиены до образования, от пассивной жизненной позиции к активной, от труда для своего *айла* до общественно-полезной работы.

Монголы, живущие на протяжении не одного столетия в рамках уклада кочевой жизни и проповедующие буддизм, узнали совершенно иные формы государственности, быта, взаимоотношений людей.

Монгольская цивилизация успешно восприняла влияние других цивилизаций. Традиционная монгольская открытость и терпимость хорошо известна всему миру.

Немалую роль в революционных переменах сыграла современная монгольская литература, которой также пришлось преодолеть непростой путь становления, проходя через понимание того, что можно унаследовать от традиционной литературы, а чему следует научиться у русской и западной словесности, новых литературных ориентиров. В монгольской культуре ментальность нашла свое выражение в специфической форме проявления в устном народном творчестве: мифах, сказках, песнях.

Современная Монголия устойчиво сохраняет свою древнейшую культуру. Несмотря на сложность XX века с его революциями и трансформациями, монгольскому народу удается сохранять свою сущность, ментальные особенности, свой дух, ценности, национальный характер.

Сегодня судьба любой национальной культуры во многом зависит от способностей противостоять инокультурному влиянию, глобальной массовой культуре.

Для культурологического понимания сущности и особенностей ментальности монгольского народа использовались различные методологические подходы: комплексный, междисциплинарный, системный, семиотический, цивилизационный и др.

Ментальность монголов рассматривается как уникальное явление, свойственные только им мироощущение, мышление, поведение, система ценностей, духовное творчество. Знания условий формирования и изменения монгольской ментальности крайне важны для поиска оптимальных путей развития монгольского социума. Формирование монгольской ментальности происходит под влиянием целого комплекса факторов: климатических, исторических, социально-экономических, религиозных.

В результате анализа социально-философской категории предложено наше определение.

В качестве базовой составляющей ментальности современных монголов выступают: уважение к природе (её сохранение); уважение к предкам; уважение к Чингисхану (культ Чингисхана); почитание буддизма (и соответствующее вероисповедание); уважение и сохранение традиций в материальной культуре.

В ходе исследования выявлены черты этнической ментальности монголов. Доминантой ментальных установок является морально-этический и нравственный кодекс монгольского народа, язык, семейные отношения, уважительное отношение к старшим, почитание всех обычаев, и т.д.

Оценивая содержание ментальности, следует говорить о ее образном наполнении, именно посредством функционирования образных элементов, мы получаем ментальность, как специфическую этническую картину образов как представлений, и установок как общей направленности, что отражается в действиях каждого человека и народа. Ментальность существует объективно. Образное содержание ментальности состоит из наиболее общих, существенных элементов содержания культуры, характеризующих положение человека и общества в окружающем мире и его способы жизнедеятельности, одновременно определяет ментальные отличия от других.

Специфика ментальной динамики монгольского народа заключается в ее цикличности. В период трансформации, как показывает проведенное исследование и примененный исторический и социокультурный анализ, а это весь XX век, менталитет выступает стержнем, механизмом консолидации монгольского народа и основой успешности проводимых реформ.

Главными механизмами преемственности являются язык, традиции, обычаи, обряды, ценности, – в их современном проявлении. Исследование традиций в аспекте ментальности определяет их роль и место как главного инструмента в обеспечении преемственности монгольской культуры: обычаи, обряды, нормы поведения, общественные установки сохраняются в поведении определенных социальных групп, формируют стереотипы и устойчиво передаются из поколения в поколение, что обеспечивает сохранение монгольской культуры.

По мнению исследователя А.С. Железняка, Монголия нуждается в выработке нового имиджа как страны-цивилизации на мировой арене¹²¹.

Анализ современной этничности монголов показывает отход от традиционных норм поведения, общения и жизнеустройства. И одновременно наблюдается стремление к сохранению и возрождению традиций, обычаев и ценностей в жизнь современных поколений. Важно подчеркнуть, единство этих двух разнонаправленных процессов, и данное стремление – это есть внутренняя потребность этноса, основанная на понимании, что утрата национального стержня ведет к спонтанному национальному переструктурированию, распаду и полному исчезновению монгольского народа.

Как показывает вторичный анализ данных наиболее значимыми в ментальной динамике являются культурные компоненты глубинного, архетипического характера, передающиеся из поколения в поколение и закрепляющие множественные (часто противостоящие друг другу) установки сознания и поведения.

---

¹²¹ Железняков А.С. Монголия в поиске идентичности на современном этапе и ее цивилизационное взаимодействие с Россией// http://www.ifes-ras.ru/attaches/SHOS/Zheleznyakov_-_Mongolia.pdf (дата обращения 12.05.2018).

В массовом сознании у современных монголов распространены смысложизненные установки, которые имеют глубокие социокультурные корни. Образ жизни монголов разных возрастов базируется на ценностной системе, принятой в определенном периоде жизни.

Ментальность мы определяем в качестве системы, отражающей коллективное сознание. Фундамент этой системы составляют гармоничность и взаимозависимость доминирующих элементов, смыслов и ценностей образа мира, проявляющихся в жизни каждого поколения. Все элементы системы способны к динамике. В системе менталитета и его реальном проявлении –ментальности элементы могут изменять свою структурную позицию. Элементы системы ментальности находятся в тесном взаимодействии и взаимозависимости с социальной реальностью, с социальной системой, с социальной структурой.

В этой связи представляется важным вопрос сохранения, устойчивости социального и ментального. Нарушение социально-ментального равновесия не только ведет к неустойчивости, дискомфорту, но и к росту беспорядков. Поэтому исследование ментальности сегодня так важно с позиций социально-политической стабильности в обществе и межнациональных коммуникаций. Важно иметь механизмы контроля и защиты для предотвращения и предупреждения социальных конфликтов.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод об интегративной функции понятия менталитет-ментальность, которая соединяет различные сферы знания: культурологического, философского, политологического и т.д.

Однако по законам социальной и ментальной динамики происходят перепрограммирование восприятия, трансформация личности, институтов и обществ. То есть новые социальные практики будут неизбежно влиять на социально-ментальное равновесие, что может приводить неизбежно после стабильности к нарушению баланса.

Можно высказать предположение, что слом общественно-экономического строя и последовавшие за ним социальные перемены, выразившиеся в новой социальной структуре общества, повлияли на процесс сохранения традиционных

ценностей монгольского общества. В условиях глобализации ряд факторов влияют на развитие монгольской этнической общности, предлагая в рамках культурологического мышления отказаться от специфики кочевой ментальности, соотнеся монгольскую ментальность с западной, восточной или евразийской. Однако рассмотренные социальные и культурные факторы, позволяют констатировать их определяющую роль в анализе ментальности и формировании монгольской ментальности, ее этнокультурной специфики – мировоззренческой, религиозной. Основным направлением объединения этнических групп, населяющих современную Монголию, выступает единство наиболее общих социокультурных черт.

Изучение национального характера, его особенностей, что означает проявление себя по-особенному в сходных ситуациях. Особенности видения и восприятия мира в современных условиях свидетельствуют о возрастании роли стереотипов сознания в целях скорейшей идентификации других.

В настоящее время взаимодействие культур играет большую роль. И если конкретность содержания и формы сотрудничества определяются характером участников взаимодействия и сущностью культурных явлений, то от самого взаимодействия, от диалога цивилизаций во многом зависит социально-политическая стабильность в мире, наше общее будущее. В этой связи представляется важным и российско-монгольское взаимодействие как модель регионального уровня. Разносторонние контакты, история которых менялась в историческом диапазоне: от противостояния до тесного сотрудничества, взаимопомощи и взаимопроникновения культур в период советского времени, охлаждения на эпоху новой трансформации и медленного сближения на современном этапе.

Богатейший культурный потенциал сотрудничества наших стран весьма значим для монгольского народа, но в малой степени задействован при двустороннем современном взаимодействии.

Анализ взаимодействия культур России и Монголии на современном этапе позволил выделить ряд способствующих и не способствующих сотрудничеству факторов. Наиболее позитивное значение имеет нормализация двусторонних

отношений наших стран. Разделяя государства, принадлежащие к разным цивилизациям и культурным традициям, зона приграничного сотрудничества являет собой пример активного взаимодействия. Культурное сотрудничество должно учитывать экономические и политические интересы партнерства, но не в коей мере не подменяться ими.

Знание ментальности монгольского народа в совокупности с другими методами существенно увеличивает коммуникативные возможности наших народов, хотя факторы экономического характера, оказывают негативное влияние на культурное взаимодействие. Накопленный советский опыт и сложности взаимодействия наших стран в последние годы на основе двусторонних связей и иных форм показывают необходимость научно-обоснованного интегративного подхода в организации гуманитарного сотрудничества наших стран.

В задачу исследования не входило изучение проблем культурного взаимодействия, культурной совместимости, культурных традиций обеих стран. Однако история культурного сотрудничества, культурная дистанция в сочетании с цивилизационным родством позволяют говорить о возможности гармоничного культурного взаимодействия, что создаст необходимый фундамент для эффективного сотрудничества между двумя государствами в интересах народов.

Современный этап развития российско-монгольских отношений требует глубокого исследования и осмысления исторических реалий, взаимосвязи и взаимовлияния культур с учетом социокультурной ситуации в наших странах.

Ментальность, сочетая в себе психоэтнокультурные, коммуникационные и поведенческие особенности является важнейшим идентификационным критерием и характеристикой народа. Поэтому ее исследование на любых исторических этапах развития народа имеет особую значимость для понимания и учета национально-культурной специфики ментальности, помогает соединить сложную систему образов традиционной культуры предков монголов и доминантные черты современников.

Динамика ментальности монгольского народа выступает основой зарождения новой культуры. Рассмотренный генезис ментальности в условиях российско-монгольских культурных связей в рамках культурологического знания

позволяет сделать вывод о сущности, структуре и формах проявления ментальности у монгольского народа, который демонстрирует специфическую манеру восприятия реальности, ее оценки, что и отличает субъект данной культуры от других, монгольский народ от других. Проведенный анализ поспособствует решению задач, связанных с культурными и социальными процессами в современном обществе.

Список литературы

1. Аванесова Г.А. Взаимодействие культур / Г.А. Аванесова // Культурология. XX век. Словарь. – Спб.: Изд-во Университетская книга, 1997. – 640 с.
2. Аванесова Г.А. Динамика культуры / Г.А. Аванесова. – М.: АО «Диалог-МГУ», 1997. – 38 с.
3. Автономова Н.С. Рассудок, разум, рациональность / Н.С. Автономова. – М.: Наука, 1988. – 287 с.
4. Абдулатипов Р.Г. Человек. Нация. Общество / Р.Г. Абдулатипов. – М.: Полиздат, 1991. – 222 с.
5. Абдулатипов Р.Г. Культура как стратегический ресурс России в XXI веке. Предисловие к Московскому форуму культуры / Р.Г. Абдулатипов. – М.: МГУКИ, 2010. – 192 с.
6. Абульханова-Славская К.А. Состояние современной психологии: субъективная парадигма / К.А. Абульханова-Славская // Предмет и метод психологии: Антология / Под ред. Е.Б. Старовойтенко. – М.: Изд-во Академический проект: Гаудеамус. 2005. – С. 428–450.
7. Алексахина И.А. Тенденции в изучении национальной идентичности народов России / И.А. Алексахина // Социологические исследования. – М.: № 2, 1998. – С.49-54.
8. Аронов А.А. Вехи русской культуры (IX-XX) / А.А. Аронов. – М.: МГУКИ, 2012. – 211 с.
9. Артановский С.Н. Информация-знание-мудрость: от преходящего к вечному. Проблемы функционирования и развития культуры / С.Н. Артановский // Всероссийская научная конференция 24-26 октября 2000 года. Тезисы докладов и выступлений. Выпуск 3. – Великий Новгород, 2000. – С. 1-4.
10. Арутюнов С.А. Культуры, традиции и их развитие и взаимодействие / С.А. Арутюнов. – Люистон: Изд-во Эдвин Меллен Пресс, 2002. – 386 с.
11. Арутюнян Ю.В. О национальных отношениях в постсоветских обществах: межличностный аспект / Ю.В. Арутюнян // Социологические исследования. – М.: №4, 1999. – С.58-70.

12. Арутюнян Ю.В. Социально-культурное развитие и национальное самосознание / Ю.В. Арутюнян // Социологические исследования. – М.: № 7, 1999. – С.58-70.
13. Арутюнян Ю.В., Юробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Юробижева, А.А. Сусоколов. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 271 с.
14. Астафьева О.Н. Культурология. Теория культуры [Электронный ресурс] / О.Н. Астафьева. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 488 с.
15. Афанасьев И.Н. Эпоха и личность: формирование и изменение этнического характера: Монография / И.Н. Афанасьев. – Чебоксары: ЧФ МГОПУ, 2004. – 225 с.
16. Ахиезер А.С. Социально-культурные проблемы развития России / А.С. Ахиезер. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – 82 с.
17. Базарова Б.З. Монгольские летописи – памятники культуры / Б.З. Базарова. – М.: Изд-во Academia, 2006. – 368 с.
18. Балдаев Л.Х. Создание и развитие системы народного образования в МНР (1921-1965). / Л.Х. Балдаев // Автореферат дисс. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. – Ленинград: Ленинградский гос. ун-т имени А.А. Жданова, восточный факультет, 1967. – 19 с.
19. Баранов Е.Г. Нациопатия - источник конфликтов / Е.Г. Баранов // Общественные науки и современность. – М.: №6, 1996. – С.67 – 75.
20. Батурич А.П. Человек средневековья / А.П. Батурич // Проблемы менталитета: Учебное пособие. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2001. – 160 с.
21. Батбаяр Ц. Монголо-советские отношения в 30-е годы / Ц. Батбаяр // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. – М.: Институт Востоковедения РАН, 2001. – 278 с.
22. Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 5 / М.М. Бахтин. – М.: Изд-во Русские словари, 1997. – 730 с.
23. Баярсайхан Н. Восток-Запад – Монголия: историографически-культурологический очерк / Н. Баярсайхан // «EN APXH» в серии «Восток-Запад – Россия». – Ростов-на-Дону, 2003. – С.7-36.
24. Баярсайхан Н. Монгольская культура в цивилизационно-историческом контексте / Н. Баярсайхан // Дис. на соиск. к.ф.н. – Ростов-на-Дону, 2006. – 136 с.

25. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
26. Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности / Н. Бердяев. – М.: Изд-во Философское общество СССР, 1990. – 240 с.
27. Берк П. Сила и слабости ментальностей / П. Берк // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – М.: Рос.акад.наук, Ин-т всеобщ.истории, Рос. гос. Гуманитар. ун-т, 1996. – С. 46-56.
28. Бердяев Н.А. О назначении человека / Н.А. Бердяев. – М.: Республика, 1993. – 383 с.
29. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства (в 2х книгах) / Н.А. Бердяев. – М.: Искусство, Лига, 1994. – 1052 с.
30. Бех В.П. Содержание социального мира / В.П. Бех // Новая парадигма. – М.: №4, 1996. – с.4-5.
31. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры (два философских введения в двадцать первый век) / В.С. Библер. – М.: Изд-во политической литературы, 1991. – 414 с.
32. Бира Ш. О золотой книге Ш.Дамдина / Ш.Бира. – Улан-Батор: Изд-во Академии наук МНР, 1964. – 153 с.
33. Боас Ф. Границы сравнительного метода в антропологии / Ф. Боас / Пер. Ю.С.Терентьева//Антология исследований культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 728 с.
34. Брицкий Г.О., Денисенко М.В. Этические стереотипы русских / Г.О. Брицкий, М.В. Денисенко //Социологические исследования. – М.: № 4, 1999. – С.116-122
35. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций / Ф. Бродель. – М.: Весь мир, 2008. – 552 с.
36. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса / Ю.В. Бромлей. – М.: Изд-во Наука, 1983. – 412 с.
37. Брушлинский А.В. Психология субъекта: индивида и группы / А.В. Брушлинский. – М.: Изд-во Алетейя, 2010. – 272 с.

- 38.Буддизм и литературно-художественное творчество народов Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во Наука, 1985. – 128 с.
- 39.Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада / П.Дж. Бьюкенен. – М.: Из-во Аст, 2007. – 448 с.
- 40.Бенедикт Р., Дж. Мид, К.Хорни. Сравнительное изучение цивилизаций / Р. Бенедикт, Дж. Мид, К. Хорни // Хрестоматия/ под.ред. Б.С. Ерасова. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 560 с.
- 41.Вебер М. Избранное: Образ общества / М. Вебер. – М: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 767 с.
- 42.Вернадский Г.В. Монголы и Русь / Г.В. Вернадский. – М.: Ломоносовъ, 2019. – 512 с.
- 43.Визгин В.П. Современная западная философия / В.П. Визгин. – М.: ИФ РАН, 1998. – 72 с.
- 44.Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры / Л.Л. Викторова. – М.: Изд-во Наука, 1980. – 224 с.
- 45.Владимирцов Б. Я. Буддизм в Тибете и Монголии / Б.Я. Владимирцов. – СПб., 1919. – 52 с.
- 46.Владимирцов Б.Я. Работы по литературе монгольских народов / Б.Я. Владимирцов. – М.: Изд-во Восточная литература, 2003. – 608 с.
- 47.Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: Логико-гносеологический анализ / Е.К. Войшвилло. – М.: Либроком, 2009. – 240 с.
- 48.Воеводина Л.Н. Социальная мифология / Л.Н. Воеводина. – М., 2008. – 202 с.
- 49.Востриков С.В. Карабахский кризис и политика России на Кавказе / С.В. Востриков //Общественные науки и современность. – М.: № 3, 1996. – С.13-29
- 50.Выготский Л.С. Психология искусства / Л.С. Выготский. – Ростов: Феникс, 1998. – 480 с.
- 51.Гаадамба М. «Сокровенное сказание монголов» как памятник художественной литературы XIII в. / М. Гаадамба //автореф.канд.дисс. – М., 1961. – 21 с.
- 52.Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России / С.Н. Гавров. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 352 с.

53. Гачев Г.Д. Содержательность художественных форм (Эпос. Лирика. Театр) / Г.Д. Гачев. – М.: Просвещение, 1968. – 302 с.
54. Гачев Г.Д. Образы художественной культуры / Г.Д. Гачев. – М.: Искусство, 1981. – 248 с.
55. Гачев Г.Д. Национальные образы мира / Г.Д. Гачев. – М.: Изд-во Academia, 1988. – 432 с.
56. Гачев Г.Д. Неминуемое. Ускоренное развитие литературы / Г.Д. Гачев. – М.: Художественная литература, 1989. – 430 с.
57. Гачев Г.Д. Космо-Психо-Логос / Г.Д. Гачев. – М.: Академический проект, 2007. – С.10.
58. Гегель Г. Система наук. Феноменология духа / Г. Гегель / Т.4, Ч.:1. – Спб.: Изд-во Наука, 1999. – 444 с.
59. Гелнер Э. История первобытного общества. Общие вопросы. История антропосоциогенеза / Э. Гелнер. – М., 1983. – 432 с.
60. Герасимович Л.К. Литература Монгольской народной республики (1921-1964) / Л.К. Герасимович. – Ленинград: ЛГУ, 1965. – 310 с.
61. Герасимович Л.К. Монгольская литература XIII - начала XX вв. Материалы к лекциям / Л.К. Герасимович. – Элиста: Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, 2006. – 361 с.
62. Гершунский Б. С. Россия и США на пороге третьего тысячелетия. Опыт экспериментального исследования российского и американского менталитетов / Б.С. Гершунский. – М.: Флинт, 1999. – 599 с.
63. Гольман М.И. Российско-монгольские отношения сегодня / М.И. Гольман // Восток и Россия на рубеже XXI века. – М.: Институт Востоковедения РАН, 1998. – С.92-96.
64. Горелова Т.А. Тезаурус русского национального характера / Т.А. Горелова // Научные труды МосГУ. – М.: № 4, 2015. – с.14-27
65. Грайворонский В.В. Реформы в социальной сфере современной Монголии / В.В. Грайворонский. – М.: Институт Востоковедения РАН, 2007. – 253 с.
66. Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842 – 1925) / Э.Д. Гримм. – М.:

- Институт Востоковедения РАН имени Н.Н.Нариманова, 1927. – 219 с.
- 67.Гринева С.В. Менталитет и ментальность современной России: Монография / С.В. Гринева. – Невинномысск: Сев.-Каз.гос.техн. ун-т: Невинномысский технол.ин-т, 2003. – 176 с.
- 68.Гриненко Г.В. Хрестоматия по истории мировой культуры / Г.В. Гриненко. – М.: Высшее образование, 2005. – 940 с.
- 69.Грязнов А.Ф. Аналитическая философия / А.Ф. Грязнов. – М.: Высшая школа, 2006. – 375 с.
- 70.Гумилев Л.Н. Люди и природа великой степи (Опыт объяснения некоторых деталей истории кочевников) / Л.Н. Гумилев // Вопросы истории. – М.: № 11, 1987. – С.64-77
- 71.Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – М.: Айрис-Пресс, 2005. – 560 с.
- 72.Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. – М.: Наука, 1972. – 320 с.
- 73.Гуревич А.Я. Изучение ментальностей: социальная история и поиски исторического синтеза / А.Я. Гуревич // Сов. этнография. – М.: Наука, № 6, 1988. – С. 16-25
- 74.Гуревич А.Я., Вовель М., Рожанский М. Ментальность. Опыт словаря нового мышления/ А.Я. Гуревич, М. Вовель, М. Рожанский /Под общ.ред. М.Ферро, Ю.Афанасьева. – М.: Прогресс, 1989. – 459 с.
- 75.Гуревич А.Я. Всеобщая история: Дискусии, новые подходы. Вып. 1., М., 1989, с.75-89// <http://es-dejavu.ru/m/Mentalites.html> (дата обращения 3.09.2018).
- 76.Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов» / А.Я. Гуревич. – М.: Индрик, 1993. – 328 с.
- 77.Даважав Б. Юрта – основа монгольского зодчества. Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии / Б. Даважав. – Улан-Батор, 1977. – С.45-48.
- 78.Дамдинсурэн Ц. Исторические корни Гесериады / Ц. Дамдинсурэн. – М.: Академия наук СССР, Институт Востоковедения, 1957. – 202 с.
- 79.Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М.: ИЦ «Древнее и Современное», 2002. – 548 с.

80. Данные по Монголии

//file:///C:/Documents%20and%20Settings/%D0%9E%D0%BB%D0%B5%D1%81%D1%8F/%D0%9C%D0%BE%D0%B8%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/Downloads/23484.pdf (дата обращения 28.08.2018)

81. Дашпурэв Д. Этапы модернизации монгольского общества / Д. Дашпурэв. – Улан-Батор, 1995. – 240 с.

82. Дейнека О. С. Экономико-психологические последствия политики переходного периода / О. Дейнека // Общество и политика. Современные исследования, поиск концепций / Под ред. В. Ю. Большакова. - СПб., 2000. – С.69-74.

83. Добрынина В.И., Н.С. Кулешова. Этносоциокультурный потенциал государств постсоветского евразийского пространства / В.И. Добрынина, Н.С. Кулешова // Регионоведение. – Саранск: № 2, 2010. – С.45-52.

84. Додонов Р.А. Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования / Р.А. Додонов. – Запорожье: Тандем-У, 1998. – 191 с.

85. Драбкина И.Я. Искусство и культура Монголии и Центральной Азии / И.Я. Драбкина // Доклады и сообщения Всесоюзной научной конференции. – М.: Наука, 1983. – С.200-212.

86. Дрепа Г.Н., Дмитриев А.Н., Дмитриева Э.Я. Ментальность и менталитет российского общества: к анализу механизмов рефлексивного взаимодействия / Г.Н. Дрепа, А.Н. Дмитриев, Э.Я. Дмитриева // Российское сознание: материалы II международной конференции по ист. психологии российского сознания – Самара: СамГПУ, 1997. – С.90-100.

87. Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ / И.Г. Дубов // Вопросы психологии. – М.: № 5, 1993. – С. 20-29.

88. Душков Б.А. Психология типов личности, народов и эпох / Б.А. Душков. – Екатеринбург: Деловая книга, 2001. — 736 с.

89. Дылыкова В.С. Тибетская литература / В.С. Дылыкова. – М.: Наука, 1986. – 240 с.

90. Дюби Ж. История ментальностей / Ж. Дюби // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – М., 1996. – С. 18-21.
91. Ерасов Б.С. Культура, религия и цивилизация на Востоке / Б.С. Ерасов. – М.: Наука, 1990. – 207 с.
92. Жамцарано Ц. Монгольские летописи XVII в. / Ц. Жамцарано. – М.- Л.: Академия наук СССР, 1936. – 122 с.
93. Железняков А.С. Социально-историческая детерминация политических процессов в монгольском обществе: автореферат диссертации на соискание степени доктора политических наук // Официальный сайт ИС РАН. 2009. – URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1518> (дата обращения 12.05.2018).
94. Железняков А.С. Монголия в поиске идентичности на современном этапе и ее цивилизационное взаимодействие с Россией // <http://www.ifes-ras.ru/attaches/SHOS/Zheleznyakov-Mongolia.pdf> (дата обращения 12.05.2018).
95. Жуков В.И. Российские преобразования: социология, экономика, политика / В.И. Жуков. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2002. – 508 с.
96. Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов / Н.Л. Жуковская. – М.: Наука, 1988. – 196 с.
97. Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии. Культура. Традиции. Символика / Н.Л. Жуковская. – М.: Восточная литература, 2002. – 248 с.
98. Здравомыслов А.Г. Этнополитические процессы и динамика национального самосознания россиян / А.Г. Здравомыслов // Социологические исследования. – М.: № 12, 1996. – с.12-22.
99. Зубкова Е.Ю., Куприянов А.И. Российская ментальность: методы и проблемы изучения / Е.Ю. Зубкова, А.И. Куприянов. – М.: Институт российской истории РАН, 1999. – 248 с.
100. Иванов В.Н. Межнациональные конфликты: социологический аспект / В.Н. Иванов // Социологические исследования. – М.: № 4, 1992. – с.58-66.
101. Иконникова Н.К. Механизмы межкультурного восприятия / Н.К. Иконникова // Социологические исследования. – М.: № 11. – С. 26-34.

- 102.Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие / Л.Г. Ионин. – М.:Логос, 2000. – 430 с.
- 103.Иорданский В.Б. Противоречивая природа национализма / В.Б. Иорданский //Полис. Политические исследования. – М.: № 6, 2011. – С.160-169.
- 104.История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – М., 1996. – 255 с.
- 105.История Монголии XX век. – М.: ИВ РАН, 2007. – 448 с.
- 106.История отечественного востоковедения до середины XIX века. – М., 1997. – 536 с.
- 107.Кант И. Сочинения в 6-ти т./ И. Кант / Т. 4.Ч.1. – М.: Мысль, 1965. – 544 с.
- 108.Кара Д. Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности) / Д. Кара. – Москва: Наука, 1972. – 229 с.
- 109.Кемеров В.Е. Философская энциклопедия / В.Е. Кемеров. – М.: Панпринт, 1998. – 1064 с.
- 110.Книга Монголии. Альманах библиофила. – М.: Книга, 1988. – 383 с.
- 111.Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. / С.А. Козин. – М.-Л., 1941. – 611 с.
- 112.Козин С.А. Эпос монгольских народов / С.А. Козин. – М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1948. – 247 с.
- 113.Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте / В.В. Колесов. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. – 624 с.
114. Кондаков И.В. Русская культура: Краткий очерк истории и теории. Учебное пособие / И.В. Кондаков. — М.: Книжный дом "Университет" (КДУ), 1998. — 360 с.
- 115.Кондаков И. В. Культурология: история культуры России / И.В. Кондаков. – М.: Высшая школа, 2003. – 616 с.
- 116.Конституция и основные законодательные акты МНР /Пер.с монг./ Ред.С.С.Демидова. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1952. – 272 с.
- 117.Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества / А.В. Костина. – М.: ЛКИ, 2011. – 352 с.

- 118.Кравченко А.И. Культурология: Словарь / А.И. Кравченко. – М.: Академический Проект, 2000. – 343 с.
- 119.Крысько В.Г. Этническая психология / В.Г. Крысько. – М.: Академия, 2008 – 320 с.
- 120.Кузнецова Т.Ф. Проблемы взаимодействия человека, культуры и общества в условиях глобализирующегося мирового пространства. Памяти профессора Л.К.Зыбайлова / Т.Ф. Кузнецова // Коллективная монография. – М.: Прометей МПГУ, 2006. – 356 с.
- 121.Кульганек И.В. Монгольский поэтический фольклор: проблемы изучения, коллекция, поэтика / И.В. Кульганек. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. – 240 с.
122. Культурология : Дайджест // РАН. ИНИОН /Редкол.: *И.Л. Галинская* (гл. ред. и сост.). – М., 2000. – 218 с.
- 123.Кулешова Н.С. Современные этносоциокультурные процессы: основные понятия и термины: научное издание / Н.С. Кулешова. – М., 2010. – 171 с.
- 124.Кулешова Н.С. Население современной России: этносоциокультурный подход: монография / Н.С. Кулешова. – М.: Ид «Ключ-С», 2011. – 304 с.
- 125.Курашов В.И. Философия и российская ментальность. Философская мысль России на пороге XXI века / В.И. Курашов // Учеб. пособие. – Казань, 1999. – 303 с.
- 126.Ламажаа Ч.К. Тувиноведение: новые горизонты / Ч.К. Ламажаа. – М.: Либроком, 2013. – 225 с.
- 127.Ле Гофф. Ментальность, мир эмоций и формы поведения (X-XII вв)// <https://studfiles.net/preview/5596457/page:35/> (дата обращения 22.08.2019).
- 128.Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросскультурную психологию / Н.М. Лебедева. – М.: Ключ-С, 1999. – 191 с.
- 129.Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского человека: нормы и аномалии / Н.Б. Лебина. – СПб.: Летний сад, 1999. – 320 с.
- 130.Лебон Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – СПб.: Макет, 1995. – 311 с.
- 131.Левин З.И. Восток: идентичность и глобализация / З.И. Левин. – М.: ИВ РАН, 2007. – 168 с.

132. Леви-Стросс К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. – М.: Эксмо-Пресс, 2001. – 512 с.
133. Леви-Стросс К. Первобытное мышление / К. Леви-Стросс. – М.: Республика, 1994. – 38 с.
134. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
135. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачев. – М.: Наука, 1979. – 360 с.
136. Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология. – М.: Смысл, 2001. – 555 с.
137. Лосев А.Ф. История античной эстетики (комплект из трех книг) / А.Ф. Лосев. – М.: Ладомир, 1994. – 5806 с.
138. Лосский Н.О. Характер русского народа / Н.О. Лосский. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.
139. Лотман Ю.М. Три функции текста / Ю.М. Лотман // Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера-история. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 11-22.
140. Лувсанданзан. Алтан тобчи/ Лувсанданзан / Пер. с монгольского, введение, комментарий и приложения Н.П.Шастиной. – М., 1973. – 440 с.
141. Луков Вал., Луков Вл. Тезаурусы. Субъектная организация гуманитарного знания / Вал. Луков, Вл. Луков. – М., 2008. – 782 с.
142. Лурия А.Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия. – СПб.: Питер, 2019. – 336 с.
143. Лурье С.В. Историческая этнология / С.В. Лурье. – М.: Аспект-Пресс, 1997. – 448 с.
144. Лурье С.В. Метаморфозы традиционного сознания: Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала / С.В. Лурье. – СПб.: Типография им.Котлякова, 1994. – 288 с.
145. Ляпкина Т.Ф. Социокультурные константы номадизма как основа изучения культуры кочевников / Т.Ф. Ляпкина // Россия – Монголия: культурная

- идентичность и межкультурное взаимодействие: монография. – М.-Берлин, 2014. – С. 90-94
- 146.Малиновский Б. Избранное: динамика культуры / Б. Малиновский. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 464 с.
- 147.Маннгейм К. Избранное: социология культуры / К. Маннгейм. – М.-Спб.: Университетская книга, 2000. – 501 с.
- 148.Марков Б.В. Теория цивилизационного подхода / Б.В. Марков // Философские науки. – М.: № 2, 2013. - 138 с.
- 149.Майский И.М. Монголия накануне революции / И.М. Майский. – М.: Восточная литература, 1959. – 310 с.
- 150.Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. Логико-методологический анализ / Э. С. Маркарян. – М.: Мысль, 1983. – 284 с
- 151.Маршак А.Л., Заклинский П.А. Целостное осмысление социального многообразия культуры / А.Л. Маршак, П.А. Заклинский // Социально-гуманитарные знания. – М.: № 2, 2000. – 187 с.
- 152.Машлай Т. Развитие общеобразовательной школы Монголии (1911-1940) / Т. Машлай. – М., 1965. – 144 с.
- 153.Межуев В.М. Идея культуры: очерки по философии культуры / В.М. Межуев. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 326 с.
- 154.Мид М. Культура и мир детства / М. Мид. – М.: Наука, 1987. – 429 с.
- 155.Михайлов Г.И. Литературное наследство монголов / Г.И. Михайлов. – М.: Наука, 1969. – 175 с.
- 156.Михайлов Г.И. Очерк истории современной монгольской литературы / Г.И. Михайлов. –М.: Изд-во Академия Наук СССР, 1955. – 216 с.
- 157.Михайлов Г.И., Яцковская К.Н. Монгольская литература: краткий очерк / Г.И. Михайлов, К.Н. Яцковская. – М.: Наука, 1969. – 222 с.
- 158.Михалев А.В. Советская миссия в Монголии и монгольский национализм: формирование ситуации постсоциализма / А.В. Михалев // Россия – Монголия: культурная идентичность и межкультурное взаимодействие: монография / В.М.Дианова, ред.. Изд. 3-е. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. – С.373-387.
- 159.Мочалова Е.В., Загороднова И.В. Российский менталитет в социально-

философском и историко-культурном осмыслении / Е.В. Мочалова, И.В. Загороднова. – Саранск, 2008. – 144 с.

160. Монгольское государство // <https://www.ulstor.mn/post/3105.html> (проверено 9.05.2018).

161. Монгольская литература. Очерки истории XIII – первой половины XX в. – М.: ИВ РАН, 1997. – 324 с.

162. Мухаметшин Ф.М. Россия и Средняя Азия: политика и ислам в конце XVIII-начале XXI века / Ф.М. Мухаметшин. – М.: Изд-во Московского университета, 2013. – 480 с.

163. Наднеева К.А. Махаянский буддизм как структурирующее начало культуры монгольских народов / К.А. Наднеева // Россия – Монголия: культурная идентичность и межкультурное взаимодействие: монография / В.М. Дианова, ред.. Изд. 3-е. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. – С.54-65.

164. Население Монголии // <https://countrysmeters.info/ru/Mongolia> (дата обращения 10.08.2018).

165. Неженец Н.И. Поэзия народных традиций / Н.И. Неженец. – М.: Наука, 1988. – 208 с.

166. Неклюдов С.Ю. Художественная словесность в старой Монголии / С.Ю. Неклюдов // Альманах библиофила. Вып. 24. Книга Монголии. – М.: Книга, 1988. – С. 61-70.

167. Неклюдов С.Ю. Героический эпос монгольских народов / С.Ю. Неклюдов. – М.: Наука, 1984. – 316 с.

168. Новгородова Э. А. Мифы и культы древней Монголии / Э.А. Новгородова // Вестник Академии наук СССР. – М.: Т. 2, 1980. – С.124-144

169. Новейший философский словарь// <https://gufo.me/dict/philosophy/%D0%AD%D0%A2%D0%9D%D0%9E%D0%A1> (дата обращения 15.07.2019).

170. Новая философская энциклопедия// https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia (дата обращения 10.08.19).

171. Нравы, обычаи, традиции народов Восточной Азии // https://abc.vvsu.ru/books/nr_v_az/page0020.asp (дата обращения 12.05.2018).

172. Огурцов А.П. Национальный менталитет и история России / А.П. Огурцов // Вопросы философии. – М.: №1, 1994. – С.50-53.
173. Орлова Э.А. Культурная (социальная) антропология / Э.А. Орлова. – М.: Академический проект, 2004. – 480 с.
174. О Монголии // <http://www.unen.mn/content/16983.shtml?alias=politics> (дата обращения 18.03.2018).
175. Основные договорно-правовые акты подписанные между Россией и Монголией. // Сайт посольства Российской Федерации в Монголии. <http://www.mongolia.mid.ru/relations.html> (дата обращения 12.05.2018).
176. Очерки истории культуры МНР. – Улан-Удэ: Бур.Кн.из-во, 1971 – 509 с.
177. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001. – 191 с.
178. Панарин А.С., Стернин И.А., Попова З.Д., Православная цивилизация в глобальном мире / А.С. Панарин, И.А. Стернин, З.Д. Попова. – М.: Институт православной церкви, 2014. – 1248 с.
179. Панарин А.С. Глобальное информационное общество: вызовы и ответы / А.С. Панарин // Власть. – М.: №1, 2001. – С.14-19
180. Пелипенко А.А. Ландшафт российской ментальности / А.А. Пелипенко // Российская ментальность: теоретические проблемы. Материалы научной конференции 15-16 мая. – М., 2003. – С.3-7.
181. Петренко О.А. Этнический менталитет и язык фольклора / О.А. Петренко. – Курск: Изд-во Курского пед.института, 1996. – 118 с.
182. Позднеев А.М. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892-1893 гг. А.Позднеевым (комплект из 2х книг) / А.М. Позднеев. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1896. – 434 с.
183. Полежаев Д. В. Феномен менталитета в социально-гуманитарном знании: историографические заметки / Д.В. Полежаев. – Волгоград, 2007. – 370 с.
184. Полянский В.С. Историческая память в этническом самосознании народов / В.С. Полянский // Социологические исследования. – М.: № 3, 1999. – С.11-20.
185. Поппе Н.Н. Халха-монгольский героический эпос / Н.Н. Поппе. – М.-Л.: Изд-во Академии Наук, 1934. – 127 с.

186. Проблемы психологизма в советской литературе. – Ленинград: Наука, 1970. – 397 с.
187. Пушкарев Л.Н. Что такое менталитет? / Л.Н. Пушкарев // Отечественная история. – Тверь: № 3, 1995. – С. 160-166
188. Пшеничникова Р.И. Культурные традиции бурят в современном мире / Р.И. Пшеничникова // Россия – Монголия: культурная идентичность и межкультурное взаимодействие: монография / В.М. Дианова, ред.. Изд. 3-е. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. – с.139-146
189. Ребер А. Большой толковый психологический словарь / А. Ребер. – М.: Вече: Аст, Т.1., 2000. – 591 с.
190. Ремизов В.А. Основы коммуникативной культуры / В.А. Ремизов. – М.: Владос, 2011. – 206 с.
191. Ринчен Б. Из нашего культурного наследия / Б. Ринчен. – Улан-Батор, 1958. – 72 с.
192. Ришар Ф. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений / Ф. Ришар. – М.: Институт Психологии РАН, 1998. – 232 с.
193. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – М., 1973. – 424 с.
194. Рупен Р.А. Монголы XX века / Р.А. Рупен. – Улан-Удэ, БНЦ РАН, 2003. – 82 с.
195. Сабиров Р.Т. Россия и Монголия на пути стратегического партнерства / Р.Т. Сабиров / Рецензия. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: № 6, 2012. – С. 172.
196. Сабиров Р.Т. Религия в Монголии. Автохтонные верования и шаманизм в Монголии после 1990-го года // https://www.legendtour.ru/rus/mongolia/text/sabirov_1.shtml (дата обращения 12.05.2018).
197. Сампилдэндэв Х. Воздействие фольклора на развитие современной монгольской литературы / Х. Сампилдэндэв // Роль фольклора в развитии литератур Юго-Восточной и Восточной Азии. – М., 1988. – С.169-181.

198. Санжеев Г.Д. Современный монгольский язык / Г.Д. Санжеев. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1960. – 103 с.
199. Сапожникова О.А. Отражение ментальности в литературе / О. А. Сапожникова // Культура и цивилизация. – Ногинск: Т.9, № 4 А, 2019. – С.70-75.
200. Сапожникова О.А. Творчество С.Буяннэмэха как социокультурное явление Монголии / О. А. Сапожникова // Культура и образование. – М.: № 1 (28), 2018. – С.74-79.
201. Сапожникова О.А. Ментальность монгольского народа / О. А. Сапожникова // «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики», серия «Познание». – М.: № 4, 2018. – С.64-68.
202. Сапожникова О.А. Российско-монгольское сотрудничество на современном этапе / О. А. Сапожникова // Миссия конфессий. – М.: Т.7, ч.3, 2018. – С. 307-313.
203. Сапожникова О.А. Ментальность монгольского народа и причины ее социокультурной трансформации / О. А. Сапожникова // Культура и искусство. – М.: № 11, 2018. – С.42-48.
204. Сапожникова О.А. Ментальность и монгольский национальный характер в творчестве С.Буяннэмэха / О.А. Сапожникова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – М.: № 4, 2017. – С. 135-142.
205. Сапожникова О.А. Творчество С. Буяннэмэха в контексте становления монгольского театра в первой трети XX века / О. А. Сапожникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: № 12 (66), ч.4, 2016. – С.46-48.
206. Семенов В. Е. Искусство как межличностная коммуникация (социально-психологическая концепция) / В.Е. Семенов. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 199 с.
207. Семенова Т.В. Теоретические и прикладные аспекты социально-психологического исследования городской ментальности / Т.В. Семенова / Автореферат на соиск.уч.степени доктора психологических наук. – Казань, 2007. – 27 с.
208. Синявина Н.В. История русской культуры / Н.В. Синявина. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 316 с.

- 209.Скородумова Л.Г. Монгольский язык: Образы мира / Л.Г. Скородумова. – Улан-Батор: Бемби сан, 2004. – 238 с.
- 210.Скородумова Л.Г. История и культура монголов. Хрестоматия, состав, иллюстрации, комментарий / Л.Г. Скородумова. – Улан-Батор: Бемби сан, 2005. – 262 с.
- 211.Скородумова Л.Г. Обычаи монгольского народа / Л.Г. Скородумова. – Улан-Батор: Монцамэ, 2006 – 47 с.
- 212.Скородумова Л.Г. Из истории изучения монгольской литературы в России (современный взгляд)/ Л.Г. Скородумова // ALTAICA XII. Сборник статей и материалов. – М.: Институт Востоковедения РАН, 2007. – С.102-122.
- 213.Скрынникова Т.Д. Буддийская церковь в актуализации монгольской идентичности первой четверти XX в. / Т.Д. Скрынникова // Россия – Монголия: культурная идентичность и межкультурное взаимодействие: монография / В.М.Дианова, ред.. Изд. 3-е. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. – С.39-54
- 214.Соколов В.М. Российская ментальность и исторические пути отечества / В.М. Соколов. –М.: РАГС, 2007. – 248 с.
- 215.Сорокин П.А. Кризис нашего времени: социальный и культурный обзор / П.А. Сорокин. – М.: ИСПИ РАН, 2009. – 384 с.
216. Союз монгольской молодежи//myf.mn (дата обращения 18.03.2018).
- 217.Статистика населения Монголии
//<http://www.toollogo2010.mn/images/ReportOnSurveyFor2010Census.pdf> (дата обращения 9.05.2018).
- 218.Суминова Т.Н. Ноосфера. Поиски гармонии / Т.Н. Суминова. – М.: Академический проект, 2005. – 448 с.
- 219.Сухээ Б. Этапы становления монгольского театра (30-е – 60-е годы XX века) / Б. Сухээ / Автореферат диссер.на степень кандидата искусствоведения. –М., 2008. – 26 с.
- 220.Таршис Е.Я. Ментальность человека: подходы к концепции и постановка задач исследования / Е.Я. Таршис. – М.: Либроком, 2012. – 88 с.

- 221.Тадтаев Х.Б. Этнос. Нация. Раса. Национально-культурные особенности детерминации процесса познания / Х.Б. Тадтаев. – Саратов: изд-во Саратовского университета, 2001. – 241 с.
- 222.Тайлор Э. Первобытная культура / Э. Тайлор. – М.: Изд-во полит.культуры, 1989 – 573 с.
- 223.Тихонова В.А. Национальная идея как выражение ментальности русского народа / В.А. Тихонова //Российская ментальность: теоретические проблемы. Материалы научной конференции. – М., 2003. – С.40-47
- 224.Тойнби А.Дж. Постигание истории / А.Дж. Тойнби. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
- 225.Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории / А.Дж. Тойнби. – М.: Аст, Астрель, 2000. – 320 с.
- 226.Томахин Г. Д. Реалии — американизмы / Г.Д. Томахин / Пособие по страноведению: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. — М.: Высшая школа, 1988. – 239 с.
- 227.Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана / Н.С. Трубецкой. – М.: Аграф, 1999. – 554 с.
- 228.Уварова Г.А. Современный монгольский театр / Г.А. Уварова. – М.-Л., 1948. – 245 с.
- 229.Успенский Б.А. Семиотика искусства. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 360 с.
- 230.Февр Л. Бои за историю / Л. Февр / Пер. с франц.яз. – М.: Наука, 1991. – 629 с.
- 231.Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы / В.Г. Федотова. – М.: ИФРАН, 1997. – 255 с.
- 232.Феномен человека: Антология. Сост. и выступ, ст. П.С.Гуревича. – М.: Высшая школа, 1993. – 349 с.
- 233.Ферро М. Николай II / М. Ферро / Пер. с франц.яз. – М.: Международные отношения, 1991. – 352 с.
234. Философский словарь // https://gufo.me/dict/philosophy_dict?page=5&letter=%D0%BC (дата обращения 12.08.2019)

- 235.Флиер А.Я., Полетаева М.А. Тезаурус основных понятий культурологии / А.Я. Флиер, М.А. Полетаева. – М.: МГУКИ, 2008. – 284 с.
- 236.Флиер А.Я., Костина А.В. Культура между рабством обычая, рабством статуса и рабством потребления/ А.Я. Флиер, А.В. Костина // Вестник МГУКИ. – М.: №3, 2009. – С.8-17.
- 237.Флиер А.Я. Культурология для культурологов / А.Я. Флиер. – М.: Согласие, 2010. – 672 с.
- 238.Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура / З. Фрейд. – М.: Ренессанс, 1992. – 296 с.
- 239.Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее / Ф. Фукуяма. – М.: Аст, 2004. – 349 с.
- 240.Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир / А.М. Хазанов. – Алма-ата: Дайк-Пресс, 2002. – 604 с.
- 241.Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: Аст, 2003. – 603 с.
- 242.Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность / Х. Хекхаузен. – М.: Речь, 2001. – 179 с.
- 243.Хорни К. Новые пути в психоанализе / К. Хорни. – М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2014. – 400 с.
- 244.Хурэлбаатар Л. Классическая традиция восточной художественной мысли и монгольская теория поэзии / Л. Хурэлбаатар / Автореф. на соискание ученой степени докт.фил.наук. – Улан-Батор, 1993. – 36 с.
- 245.Цендина А.Д. Старомонгольская литература / А.Д. Цендина // Историко-культурный атлас Бурятии. – М.: КартографияДизайн, 2001. – С.421–422.
- 246.Цендина А.Д. Монгольские летописи ХУП-ХІХ вв.: повествовательные традиции / А.Д. Цендина. – М.: РГГУ, 2007. – 272 с.
- 247.Чеснов Я.В. Народная культура. Философско-антропологический подход / Я.В. Чеснов. – М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2014. – 496 с.
- 248.Чижиков В.М. Теория и практика социокультурного менеджмента / В.М. Чижиков. – М.: МГУКИ, 2008. – 608 с.
249. Численность населения Монголии// <https://countrysimeters.info/ru/Mongolia>

(дата обращения 10.08.2018).

250.Шастина Н.П. История изучения Монгольской Народной республики / Н.П. Шастина. – М.: Академия наук СССР, 1952. – 381 с.

251.Шастина Н.П. Шара туджи. Монгольская летопись XVII в. / Н.П. Шастина. – М.: Изд-во Академия Наук СССР, 1957. –197 с.

252.Шибаета М.М. Введение в философию культуры (западно-европейская мысль о культуре) / М.М. Шибаета. – М.: МГУКИ, 1998. – 180 с.

253.Шибаета М.М. Эвристический потенциал полемики о понятии и явлении российской ментальности / М.М. Шибаета // Российская ментальность: теоретические проблемы. Материалы научной конференции 15-16 мая. М.,2003. – С.26-33.

254.Шмыт А.С. Культ Чингис-хана в период Монгольской Народной Республики и в современной Монголии как элемент национальной идентичности монголов / А.С. Шмыт // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск: №4 (47), 2014. – С.310-313.

255.Шнейдер Л.Б., Вольцев С.В. Социально-психологические особенности национального менталитета / Л.Б. Шнейдер, С.В. Вольцев. – М.: МПСИ, МОДЭК, 2009. – 208 с.

256.Шпенглер О. Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / О. Шпенглер. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 560 с.

257.Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию / Г.Г Шпет. – М.: Государственная академия художественных наук, 1927. – 147 с.

258.Южалина Н.С. Ментальность: сущность и структура явления / Н.С. Южалина. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2002. – 53 с.

259.Юнг К.Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг. – М.: Renaissance, 1991. – 304 с.

260.Юнг К. Античная психология / К.Г. Юнг. – СПб., 2001. – 405 с.

261.Юнг К. О психологии восточных религий и философий / К. Юнг. – М.: Медиум, 1994. – 253 с.

262.Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного / К.Г. Юнг. – М., 2010. – 155 с.

263. Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций / Ю.В. Яковец. – М.: Экономика, 2003. – 441 с.
264. Яскина Г.С. Монголия и внешний мир / Г.С. Яскина. – М.: Институт Востоковедения РАН, 2002. – 370 с.
265. Яцковская К.Н. Поэты Монголии XX в. / К.Н. Яцковская. – М.: Институт Востоковедения РАН, 2002. – 248 с.
266. Яцковская К.Н. Монгольская литература / К.Н. Яцковская // Изучение литератур Востока. Россия, XX век. – М.: Восточная литература, 2002. – С. 335-361.
267. Ancient traditions. Shamanism in Central Asia and the Americas | Edit by G. Seaman and J. Day. Colorado, 1994. – 324 p.
268. Asian Development Bank, 1996 — a.D.B. Country Economic review Mongolia. October 1996. uB, 1996. – 325 p.
269. Asian Development Bank, 1997 — a.D.B. Country Economic review Mongolia. August 1997. uB, 1997. – 54 p.
270. Asian Development Bank, 1999 — a.D.B. Education Sector Development Program. uB, 1999. – 322 p.
271. Asian Development Bank, 2002 — a.D.B. Strategic Development Outline or Economic Cooperation between the People's Republic of China and Mongolia. Manila, 2002. – 304 p.
272. Badby Ph. Culture and history / Ph. Badby // Prolegomena to the comparative study of civilization. Berk., 1963. – 244 p.
273. Bawden C. R. The Modern History of Mongolia / C.R. Bawden. – Weidenfeld and Nicolson, 1968. – 455 p.
274. Biden J. R. Capturing Imagination / J. R. Biden // The Report: Mongolia 2012. P.24. URL: <http://www.oxfordbusinessgroup.com/mongolia-2012> (дата обращения 12.05.2018)/
275. Cultural Policy in the Mongolian People's Republic.// <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000048756> (дата обращения 22.08.2019)/
276. Eisenstadt S.N. Tradition, Change and Modernity / S.N. Eisenstadt. – New York, 1973. – 253 p.

277. Feibleman J.K. The theory of human culture / J.K. Feibleman. – N.Y., 1968. – 361 p.
278. Humphrey C. Inside a Mongolian tent new society. 31.10 / C. Humphrey – 1968. – 3 p.
279. Kaplonski C. The Lama Question: Violence, Sovereignty, and Exception in Early Socialist Mongolia / C. Kaplonski. – University of Hawai'i Press, 2014. – 280 p.
280. Laufer B. Chinese clay figures / B. Laufer. – Chicago, 1914. – 306 p.
281. Lloyd G.E.R. Demystifying Mentalities / G.E.R. Lloyd. – Cambridge University Press, 1990. – 21 p.
282. Marzluf P. Literacy under Authority: The Mongolian Cultural Campaigns / P. Marzluf // *The Journal of Asian Studies*, Vol. 76, Issue 1, 2015. – 157 p.
283. O'Donnell G. On the State, Democratization and Some Conceptual Problems (A Latin American View with Glances at Some Post-Communist Countries) / G. O'Donnell. – World Development, N 21 (1993): 1355-69 (также опубликована под названием Kellogg Institute Working Paper N 192) (April 1993). – 40 p.
284. Rupen R. Mongols of the Twentieth Century / R. Rupen. – Indiana University publications, 1964. – 167 p.
285. Ардын боловсрол, соёл-урлаг, шинжлэх ухааны талаархи хууль тогтоомжийг системчилсэн эмхэтгэл (1964- 1967 он) III боть. – Улаанбаатар, 1968 – 193 х.
286. Билигсайхан Ч. Монгол эрх товчис / Ч. Билигсайхан. – Улаанбаатар, 2000. – 235 х.
287. Билигсайхан Ч. Орчин цагийн монгол роман / Ч. Билигсайхан. – Улаанбаатар, 1981. – 127 х.
288. Бира Ш. Монголын соёлын түүх / Ш. Бира. – Улаанбаатар: Адмон, 1999. – 64 х.
289. Буяннэмэх С. Түүвэр зохиол / С.Буяннэмэх. – Улаанбаатар, 1968. – 268 х.
290. Буяннэмэхийн уран бүтээл. – Улаанбаатар, 1968. – 302 х.
291. Буяннэмэх С. Утга зохиолын үүд / С. Буяннэмэх // Хэл зохиол судлал. Шинжлэх Ухааны Академийн хэл зохиолын хүрэлээн. – Улаанбаатар, 1975. – 407 х.

- 292.Буяннэмэх С. Түүвэр зохиол / С. Буяннэмэх // Монголын уран зохиолын дээжис XXIII боть. – Улаанбаатар, 1996. – 446 х.
- 293.Буяннэмэхийг дурсахуй. – Улаанбаатар, 2002. – 130 х.
- 294.Гаадамба Ш. Утга зохиолын онолын үндэс / Ш. Гаадамба. – Улаанбаатар, 1959. – 270 х.
295. Галбаатар Д. Монгол уран зохиолын онол туухийн зангилаа асуудал / Д. Галбаатар. – Улаанбаатар, 2001. – 437 х.
- 296.Лувсанвандан С. Түүвэр зохиол. Утга зохиол / С. Лувсанвандан. – Улаанбаатар, 2002. – 616 х.
- 297.Мөнх Ц. Монголын шинэ үеийн уран зохиолын шүүмжлэлийн түүхэн найруулал / Ц. Мөнх. – Улаанбаатар, 1974. – 405 х.
- 298.Монгол Улсын статистикийн Эмхэтгэл. – Улаанбаатар, 2006. – 394 х.
- 299.Намдаг Д. Ухаан бодлын охь, уран зохиолын туршлага / Д. Намдаг. – Улаанбаатар, 1995. – 324 х.
- 300.Намдаг Д. Шинэ монголын шинэ театр (арван жилийн дурдатгал) / Д. Намдаг. – Улаанбаатар, 1988. – 190 х.
- 301.Монголын орчин үеийн уран зохиолын түүхэн сургамж. – Улаанбаатар, 1999. – 576 х.
- 302.Монголын соёлын түүх. – Улаанбаатар, 1999. – 424 х.
- 303.Уран зохиолын лавлах толь. – Улаанбаатар, 2001. – 881 х.
- 304.Монголын уран зохиолын тойм 1921-1961. – Улаанбаатар, 1965. – 317 х.
- 305.Монголын философийн түүх. П.дэвтэр. – Улаанбаатар, 2000. – 382 х.
- 306.Намжил Х. Чингисийн засаг ба билиг / Х. Намжил. – Улаанбаатар, 1990. – 179 х.
- 307.Нацагдорж Д. Шилдэг бүтээлүүд / Д. Нацагдорж. – Улаанбаатар, 2009. – 510 х.
- 308.Самбуу Ж. Шашин ба лам нарын асуудал / Ж. Самбуу // Улсын хэвлэлийн хэрэг эрхлэх хороо. – Улаанбаатар, 1961. – 426 х.
- 309.Удвал С.Хувьсгалын 60 жил, монголын эмэгтэйчүүд (МАХН-аас эмэгтэйчүүдийн талаар авсан арга хэмжээнүүд) / С. Удвал. – Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1981. – 115 х.

- 310.Хасбаатар Ц. Реализмын тухай / Ц. Хасбаатар. – Улаанбаатар, 1979. – 96 х.
- 311.Хасбаатар Ц. Уран зохиолын учир / Ц. Хасбаатар. – Улаанбаатар, 1976. – 102 х.
- 312.Цэдэв Д. Яруу найргийн уламжлал шинэчлэл / Д. Цэдэв. – Улаанбаатар, 1973. – 182 х.
- 313.Цэнд Д. Зохиолчийн уран чадварын асуудалд / Д. Цэнд. – Улаанбаатар, 1973. – 267 х.
- 314.Цэнд Д. Монголын орчин үеийн уянгын яруу найраг (1921-1971) / Д. Цэнд – Улаанбаатар, 1972. – 282 х.
- 315.Цэнд Ш. Ринчен Д. Соёл-гэгээрлийн ажилтан нарын лавлах бичиг / Ш. Цэнд, Д. Ринчен // Урлагийн хэрэг эрхлэх хорооны соёл гэгээрлийн хэлтэс. – Улаанбаатар: Улсын хэвлэл, 1956. – 97 х.
- 316.Цэрэнсодном Д. Монгол уран зохиол / Д. Цэрэнсодном. – Улаанбаатар, 1987. – 701 х.